

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА
ВРЕМЕН

ТОМ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
2020

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ — СВИДЕТЕЛЬНИЦА ВРЕМЕН

ТОМ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Под общей редакцией
С.М. Исхакова

МОСКВА, 2020

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков**
главный редактор, кандидат исторических наук
- Ф.Г. Тараторкин**
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Керемещкий**
зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства
- Т. Лефко**
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская**
ученный секретарь

Редакционный совет

- М.В. Баранов**
президент «Руниверс»
- С.П. Брюн**
сотрудник Музеев Московского Кремля
- В.З. Голдман**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Горский**
доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- С.В. Девятов**
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жангиев**
кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исхаков**
доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории
- Г. Кантор**
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- С.А. Кириллина**
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- Т.Ю. Кобищанов**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- И.В. Курюкин**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ
- Г.Н. Ланской**
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ
- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе
- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплаутенсе
- М.С. Мейер**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, президент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.В. Орлов**
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- Е.И. Пивовар**
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, директор учебно-научного центра «Кремль-9» РГГУ
- А.А. Улузян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Я.М. Хамеен-Анттила**
профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Filipp G. Taratorkin
Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor, Corresponding Fellow of International Academy of Art and Culture
- Todd Lefko
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary

Editorial Board

- Mikhail V. Baranov
President of «Runivers»
- Sergei P. Brun
Staff member at the Moscow Kremlin Museums
- Wendy Z. Goldman
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department
- Anton A. Gorskiy
D. Sc. (History), Professor at the Moscow State University, Historical Faculty, Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Sergey V. Deviatov
D. Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty
- Dmitriy R. Zhantiev
Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Salavat M. Iskhakov
D. Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History
- Georgy Kantor
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford
- Svetlana A. Kirillina
D. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Taras Y. Kobishchanov
Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Igor V. Kurukin
D. Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Gregory N. Lanskoj
D.Sc. (History), Professor of the Department of Transregional Studies and Foreign Policy of the International Affairs and Transregional Studies Faculty of the History and Archives Institute of RSUH
- Gail D. Lenhoff
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey
Ph.D. in History, in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Mikhail S. Meyer
D. Sc. (History), Professor at the Department of Middle and Near East History, President of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Stepan V. Orlov
Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty
- Daniel Panateri
D. Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Efim I. Pivovar
Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences, President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences
- Alexey E. Titkov
Ph.D. in History, Director of the «Kremlin-9» Centre for Studies and Research at Russian State University for the Humanities
- Arutyun A. Ulunyan
D. Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Jaakko Markus Hämeen-Anttila
Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

ОТ РЕДАКЦИИ

Данный номер «Исторического вестника» затрагивает последние полвека Российской империи и полвека советской истории, рассматривая при этом проблемы, связанные с экономикой, общественными настроениями, внутренней, внешней и международной политикой, войнами, революциями, реформами, межэтническими отношениями, эмиграцией.

Одним из постоянных авторов журнала «Исторический вестник» в конце XIX в. являлся известный писатель Н.С. Лесков. Его публикациям, ряд которых показывает его интерес к исторической тематике, посвящена статья Д.Е. Фирсова.

К числу спорных в современной историографии и привлекающих широкое общественное внимание проблем относится выяснение уровня развития Российской империи в начале XX в. Этой фундаментальной проблеме посвящена статья В.В. Поликарпова, где показано, что успехи в вооружении флота дают своего рода мерило для объективной сравнительной оценки уровня не только экономического, но и культурного развития России, ее противников и союзников.

Неизвестные факты биографии прототипа главного героя знаменитого советского романа «Тихий Дон», переведенного на многие языки, рассматриваются в статье А.В. Венкова.

К числу дискуссионных в мировой историографии проблем относится демография крымских татар, на которую оказали влияние различные факторы в межвоенный период. Этой проблеме посвящена статья С.М. Исхакова, в которой приведены различные данные о их численности

и характеризуется отношением крымских татар к переписям населения в Крыму.

Актуальнейшей и в то же время полемичной темой в историографии является также освещение жизни политэмигрантских лидеров из бывшей Российской империи, оказавшихся в Европе в 1920–1930-е гг. Дж. Кумук (Турция), используя ряд ценных архивных источников, анализирует деятельность северокавказских политэмигрантов в Европе в межвоенный период и причины массовой гибели горцев, выходцев из Северного Кавказа, в долине р. Драу в 1945 г.

В статье В.А. Невежина и Е.С. Сапрыкиной рассматриваются публикации российских историков, вышедшие в 2015–2020 гг., о причинах победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, в том числе роли И.В. Сталина. Размышления об образах Сталина в XXI в. в англоязычном мире и новейшие результаты западной историографии его роли в истории СССР представлены в статье К. Рида (Великобритания).

В разделе «Научная жизнь» публикуются рецензия на сборник статей зарубежных исследователей, посвященных историку Р. Суни (США), и рецензия на новую книгу о рабочем классе Украинской ССР в 1946–1965 гг.

В разделе «Источники» впервые публикуются несколько документов, относящихся к истории советско-американских отношений (1926–1927 гг.), а также обнаруженные Й. Шнелле (ФРГ) письма кавказских политэмигрантов, находившихся в Берлине в 1942 г.

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»

EDITORIAL

The current issue of the Historical Reporter touches upon the last half century of the Russian Empire and the first half century of the Soviet era. Highlighted are some problems in connection to economics, social moods and attitudes, domestic and foreign policies, wars, revolutions, reforms, cross-ethnic relations and emigration.

At the end of the XIX c. Nikolai Leskov was a regular author of the «Historichesky Vestnik» magazine. An article by Denis E. Firsov is dedicated to Leskov's publications. The analysis shows his great interest in historical themes and unique writing style.

Among the most debatable questions in modern historiography, is an estimation of the level of the Russia Empire development in the XX c. This fundamental question is highlighted in Vladimir V. Polikarpov's article. The author demonstrates how assessment of the Navy Force gives opportunity for comparative evaluation of economic and cultural development levels of Russia, its allies and enemies.

The famous Soviet novel «And Quiet Flows the Don» has been translated to many languages. Andrey V. Venkov in his article shows some previously unknown facts through his main hero protagonist biography.

The Crimean Tatars have been affected by many factors during the Inter-War Period. The demographics of Crimea are among the highly debatable questions in world historiography. The article by Salavat M. Iskhakov shows various numbers of population and the Crimean Tatars attitude towards census surveys in general.

Highly polemic and of a great interest are the studies depicting the lives of Russian Empire political emigrants in Europe in 1920–1930's. C. Kumuk in his article based on a range of valuable archival sources, analyses lives of political emigrants from the North Caucasus in Europe during the Inter-War Period, as well as the mass fatality of Highlanders in the valley of the river Drava in 1945.

In the article by Vladimir A. Nevezhin and Ekaterina S. Saprikina, the authors examine studies by Russian historians published in 2015–2020 which aim to find the reasons for the Soviet Union victory in the Great Patriotic War, including the role of Stalin.

Reflections on the Stalin's role in XX c. in the English speaking world, and the newest studies in western historiography on his role in the history of USSR are highlighted in the article by Ch. Read (UK).

In the «Scientific Life» section are two reviews: on the collective volume of works by foreign researchers dedicated to historian R. Suny (USA), and on a new book about the working class in Ukrainian SSR in 1946–1965.

In the «Sources» section for the first time are several documents, referring to the history of Soviet Union—United States relations (1926–1927), and as well as letters from Caucasian political emigrants situated in Berlin in 1942, uncovered by J. Shnelle (Germany).

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief of the Historical Reporter

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Е. Фирсов. Публикации Н.С. Лескова и о нем в журнале «Исторический вестник» (1880–1895, 1908 гг.).....	10
В. В. Поликарпов. Последние дюймы: орудия для дредноутов Николая II.....	18
А. В. Венков. Два ареста Харлампия Ермакова — прототипа главного героя романа «Тихий Дон».....	66
С. М. Исхаков. К вопросу о численности крымских татар в 1917–1941 гг.....	84
С. Кутук. Predecessors & consequences of a tragedy: May 28 – June 01, 1945 Drau massacre.....	96
В. А. Невежин, Е. С. Сапрыкина. Факторы Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне: новейшие оценки российской историографии (2015–2020 гг.).....	136
Ch. Read. Some Reflections on Twenty-First Century Representations of Stalin in the English-Speaking World.....	166

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

С. Кутук. Empire and Belonging in the Eurasian Borderlands. Ed. by Krista A. Goff, Lewis H. Siegelbaum. Ithaca and London: Cornell University Press, 2019. 282 p.	192
В. А. Пархоменко. Д. Нефьодов. Робітництво УРСР повоєнного двадцятиріччя (1946–1965) в історіографії. Миколаїв: Іліон, 2018. 404 с.	198

ИСТОЧНИКИ

Из истории советско-американских отношений: неизвестные документы (1926–1927 гг.).....	204
«Интриги в самом разгаре»: пять писем кавказских политэмигрантов Г. Баммата, А. Кантемира и Х. Хасмамедова из берлинской «Адлониады» весной — летом 1942 г.	218

CONTENTS

ISSUE ON GENERAL HISTORY

Editor: Salavat M. Iskhakov

- Denis E. Firsov.** Nikolai Leskov's articles and certain materials about him which had been published in *Historichesky Vestnik* (1880–1895, 1908) ... 10
- Vladimir V. Polikarpov.** Final Inches: Tsar Nicholas II and cannonry (battery) for Dreadnoughts..... 18
- Andrey V. Venkov.** Two Arrests of Harlampiy Ermakov — the prototype of the main character of the novel «And Quiet Flows the Don»..... 66
- Salavat M. Iskhakov.** More on the Population of the Crimean Tatars in 1917–1941 84
- C. Kumuk.** Predecessors & Consequences of a Tragedy: May 28 — June 01, 1945 Drau massacre..... 96
- Vladimir A. Nevezhin, Ekaterina S. Saprikina.** Factors of the Soviet Union Victory in the Great Patriotic War: the newest evaluations of Russian historiography (2015–2020)..... 136
- Ch. Read.** Some Reflections on Twenty-First Century Representations of Stalin in the English-Speaking World 166

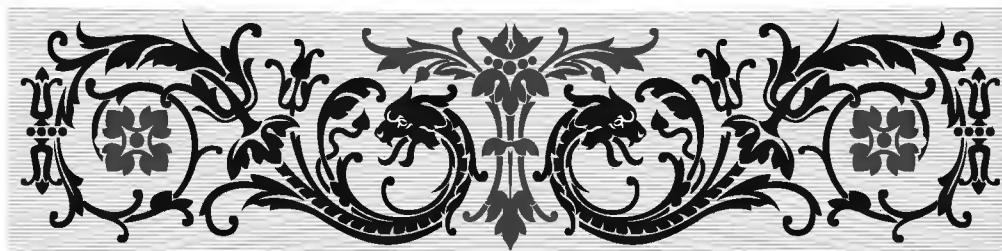
SCIENTIFIC LIFE

- C. Kumuk.** *Empire and Belonging in the Eurasian Borderlands.* Ed. by Krista A. Goff, Lewis H. Siegelbaum. Ithaca and London: Cornell University Press, 2019. 282 p. 192
- В.А. Пархоменко.** Д. Нефьодов. Робітництво УРСР повоєнного двадцятиріччя (1946–1965) в історіографії. Миколаїв: Іліон, 2018. 404 с. 198

SOURCES

- On the History of Soviet Union–United States Relations: unknown documents (1926–1927)..... 204
- «The Intrigues Are In Full Swing»: Five Letters of the Caucasian Political Émigrés G. Vammat, A. Kantemir and H. Hasmamedov from the Berlin «Adloniada» in 1942..... 218

DOI: 10.35549/HR.2021.2020.34.001

Д.Е. Фирсов

ПУБЛИКАЦИИ Н.С. ЛЕСКОВА И О НЕМ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» (1880—1895, 1908 гг.)

реемственность периодических изданий, на десятилетия изъятых из культурного контекста и вернувшихся читателям в последние годы, определяется кроме поддержания «общего направления» бережным отношением к памяти о тех, кто формировал читательскую, общественную репутацию журнала. Авторы, на протяжении десятилетий сотрудничавшие с «Историческим вестником» в XIX столетии, определили его основную, просветительскую миссию. Память о их вкладе в развитие издания, популяризацию его издательской программы в числе прочего характеризует историческую идентичность возобновленного журнала.

В числе постоянных авторов «Исторического вестника» в 1880-х гг. был Н.С. Лесков. В период с января 1880 г. по июнь 1888 г. в «Историческом вестнике» были опубликованы его 54 произведения: художественные и публицистические сочинения, рецензии.

1880-е гг. стали для Лескова новым творческим этапом, связанным с переоценкой его масштабного и наконец-то широко признанного литературного опыта. Отчасти этот период характеризуется его увлечением идеями и настойчивыми, но малосостоятельными попытками сближения с кругом А.Н. Толстого.

Первым опубликованным в «Историческом вестнике» произведением Лескова стал очерк «Кадетский монастырь»¹. Начатый этой публикацией авторский цикл о «праведниках» был продолжен на страницах журнала в 1880 и 1885 гг. в четырех крупных и самостоятельных литературных сюжетах², ставших программными для позднего творчества Лескова. В развитии темы «праведников» нашло завершение принципиальное для всего творчества Лескова «страшное» исследование-повествование о русском человеке и его нравственном выборе³.

Характерным для 1880–1890-х гг. является и сохраняющийся интерес Лескова к церковно-исторической тематике, принявший в этот период более критическое направление⁴. В ряде случаев исследования Лескова в данной области приобретают характер оригинального опыта историко-догматических обобщений⁵.

¹ Лесков Н.С. Кадетский монастырь // Исторический вестник. 1880. № 1. С. 112–138.

² Лесков Н.С. Русский демократ в Польше. Из рассказов о трех праведниках // Исторический вестник. 1880. № 3. С. 533–546; Он же. Несмертельный Голован. Из рассказов о трех праведниках // Исторический вестник. 1880. № 12. С. 641–678; Он же. Один из трех праведников. (К портрету Андрея Петровича Боброва) // Исторический вестник. 1885. № 1. С. 80–85; Он же. Кадетский малолеток в старости. (К истории «Кадетского монастыря») // Исторический вестник. 1885. № 4. С. 111–131.

³ Фирсов Д.Е. Н.С. Лесков: два «страшных» романа о русском человеке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 4 (10): В 3 ч. Ч. II. Тамбов, 2011. С. 183.

⁴ Лесков Н.С. Из мелочей архиерейской жизни (I. Случай с генералом у митрополита Филарета II. Владычий взгляд на военное красноречие) // Исторический вестник. 1880. № 6. С. 255–267; Он же. Дворянский бунт в Добрыньском приходе // Исторический вестник. 1881. № 2. С. 357–390; Он же. Святительские тени. Любопытное сказание архиерея об архиереях // Исторический вестник. 1881. № 5. С. 53–69; Он же. Борьба ефиопов с ангелом. (Случай из явлений русской демономании) // Исторический вестник. 1882. № 3. С. 697–704; Он же. Распоряжение св. синода об отобрании у всех книги «Феатрон или позор гисторический», под угрозой лишения «благословения Божия» // Исторический вестник. 1882. № 3. С. 732–733; Он же. Великопостный указ Петра Великого // Исторический вестник. 1882. № 4. С. 233–234; Он же. Церковные интриганы. Исторические картины // Исторический вестник. 1882. № 5. С. 364–390; Он же. Вечерний звон и другие средства к искоренению разгула и бесстыдства. (Справка для сведущих людей) // Исторический вестник. 1882. № 6. С. 595–606; Он же. Праздник невежд // Исторический вестник. 1882. № 10. С. 221–223; Он же. След ноги Богородицы в Почаеве. (Заметка по поводу статьи кн. Н.С. Голицына) // Исторический вестник. 1882. № 10. С. 227–236; Он же. Синодальные персоны. Период борьбы за преобладание (1820–1840) // Исторический вестник. 1882. № 11. С. 373–409; Он же. Поповская чехарда и приходская прихоть. Церковно-бытовые нравы и картины (Рассказано по официальным источникам) // Исторический вестник. 1883. № 2. С. 263–293.

⁵ Лесков Н.С. Царская коронация. Любопытнейшие черты из богословско-исторического исследования об этом вопросе // Исторический вестник. 1881. № 6. С. 283–299;

Темой нескольких очерков Лескова в «Историческом вестнике» являются любимые им историко-бытовые зарисовки («анекдоты»)⁶. Ряд сюжетов связан с историей литературы, в том числе с именами А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко⁷. Несколько содержательно примыкающих к ним публикаций 1883–1886 гг. посвящены актуальным литературно-полемическим вопросам⁸. Здесь Лесков подтверждает мысль о том, что литература вынуждена «быть козлом отпущения за все, что ведется неумелыми руками»⁹.

Социально актуальным является отдельный тематический цикл публицистических произведений Лескова, посвященных так называемому прибалтийскому вопросу¹⁰. Темой его семи очерков на эту тему в «Историческом вестнике» стали процессы аккультурации в прибалтийском регионе и вызванные ими социокультурные конфликты¹¹.

Он же. Бракоразводное забвение. (Причины разводов брачных по законам греко-русской церкви) // Исторический вестник. 1885. № 12. С. 509–524.

⁶ *Лесков Н.С.* Анекдот об императоре Александре I // Исторический вестник. 1880. № 7. С. 556–557; *Он же.* Император Франц-Иосиф без этикета // Исторический вестник. 1881. № 1. С. 339–346; *Он же.* Край гибели // Исторический вестник. 1881. № 11. С. 568–585; *Он же.* Отповедь В.И. Аскоченского шефу жандармов // Исторический вестник. 1882. № 2. С. 491–493. *Он же.* Геральдический туман. (Заметки о родовых прозвищах) // Исторический вестник. 1886. № 6. С. 598–613.

⁷ *Лесков Н.С.* Официальное буффонство // Исторический вестник. 1882. № 8. С. 441–443; *Он же.* Иезуит Гагарин в деле Пушкина // Исторический вестник. 1886. № 8. С. 269–273; *Он же.* Первенец богемы в России // Исторический вестник. 1888. № 6. С. 534–564.

⁸ *Лесков Н.С.* Благонамеренная бестактность // Исторический вестник. 1881. № 11. С. 652–655; *Он же.* Литературное бешенство // Исторический вестник. 1883. № 4. С. 154–160; *Он же.* Коварный прием (Два слова «Вестнику Европы») // Исторический вестник. 1883. № 5. С. 487–488; *Он же.* Как заступаться за литературных дам. (Заметка по поводу статьи г. Скабичевского об изданиях Е.Н. Ахматовой) // Исторический вестник. 1885. № 4. С. 255–256; *Он же.* Четырехсотлетие цензуры // Исторический вестник. 1886. № 1. С. 257–260.

⁹ *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: В 12 т. Т. 6. М., 1989. С. 431.

¹⁰ См.: *Лесков Н.С.* Иродова работа: русские картины, наблюдения, опыты и заметки: историко-публицистические очерки по прибалтийскому вопросу. 1882–1885. СПб., 2010.

¹¹ *Лесков Н.С.* Иродова работа. Русские картины в Остзейском крае // Исторический вестник. 1882. № 4. С. 185–207; *Он же.* Народники и расколоведы на службе. (Nota bene к воспоминаниям П.С. Усова о П.И. Мельникове) // Исторический вестник. 1883. № 5. С. 415–423; *Он же.* Русские деятели в Остзейском крае (Свои и чужие наблюдения, опыты и заметки) // Исторический вестник. 1883. № 11. С. 237–263; № 12. С. 492–519; *Он же.* Подмен виновных. Случай из остзейской юрисдикции // Исторический вестник. 1885. № 2. С. 327–340; *Он же.* Унизительный торг (По бумагам Евг. Венц. Пеликана) // Исторический вестник. 1885. № 5. С. 281–298; *Он же.* Благословенный брак. Характерный пропуск в исторической литературе раскола // Истори-

На страницах журнала Лесков выступал и как публикатор и комментатор исторического первоисточника¹².

В 1880 г. Лесков «дебютировал» в «Историческом вестнике» в жанре литературной рецензии с критическим разбором прижизненной биографии московского митрополита Макария (Булгакова). В 1880–1882 гг. на страницах журнала им были опубликованы тринадцать рецензий на исследования по отечественной и всеобщей истории, научно-популярные и «народные» художественные произведения¹³.

ческий вестник. 1885. № 6. С. 499–515; *Он же*. О рижских прелестницах и о благословенных браках // Исторический вестник. 1885. № 10. С. 228–232.

¹² Лесков Н.С. Загробный свидетель за женщин. Наблюдения, опыты и заметки Н.И. Пирогова, изложенные в письме к баронессе Э.Ф. Раден // Исторический вестник. 1886. № 11. С. 249–280.

¹³ Лесков Н.С. Макарий, высокопреосвященнейший митрополит Московский. Биографический очерк. СПб., 1879. (Рецензия) // Исторический вестник. 1880. № 2. С. 431–434; *Он же*. Отношение римского государства к религии вообще и к христианству в особенности. П. Лошкарева. Киев, 1876 // Исторический вестник. 1881. № 7. С. 671–672; *Он же*. Заказная литература (Несколько замечаний по поводу образцовой народной книжки) // Исторический вестник. 1881. № 10. С. 379–392; *Он же*. Исторические исследования, служащие к оправданию старообрядцев // Исторический вестник. 1881. № 12. С. 838–839; *Он же*. О сущности значения раскола в России. Н.С. Напечатано по распоряжению обер-прокурора святейшего синода в синодальной типографии. СПб., 1881 // Исторический вестник. 1881. № 12. С. 840–842; *Он же*. Словарь писателей древнего периода русской литературы XI–XVII вв. (С. 862–1700). Составил А.В. Арсеньев, под редакцией О.Ф. Миллера. Приложение к карте для наглядного обозрения истории и хронологии русской литературы. СПб., 1882 // Исторический вестник. 1881. № 12. С. 846–849; *Он же*. За старообрядцев. Листок, приложение к 169 № газеты «Минута». Калужского старообрядца Ф. Фалеева // Исторический вестник. 1882. № 1. С. 225–226; *Он же*. Спорная область между двумя мирами. Наблюдения и изыскания в области медиумических явлений, с рисунками. Соч. Роберта Дель Оуэна, перевод с английского. СПб., 1881 // Исторический вестник. 1882. № 1. С. 231–234; *Он же*. Рассказы из римской истории пятого века по Р.Х. Несторий и Евтихий ересиархи. Соч. Амедея Тьерри, члена французского института, дополненное и переработанное профессором киевской духовной академии Д. Поспеховым. Выпуск первый, 1880 // Исторический вестник. 1882. № 1. С. 240–242; *Он же*. Венок царю-великомученику, государю императору Александру II Благословенному. Стихотворения простолюдина Г.М. Швецова. СПб., 1882 // Исторический вестник. 1882. № 4. С. 222–225; *Он же*. Евреи и обязанности христиан. Публичная лекция Госсана. Русское издание г. А.А., с его же предисловием. СПб., 1881 // Исторический вестник. 1882. № 5. С. 460–463; *Он же*. Римские вакханалии и преследование их в VI веке от основания Рима. П.Н. Бодянского. Киевъ. 1882 г. Печатано по определению совета университета св. Владимира // Исторический вестник. 1882. № 12. С. 702–704; *Он же*. Утилитарианизм и о свободе, соч. Дж. Миля. Перевод г. Неведомского, с очерком жизни Миля, сост. Г. Конради. СПб., 1882. 2-е издание // Исторический вестник. 1883. № 2. С. 459–460.

Последним опубликованным в журнале литературным произведением Лескова стал «Скоморох Памфалон»¹⁴.

Анекдотичным поводом упоминания Лескова при жизни писателя на страницах «Исторического вестника» стало появление в газетах «Неделя» и «Русская жизнь» ошибочных обвинений редакции «Вестника» в «бестактности, мистификации и даже фальсификации»¹⁵. Причиной недоразумения стал помещенный в мартовской книжке 55-го тома журнала рассказ начинающего литератора Н.Ф. Лескова¹⁶.

По смерти писателя (21 февраля 1895 г.) не последовало традиционного для «Исторического вестника» некролога (что было связано, вероятно, с техническими обстоятельствами). В апрельской книжке журнала 1895 г. был помещен очерк «Памяти Николая Семеновича Лескова» А.П. Фаресова¹⁷.

Останавливаясь на ярких эпизодах биографии одного «из самых талантливых и выдающихся писателей наших», Фаресов отмечал органичную эмоциональную и стилистическую связь журналистики и беллетристики Лескова с его памятливым жизненным опытом, нравственно определяющими впечатлениями детства и юности. «После смерти Лескова, — отмечал автор, — в печати было выражено всеобщее признание за ним не только крупного таланта, но и того, что покойный выше всего ценил в людях: это присутствие крупного характера»¹⁸.

Финальной публикацией дореволюционного периода в «Историческом вестнике», посвященной жизни и творчеству Лескова, стал опубликованный в 1908 г. биографический очерк В.Ф. Данилова, касающийся раннего периода творчества писателя¹⁹.

Таким образом, жанровое и тематическое разнообразие публикаций Н.С. Лескова на страницах «Исторического вестника» отражает как широту интересов автора, так и «программу» журнала. Имя Н.С. Лескова, его яркий литературный почерк, публицистический характер творчества и журналистский опыт в течение полутора десятилетий служили просве-

¹⁴ Лесков Н.С. Скоморох Памфалон. Восточная легенда // Исторический вестник. 1887. № 3. С. 481–526.

¹⁵ Шубинский С.Н. Маленькое объяснение // Исторический вестник. 1894. № 5. С. 590–591.

¹⁶ Лесков Н.Ф. «Умер натуральной смертью...» // Исторический вестник. 1894. № 3. С. 630–643.

¹⁷ Фаресов А.П. Памяти Николая Семеновича Лескова // 1895. № 4. С. 177–203.

¹⁸ Там же. С. 202.

¹⁹ Данилов В.Ф. К биографии Н.С. Лескова // Исторический вестник. 1908. № 10. С. 162–172.

тительской миссии издания. Память об этом литературном сотрудничестве — часть преемственного отношения к успешно возобновленному журнальному проекту.

REFERENCES

1. *Danilov V.F.* K biografii N.S. Leskova [To the biography of N.S. Leskov] // *Istoricheskij vestnik*. 1908. № 10. S. 162–172.
2. *Firsov D.E.* N.S. Leskov: dva «strashnyh» romana o russkom cheloveke // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [N.S. Leskov: two «scary» novels about a Russian man]. Tambov: Gramota, 2011. № 4 (10): V 3-h ch. Ch. II. S. 181–183.

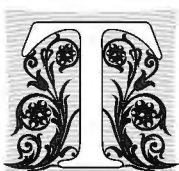

Ключевые слова:

Н.С. Лесков, литература, публицистика, историко-бытовая тема,
просветительство, историческая преемственность.

Denis E. Firsov

NIKOLAI LESKOV'S ARTICLES AND CERTAIN MATERIALS ABOUT HIM WHICH HAD BEEN PUBLISHED IN HISTORICHESKY VESTNIK (1880–1895, 1908)

The article highlights publications by Nikolai Leskov in *Historichesky Vestnik* (Russian: Исторический Вѣстникъ) at the end of the XX c. Noted are the genre and thematic diversity of the articles, which show the scope of Leskov's interests.

His unique writing style and innovative experiments in form for 15 years served the educational mission of the magazine.

Literary and scientific creative writing is an on-going tradition in the pages of the revived magazine.

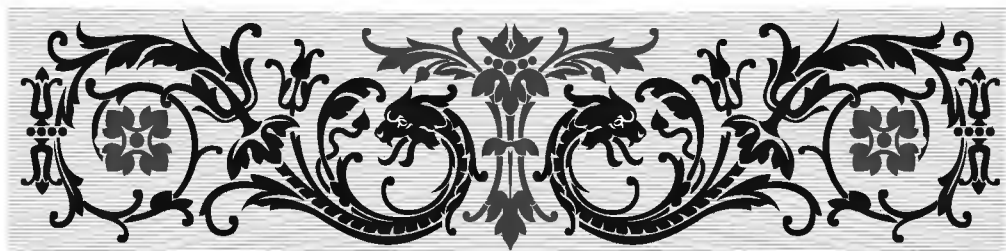
Key words: Nikolai Leskov, literature, social and political journalism, historical and contemporary themes, enlightenment, historical succession.

Denis E. Firsov — D.Sc. (Cultural Studies), Yaroslavl State Medical Academy.

 Фирсов Денис Евгеньевич

доктор культурологии

Ярославский государственный медицинский университет

DOI: 10.35549/HR.2021.2020.34.002

В.В. Поликарпов

ПОСЛЕДНИЕ ДЮЙМЫ: ОРУДИЯ ДЛЯ ДРЕДНОУТОВ НИКОЛАЯ II

Развитие вооружений и их производства в России накануне и во время Первой мировой войны — предмет, много говорящий о состоянии государства и общества, их взаимоотношениях между собой и с окружающим миром.

Готовясь к войне, правительство использовало ресурсы беспрецедентного для России объема. Решение поставить на крупнейшие корабли линейного флота (получившие наименование сверхдредноутов) орудия 14- и 16-дюймового калибра требовало опоры на новейшие достижения науки, техники и организации производства. Результатами этой деятельности — все большей дальностью артиллерийских систем, дюймами пушечных калибров и скоростью полета снарядов, коэффициентами прочности орудийной стали — по существу, соизмерялась промышленная и общекультурная состоятельность держав. Изготовление подобной военной техники в России должно было свидетельствовать о приобщении ее к числу великих морских империй.

Историческая легенда гласит¹, что еще в 1872 г. инженеры Обуховского завода морского ведомства, «лишь немного отставая от своих герман-

¹ Амирханов Л.И. Артиллерия русских мониторов. СПб., 1998. С. 25.

ских коллег», изготовили 12-дм орудие, «практически ни в чем не уступавшее крупновскому»², и оно (модель) сразу попало на международные выставки в Москве и Вене. Очевидно, впрочем, что в данном случае важна мера успеха. Выставленное орудие было подвергнуто испытаниям лишь годы спустя, причем, как указывает Л.И. Амирханов, «вскоре их пришлось приостановить», поскольку выявились опасные просчеты в конструкции и непригодность металла, не выдерживавшего давления в канале ствола. Не оправдался оптимизм выдающегося металлурга, который поверил, что Обуховский завод «освободил нас от необходимости заказывать стальные орудия за границей» и удовлетворит «потребностям нашей сухопутной и морской артиллерии самых больших калибров»³. Решение подобных задач русские артиллеристы, как правило, начинали ознакомлением с иностранными образцами, предложенными «Крупном» либо «Шнейдером». Иногда в процессе выработки нового образца имело место сотрудничество с иностранными фирмами. В целом в 1870–1910 гг. «сравнительно развитая» русская промышленность не преодолела зависимость от иностранных производителей артиллерии⁴.

Накануне Первой мировой войны Обуховский завод в Петербурге был единственным в России предприятием, способным изготавливать морские (длинные) орудия калибром в 12 дюймов. Специальная комиссия по вопросу о развитии орудийной промышленности, созданная правительством 28 апреля 1901 г., рассмотрела предложение Горного департамента приспособить также и Пермский пушечный завод (ППЗ) к изготовлению орудий наибольших принятых в то время калибров (10–12 дюймов). Изучив возможные потребности артиллерии, комиссия постановила воздержаться от переоборудования, так как производитель-

² Более того, в числе орудий, выпущенных заводом в доцусимскую эпоху, названы и 16-дм/406-мм орудия (*Шаццлло К.Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1992. С. 75; *Михайлов В.С.* Очерки по истории военной промышленности // Генерал В.С. Михайлов (1875–1929). Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М., 2007. С. 180). У Н.А. Каптерева, послужившего источником, действительно упомянуто 16-дм орудие; эту пушку Обуховский завод сдал морскому ведомству еще в 1884 г. (*Каптерев Н.А.* Обуховский сталелитейный завод. СПб., 1913. С. 33, 73), правда, изготовление ее «не дало практических результатов». В 1869 г. Пермский завод изготовил 508-мм пушку (*Каторин Ю.Ф.* Монстры гладкоствольной артиллерии // *Гангут*. Вып. 58. 2010. С. 60).

³ *Чернов Д.К.* Обзор успехов сталелитейного дела за 15—20 лет // *Морской сборник*. 1888. № 8. С. 11; *Черняк А.Я.* Николай Вениаминович Калакуцкий. 1831–1889. М., 1989. С. 165.

⁴ *Шумкин Г.Н.* Создание броневой береговой артиллерии в середине XIX века // *Военно-исторический журнал*. 2020. № 4. С. 40.

ность Обуховского выглядела покуда достаточной. При этом было решено, что «если бы впоследствии оказалось» Обуховского завода мало, «то такое производство вполне возможно и желательно установить именно на Пермском пушечном заводе»⁵.

Перед японской войной Обуховский завод получил новые станки для обтачивания и сверления наиболее мощных дальнобойных стволов длиной в 52 калибра⁶ (ранее использовались стволы в 40 калибров), но мастерскую для них начали строить только в 1907 г. К весне 1908 г. станки все еще оставались «на дворе... под открытым небом», вследствие чего им предстоял ремонт. В середине 1908 г. в думской комиссии начальник завода подтвердил, что станки «хотя и приобретены четыре года тому назад, но еще не установлены и потребуют значительного ремонта»; мастерские также не устроены, а значит, «завод нельзя считать оборудованным для выделки 12-дм орудий в 52 калибра». Нужен еще год, после чего и начнется выпуск — по 12 пушек ежегодно⁷. Приобретенные станки годились для выпуска «вполне современных» орудий, писал Брут⁸, а завод по-прежнему «готовит совершенно устарелые пушки в 40 калибров длиной. За четыре года построены броненосцы “Павел I”, “Андрей Первозванный”, “Иоанн Златоуст”, “Евстафий” и перевооружен броненосец “Двенадцать апостолов”. На всех их могли бы стоять пушки в 52 калибра, а поставлены лишь в 40 калибров»⁹.

За это время произошли существенные изменения конструкции, увеличившие мощность пушки. Первоначальный чертеж нового 12-дм орудия Морской технической комитет (МТК) одобрил 18 июля 1906 г., а год спустя, 27 июля 1907 г., были утверждены дальнейшие

⁵ Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917). Т. 1. М., 2004. С. 148.

⁶ Калибрами измерялась длина ствола — числом, кратным диаметру (калибру) канала ствола.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 579. Оп. 1. Д. 218. Л. 15; Военная промышленность России в начале XX века... С. 333.

⁸ Под псевдонимом «Брут» печатался независимый военно-морской эксперт — артиллерийский генерал В.А. Алексеев — «весьма сведущий в своем деле человек», подвергавший морское ведомство «ядовитой критике, весьма талантливо и хлестко изложенной», отзывался о нем А.Н. Крылов (*Крылов А.Н.* Воспоминания и очерки. М., 1956. С. 161). В.А. Алексеев в 1890–1897 гг. служил на Обуховском заводе, а во время Русско-японской войны в Комитете по усилению флота на добровольные пожертвования.

⁹ *Брут*. Реформа флота // Новое время. 4 марта 1908 г.; *Он же*. Новые пути // Новое время. 10 июня 1912 г.; Письма Брута о Морском министерстве. СПб., 1908. С. 111–112.

изменения (увеличение длины ствола до 50 калибров, веса снаряда, заряда и начальной скорости)¹⁰.

В 1908–1910 гг. на Обуховском заводе при содействии английской фирмы «Виккерс»¹¹, оказавшей помощь в проектировании и налаживании производства, сконструировали и испытали 12-дм орудие в 52 калибра, — абсолютно новое, предназначавшееся для сооружаемых линкоров типа «Севастополь»¹². В феврале 1910 г., когда программа оборудования Обуховского завода еще не была окончена, в работе находились 8 стволов, а в декабре на Морском полигоне опытный экземпляр пушки проходил испытание стрельбой¹³. О результатах дальнейших испытаний 12-дм орудия, проведенных в 1910–1911 гг., не сообщалось; в отчете ведомства за 1911 г. сказано лишь — «первая 12-дм пушка в 52 кал. испытывается»¹⁴. Затем последовали изменения, связанные с принятым 18 октября 1910 г. решением МТК о новом 12-дм снаряде («обр. 1911 г.»). К тому времени изготовление 12-дм пушек в 52 калибра на Обуховском заводе уже началось.

В основном же в течение 1910 г. — первой половины 1911 г. завод, не получая новых крупных заказов, продолжал готовиться к выпуску 12-дм пушек (по 36 единиц в год). Министерство доложило царю, что Обуховский завод, стараясь заполнить работой свои мастерские, в 1911 г. «выполнял у себя все, что только можно было», в том числе «все оборудование для изготовления 12-дм в 52 калибра пушек, за исключением сборки крупных станков». Задержка с этими станками произошла вследствие запоздания поставщиков — английских, германских (и некоторых русских) машиностроительных заводов.

Весной 1912 г. переоборудование было закончено; при этом возникло представление, что можно шагнуть и дальше, к 14-дм калибру. В июне 1911 г. морской агент (атташе) России в Берлине Е.А. Беренс по поручению своего ведомства посетил завод «Крупша» в Эссене. Ему показали опытный экземпляр 14-дм орудия. В августе в Петербурге побывал заведующий конструкторским бюро в Эссене Ф. Раузенбергер (будущий

¹⁰ Цветков И.Ф. Линкор «Октябрьская революция». Л., 1983. С. 54; Ткаченко В.Ф. Форт «Ино». Строительство. Служба. Уничтожение. СПб., 2009. С. 19.

¹¹ Амирханов Л.И. Башни для «Измаила» // Цитадель. 1995. № 1. С. 64, 25; Оружие российского флота. СПб., 1996. С. 83.

¹² Цветков И.Ф. Указ. соч. С. 54; Ткаченко В.Ф. Указ. соч. С. 19.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 74436. Л. 503–506.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 121. Л. 50.

«отец» «толстой Берты»), познакомивший начальника Артиллерийского отдела Главного управления кораблестроения (ГУК) А.Ф. Бринка с техническими свойствами пушки, а затем и Бринк съездил к «Круппу». На полигоне он осмотрел 14-дм пушку. По словам немецкого посла в Петербурге, именно сведения об этих контактах «Круппа» побудили конкурирующие фирмы «Шнейдер» (во Франции) и «Виккерс» (в Англии) сделать свои предложения России¹⁵.

Вопрос о вооружении будущих черноморских линкоров 14-дм орудиями в 52 калибра числился «в периоде разработки» с 1910 г.¹⁶ Первоначально МТК считал «совершенно необходимым» готовить 14-дм, а не 12-дм вооружение, даже «не ожидая испытания опытного [14-дм] образца»¹⁷, и 1 сентября 1911 г. завод получил задание на серийный выпуск (40 шт.)¹⁸. Морское министерство утверждало, что завод уже располагает достаточными средствами, чтобы давать в год 11 экземпляров 14-дм пушек — если сократить выпуск 12-дюймовых¹⁹.

23 октября 1912 г. Бринк доложил товарищу морского министра, что Обуховский завод уже «изготавливает фактически 3,5 пушки в месяцу». Он упомянул, что эти 12-дм пушки «выделяются на тех же станках», какие будут делать и 14-дюймовую; завод также получил новые станки, которые «были заказаны с расчетом на выделку 16-дм орудий в 45 кал. длиной»²⁰.

Завод вооружил 12-дм пушками четыре линкора Балтийского моря, а сверх того передал 12 таких пушек сухопутному ведомству. Достигнутая, наконец, Обуховским заводом способность выпускать 12-дм пушки в 52 калибра породила эйфорию. Теперь уже морское ведомство (по заключению С.Е. Виноградова, «обоснованно») полагало, что, поскольку эти 12-дм пушки будут стрелять новыми, более тяжелыми снарядами,

¹⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 671. Морской министр И.К. Григорович в письме председателю правительства В.Н. Коковцову 22 декабря 1912 г. подтвердил фактическое содержание записки посла (Л. 673).

¹⁶ Всеподданнейший доклад по Морскому министерству за 1910 г. СПб., 1911. С. 70; РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1544. Л. 118 об.

¹⁷ Шаццлло К.Ф. Указ. соч. С. 82; Виноградов С.Е. Последние исполины российского императорского флота. Линейные корабли с 16-дм артиллерией в программах развития флота 1914–1917 гг. СПб., 1999. С. 61–62. Ср.: Виноградов С.Е. Линейный корабль «Императрица Мария». Легенда длиной в столетие. М., 2017. С. 24, 42, 56–57.

¹⁸ Кузнецов Л.А. Линейные крейсера типа «Измаил». «Измаил», «Бородино», «Кинбурн», «Наварин». М., 2013. С. 81.

¹⁹ Шаццлло К.Ф. Указ. соч. С. 82; Военная промышленность России... С. 407.

²⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 588–588 об.; РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 142.

они не уступят в силе турецким 13,5-дм орудиям. Тем самым якобы был найден «более эффективный», чем при переходе к 14-дм калибру, способ устранить ожидаемое превосходство противника в артиллерии. Это послужило видимым основанием для решения 22 апреля 1911 г. отказаться от вооружения черноморских линкоров 14-дм калибром. На деле отказ был вынужденным: не вызывало сомнений, что Обуховский завод «не в состоянии будет подать к сроку» 14-дм орудия и тем самым «задержит на полтора года готовность этих судов»²¹.

9 сентября 1911 г., отвергая предложение англичан заменить в проекте черноморских линкоров 12-дм орудия 14-дюймовыми, в МГШ восторженно сопоставляли ударную силу своих будущих дредноутов с турецкими (английского производства) кораблями, вооруженными пушками в 13,5-дм. По мысли начальника Организационно-мобилизационной части МГШ В.Н. Черкасова, 12-дюймовые (в 52 калибра) пушки Обуховского завода должны были превзойти мощью даже английские — хотя бы и 14-дюймовые, но зато более короткие, всего лишь 40-калиберные. К тому же Обуховский завод 14-дм пушки явно «к сроку не подаст», а дело неотложное. Так что у англичан «это разговор праздный», от лукавого. «Враг усмотрел начало наладившегося дела» на Обуховском заводе (по 12-дм пушкам) «и признал необходимым в корне разрушить его», вызвав в МГШ «шатание мысли», соблазняя 14 дюймами²². МГШ и в 1914 г. на совещании 8 февраля ссылался на преимущество русской артиллерии с ее 12-дм снарядами: «Если бы снаряды были одинакового достоинства, то артиллерия турецких кораблей имела бы значительное превосходство. Но турецкий флот снабжается английскими снарядами, гораздо более слабыми, чем наши того же калибра», поэтому силы будут «более или менее уравновешены»²³. И ныне особенности русских артиллерийских систем оцениваются прежде всего под этим углом зрения. Благодаря конструкции новых снарядов («стандарт 1911 г.») «русские орудия отличались» «среди тяжелых артиллерийских систем... применявшихся в эру дредноутов на линкорах всех морских держав». Они «развивали наибольшую дульную энергию» — результат «курса, взятого в 1907–1909 гг., на создание наиболее мощных в ар-

²¹ Виноградов С.Е. Последние исполины. С. 61–62; Он же. Линейный корабль «Императрица Мария». История создания. Проектирование. Постройка. Описание конструкции. Боевая служба. СПб., 2002. С. 22, 42, 56–57.

²² Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 1665. Л. 187–190.

²³ Вестник НКВД. 1919. № 1. С. 40.

тиллерийском отношении кораблей». Русские снаряды «среди снарядов аналогичных калибров всех флотов мира были самыми тяжелыми», отличались «совершенством и надежностью»²⁴.

На практике же оказалось, что мощная конструкция 12-дм орудия в 52 калибра не оправдала столь ярких ожиданий: подводило качество его материала, причем уже тогда морское начальство — преодолей оно восторг от результатов собственной деятельности — имело бы основания догадываться, что обуховская сталь «непригодна для выделки современных тяжелых орудий»²⁵.

Еще в 1890-х гг., воплощая в металле проект менее мощных пушек (10-дм, в 45 кал., конструкции А.Ф. Бринка), Обуховский завод не справился с материалом. Первоначально, изучив проект, на заводе не уяснили всей сложности дела и не выдвинули «никаких возражений относительно невозможности их изготовления». После этого проект одобрили в Морском министерстве, да и ГАУ пожелало взять такие хорошие пушки для сухопутной артиллерии.

Но стрельба первых же трех пушек вызвала «трещины во внутренних трубах», в канале ствола, и Морское министерство распорядилось в дальнейшем, во избежание разрыва, использовать в таких орудиях особые уменьшенные заряды, а «настоящих боевых зарядов никогда не давать».

Те пушки Бринка, по заключению сухопутных специалистов из ГАУ, были хороши и могли бы стрелять даже и усиленными зарядами — при условии улучшения материала: «При соответствующем металле трещины в первых пушках не имели бы места». Учитывая же, что такого металла заводу не получить, ГАУ пошло другим путем: распорядилось делать стволы более массивными, что для сухопутной артиллерии не имело решающего значения. Морское же ведомство, видя «неумение Обуховского завода готовить тонкие внутренние трубы этих орудий», решило ослабить заряды, чтобы «облегчить Обуховскому заводу изготовление пушек, приравливаясь к его условиям». Таким образом, Морское министерство «в течение целых семи лет (1893–1900 гг.)... принимало на службу заведомо слабые орудия, назначая к ним вполне сознательно уменьшенные заряды»: пушки нужны были спешно, и «приходилось брать то, что давал завод». Пушками Бринка были вооружены броненосцы «Сенявин», «Ушаков», «Апраксин», «Пересвет» и др.; 19 орудий оказались браком, но 23 приняты на службу. Три кораб-

²⁴ *Виноградов С.Е.* Последние исполины. С. 243.

²⁵ *Колтовской А.Е.* Развитие типа линейного корабля нашего флота. Пг., 1920. С. 76.

ля, вооруженные этими неполноценными пушками, состояли в эскадре Н.И. Небогатова, и «в Цусимском бою они стреляли уменьшенными зарядами», отчего их снаряды «не долетали до неприятеля». «С такими пушками у нас на [Дальнем] Востоке было шесть броненосцев, — напоминал в 1909 г. Брут. — Из них три погибли... а три плавают теперь под японским флагом»²⁶.

Этот опыт работы Обуховского завода к началу XX в. показал, что он не в состоянии дать нужную сталь, тем более «превосходящую заграничные стали»²⁷: изготавливаемая им слабая сталь заставляла либо стрелять уменьшенными зарядами, во избежание разрыва орудий, либо — для сухопутной артиллерии — делать стволы более тяжелыми.

Поиски виновных в разгроме флота привели к судебным разбирательствам, и, оправдываясь, лично, как конструктор, Бринк в своем судебном иске против Брута-Алексеева изложил обстоятельства фабрикации 10-дм пушек, обвиняя автора обличительных статей в клевете.

Скандалные споры происходили как раз в то время²⁸, когда история с уменьшенными зарядами обуховских пушек получила продолжение. Морскому министерству пришлось в печати опровергать — вопреки истине — сообщения о том, что опять, теперь уже 12-дм пушки «оказались будто бы недостаточно прочными и потребовалось их утяжелить»²⁹.

В действительности же и новые 12-дм орудия, подобно 10-дм пушкам 1890-х гг., не выдерживали выстрела. Снаряд «обр. 1911 г.» (принятый официально 15 октября 1911 г.), «сильный сам по себе», но и тяжелый (471 кг), не оправдал ожиданий. Если считать, что «способности русских морских артиллеристов... хорошо известны и не требуют особых подтверждений», то опыт с заменой в 1911 г. 12-дм образца более тяжелым³⁰ как раз едва ли с этим согласуется. Новый снаряд не мог быть использован в полной мере. Распределение давлений в канале ствола не соответствовало расчету его продольной прочности. Стволы, как и ранее, требовали

²⁶ Письма Брута о Морском министерстве. С. 57–58; На суд общества. Ответы Брута Морскому министерству. СПб., 1909. С. 28, 31, 39, 41, 30.

²⁷ Русские ученые-металловеды. М., 1951. С. 238; Федоров А.С. Творцы науки о металле. М., 1980. С. 100.

²⁸ Дело в архивном фонде адвоката Н.П. Карабчевского (ГА РФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 78. Л. 5–9 об.) датировано 1910 г., но свидетели на стороне Бринка К.Т. Дубров и И.Ф. Бострем представлены в документе как отставные генерал и адмирал, тогда как они вышли в отставку один в декабре, другой осенью 1911 г., не в 1910 г., а Бринк — как действующий генерал, его отставка состоялась в 1913 г.

²⁹ Новое время. 1911. 5(18) ноября.

³⁰ Виноградов С.Е. Последние исполины. С. 270.

понижения начальной скорости снаряда и, соответственно, мощности выстрела, что ставило под вопрос успех состязания с англо-турецким 13,5-дм калибром. Мало того, обуховская сталь еще и подвергалась «чрезмерным выгораниям»; «отсюда получается ненормально быстрое изнашивание орудий и потеря боевой меткости»; возникала необходимость дополнительно запастись стволами пушек для замены³¹. Использование этой устаревшей стали для столь мощных орудий вызывало к тому же «непомерно большой процент брака»³².

Все это означало, что фактически нужда в 14-дм калибре вовсе не отпала. Когда начиналась постройка «севастополей», морское ведомство «удостоверяло, — припоминали в Думе четыре года спустя, — что это будут самые... сильные и самые быстроходные корабли в мире. Во время долгой их постройки они уже успели несколько устареть... Никто в 1914 г. не станет считать вполне современным корабль, вооруженный 12-дм орудиями, когда в других государствах уже несколько лет будут плавать суда с 13,5 и даже 14-дм пушками»³³. А теперь орудиями в 14 или даже 16 дм предстояло вооружить проектируемые балтийские линейные крейсера. В мае 1911 г. МТК разослал приглашения на конкурс фирмам в Англию, Германию, Австрию и Францию, предлагая подготовить проекты 14-дм пушки в 52 калибра, и в том же году фирма «Виккерс» представила свой «увеличенный вариант» прежнего «русского 12-дм орудия» (также появившегося на свет не без ее участия)³⁴. В сентябре 1914 г. «Виккерс» пре-

³¹ Колтовской А.Е. Указ. соч. С. 76. Колтовской не утверждал, что «в итоге... русское орудие превосходило все свои зарубежные аналоги» (Виноградов С.Е. Последние исполины. С. 157).

³² Государственная дума. Созыв III. Сессия 3. Стеногр. отчеты (СОГД III/3). Приложения. Т. 2. СПб., 1910. № 398. Доклад Комиссии по гос. обороне. 7 мая 1910 г. С. 4.

³³ СОГД IV/1. Доклады Бюджетной комиссии (ДБК). СПб., 1913. № 42. Март 1913 г. С. 21.

³⁴ Таким образом, «русскую систему орудия и снаряда» — «отечественное 14-дм орудие» в 52 калибра, якобы «спроектированное Артиллерийским отделом ГУК», «разработала по тактико-техническим заданиям Морского министерства фирма Виккерс» (Оружие российского флота. СПб., 1996. С. 83; Амирханов Л.И. Башни для «Измаила» // Цитадель. 1995. № 1. С. 64. Ср.: Виноградов С.Е. Британская компания «Виккерс» и производство 14-дюймовых орудий для России в 1914–1916 гг. // Вопросы истории. 2018. № 11. С. 72–73; Он же. Линейный корабль «Императрица Мария». Легенда длиной в столетие. С. 38). С.Е. Виноградов, указывая на «невозможность для британцев изготовить орудия принятой в России относительной длины в 52 калибра», сделал это заключение, отталкиваясь от суждений офицера МГШ В.Н. Черкасова, который фактически сам все же не высказывал такого предположения и не утверждал, что британцы пробовали изготовить 50-калиберные пушки, но не справились, что британцам «не сопутствовал успех» (РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1665. Л. 187 об., 188 об., 190). При заказе два года спустя 14-дм орудий орга-

доставил Морскому министерству чертежи 14-дм пушки собственной системы³⁵.

На совещании в Морском министерстве 31 августа 1911 г. было решено, что «намеченное оборудование Обуховского завода для выделки 14-дм орудий следует, во всяком случае, осуществить» и «спешить с проведением отдельного законопроекта»³⁶, который и был утвержден 23 июня 1912 г. (3 175 000 руб. на оборудование Обуховского завода). Полагая, что полученные Обуховским заводом станки обеспечивают механическую обработку болванок для 12- и 14-дм пушек, Бринк докладывал, что «полная производительность» развернется с 15 августа 1914 г. Он исходил из представления, что новое оборудование «почти соответствует литейным и ковальным средствам завода», и рассчитывал, что придется лишь увеличить продолжительность обработки. При этом Бринк видел, что требования к металлу возрастают и необходимо «перейти к стали более высоких качеств»³⁷.

Завод продолжал готовиться к выпуску 14-дм пушек. Были признаны преимущества электрической выплавки стали перед мартеновской, поскольку от этого улучшались такие важные для артиллеристов свойства заготовок, как поперечное удлинение, сужение площади сечения поперечных образцов, ударная вязкость³⁸, что понижало непомерно большой процент брака. Командированные за границу инженеры ознакомились там с постановкой этого дела, после чего Обуховский завод обзавелся дуговой электропечью системы П. Эру (P. Herault) емкостью в 3,5 т³⁹. В 1913 г. это была одна из четырех действовавших в стране электропе-

---

низуемому «Виккерсом» Царицынскому заводу Русского акционерного общества артиллерийских заводов (РАОАЗ) Морское министерство в соответствии с договором передало ему, как пишет С.Е. Виноградов, «с целью экономии времени», для дальнейшего «согласования вопросов технологического порядка» — «секретный» чертеж орудия. Это, очевидно, был один из тех проектов, которые ранее, в 1911 г., изготовила в шести вариантах фирма «Виккерс» по заказу русского Морского министерства.

³⁵ Булатов В.В. Иностраный предпринимательский капитал в военной промышленности России: «Группа Виккерс» и Русское акционерное общество артиллерийских заводов (1912–1918 гг.). Волгоград, 2000. С. 103.

³⁶ РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 55–57.

³⁷ Там же. Л. 142–143; РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 588–589.

³⁸ Мырцымов А.Ф. Сравнительные свойства мартеновской стали и электростали. М., 1946. С. 13, 38, 60, 91.

³⁹ Давыдова Л.Г. Использование электрической энергии в промышленности России. М., 1966. С. 137. Пуск электросталелитейного цеха состоялся 11 мая 1910 г. (Уральский техник. 1910. № 4. С. 67).

чей для получения специальной стали. Электрические печи показали себя «лучшим аппаратом» для выработки стали высокого качества⁴⁰.

Усиление технических средств Обуховского завода на основании законов 21 июня 1910 г. и 23 июня 1912 г. было закончено в 1914 г. Оно считалось — как впоследствии оказалось, ошибочно — «совершенно достаточным для предполагавшегося вооружения кораблей». В итоге завод должен был выпускать в месяц четыре 14-дм или шесть 12-дм орудий. Дальнейшее же увеличение выпуска пушек потребовало бы «совершенно перестроить литейную и значительно увеличить молотовую мастерские»⁴¹.

Во «всепогоднейшем отчете» за 1911 г. Морское министерство порадовало царя сообщением, что завод «приступил к изготовлению 14-дм в 52 кал. орудия» (речь шла о стволах из прежней, углеродистой стали) и «в настоящее время может изготавливать до 11 шт. в год»⁴². На деле до этого было далеко — изготовление их в России «на перегруженном заказами» Обуховском заводе «вообще уходило за грань реальности»⁴³.

Предлагаемое объяснение возникшей заминки перегруженностью Обуховского завода подразумевает, что технически завод был уже в состоянии делать 14-дм пушки, а мешало ему в этом только предпочтение каких-то других более важных заказов. В действительности же дело застопорилось.

В том же отчете упомянуто, что «в 1911 г. заводом, по требованию Морского министерства, разработаны и составлены» только еще «сметы расширения завода для изготовления 14-дм орудий» (по 36 пушек в год флоту и 12 для берега)⁴⁴, что оснащение произ-

⁴⁰ Гусев С.А. Развитие советской электротехнической промышленности. М.; Л., 1964. С. 92; Минкевич Н.А. Сталь. Стальные и чугунные полуфабрикаты. М.; Л., 1930. С. 9, 7. В.И. Тыжнов, впрочем, считал, что электрическая плавка плохо годится для хромоникелевой стали, и отдавал предпочтение тигельной плавке.

⁴¹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 142 об.; РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 588 об.; Особые журналы Совета министров Российской империи. 1912 год (ОЖСМ 1912). М., 2004. С. 378. Кроме того, намечено было «удлинение некоторых старых станков для выделки современных орудий».

⁴² Военная промышленность России... С. 407.

⁴³ Виноградов С.Е. Линейный корабль «Императрица Мария». Легенда длиной в столетие. С. 22; Он же. Линейный корабль «Императрица Мария». История создания. Проектирование. Постройка. Описание конструкции. Боевая служба. СПб., 2002. С. 21.

⁴⁴ Военная промышленность России... С. 407. Смету на переоборудование Совещание по судостроению утвердило 15 ноября 1911 г. Начальник завода А.П. Меллер уверял

водства техническими средствами продолжается, а «окончание работ ожидается в 1912 г.». Намеченное дальнейшее пополнение оборудования на кредиты, отпущенные по закону 23 июня 1912 г., обеспечивало с августа 1914 г. выпуск 14-дм орудий до 48 в год, или по 4 орудия в месяц⁴⁵. Отчетные доклады царю за 1912 и 1913 гг. содержат обещание, что «опытное» 14-дм орудие (заказанное в январе 1911 г.) будет сдано в августе 1913 г., что на дальнейшее расширение (все же до выпуска 36, а не 48 орудий в год) получены средства и завод «надеется окончить это расширение к началу 1914 г.», что приспособление Обуховского завода для выпуска 14-дм артиллерии то ли «начато в 1913 году», то ли уже «осуществилось в минувшем [1913] году» и «будет окончено» не то к началу 1914 г., не то в 1914 г.⁴⁶ Излучаемый этими докладами оптимизм настолько убедителен, что трудно устоять даже совершенно не склонному к идеализации бюрократических порядков историку: «Дело шло довольно успешно: к концу 1912 г. опытный образец первой пушки был почти готов и сдача его на испытание должна была быть произведена в начале 1913 г.»⁴⁷. Летом 1913 г., не ожидая окончания расширения, намеченного на 1914 г., или, как сказано в очередном годовом докладе царю, «вне зависимости от готовности средств, предусмотренных этим расширением», Обуховский завод наличными техническими средствами все же действительно изготовил одно опытное («для полигона») 14-дм орудие. Его нельзя было запустить в серийное производство прежде испытания на полигоне, и министр в докладе Николаю II умалчивал о качестве этого опытного экземпляра.

Поэтому и утверждение, что к 1913 или к 1914 г. Обуховский завод «располагал мощностями для ежегодного производства до 36 подобных пушек», а не делал этого потому, что был перегружен «целым рядом срочных крупных заказов», содержит преувеличение. Объяснение неспособности Обуховского завода дать эти пушки «своевременно» тем, что предприятие «в тот момент» было «перегружено заказами», не со-

---

правительство, что уже через год его завод будет выпускать по 48 орудий (*Кузнецов Л.А.* Линейные крейсера типа «Измаил». С. 81). 16 14-дм орудий было решено (в июне 1912 г.) установить в Ревельской крепости в двухорудийных башнях (Флот в Первой мировой войне. Т. 1. С. 72).

⁴⁵ РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 142.

⁴⁶ ВДММ за 1912 г. СПб., 1913. С. VIII, 121; ВДММ за 1913 г. [Большой формат]. С. 129; С. 313 [малый формат].

⁴⁷ *Шаццлло К.Ф.* Указ. соч. С. 82.

гласуется с признанием его технической неготовности исполнить такую задачу — «отсутствие... необходимых промышленных мощностей» делало вооружение кораблей 14-дм артиллерией «более чем туманной перспективой». Вообще изготовление подобных пушек Обуховским заводом «оставалось под определенным вопросом»⁴⁸.

У заводского начальства разногласия и сомнения относительно состояния дел с главным калибром возникли уже к августу 1912 г., и Морское министерство, не ожидая, когда перспектива на Обуховском прояснится, предложило ряду иностранных фирм, включая «Круппа», «заявить условия, на которых они взялись бы построить в России орудийный завод» соответствующей мощи. В тот момент, докладывая Бринк позднее начальнику ГУК П.П. Муравьеву, «мною было детально изучено положение выделки таких орудий на Обуховском заводе». Он пришел к тревожному заключению: «Предположенное оборудование Обуховского завода недостаточно для изготовления всех орудий в срок, дальнейшее же расширение его потребовало бы затраты значительных средств» — таких, что оно и «невыполнимо и невыгодно»⁴⁹.

«Требующиеся для флота орудия Обуховский завод изготовить в срок не может. Пермский же завод своевременно оборудован не будет». Но и «заказывать за границею требующиеся морскому ведомству 30 орудий 14-дм калибра весьма нежелательно», — сообщал морской министр И.К. Григорович председателю Совета министров В.Н. Коковцову 2 января 1913 г.⁵⁰ Все последующее подтвердило такую оценку: ни «в срок», ни с запозданием Обуховский завод ни 14-дм, ни тем более 16-дм орудий не дал. Николаю II срыв испытания в 1913 г. опытного 14-дм орудия морское ведомство объяснило неготовностью опытного станка (лафета) «из-за продолжительной забастовки рабочих Обуховского завода»⁵¹. Поскольку завод и МТК признали, что «подать к сроку», т.е. к началу 1915 г., 14-дм орудия не удастся, было решено изготовить в России лишь башенные установки, сами же орудия (37 стволов в 52 калибра) заказать за границей⁵².

⁴⁸ *Виноградов С.Е.* Линейный корабль «Императрица Мария». Легенда длиной в столетие. С. 23; ср.: *Виноградов С.Е.* Британская компания «Виккерс». С. 74.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 145 об.—146 об.; РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 593 об., 595 об., 673.

⁵⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 686.

⁵¹ ВДММ за 1913 г. [Большой формат]. С. V, 96.

⁵² *Виноградов С.Е.* Британская компания «Виккерс». С. 77; *Он же.* Последние исполины. С. 62.

Между тем в конце 1913 г. «с полной определенностью» выяснилось, что иностранные заводы «уже валовым способом» готовят 14-дм орудия, а некоторые приступили «к изготовлению пушек еще больших калибров». По пробиванию брони 14-дм орудие превосходило 12-дюймовое на 20%, по фугасному действию снарядов — на 60%; оно обладало большей настильностью стрельбы при большей дальности и меткости⁵³. Для подобных орудий использовались стальные отливки и поковки такого размера, веса (120 т и более⁵⁴) и качества, каких в России не изготовлялось. Об отсутствии в России производства соответствующих крупных и ответственных болванок было известно иностранным фирмам, и они с выгодой пользовались своими преимуществами⁵⁵.

Таким образом, изготовление 14-дм орудий требовало более совершенного оборудования (и технологии), чем то, каким располагали русские заводы, тогда как английская фирма «не усматривала особых сложностей», и «русская сторона не выражала сомнений в успехе, вполне доверяясь уже испытанному партнеру». К 1 февраля 1914 г. британцы изготовили отливки и поковки для первых пяти стволов, началась токарная обточка, летом первые три орудия «были уже практически готовы». Именно «Виккерс», технически способный выпускать 14-дм орудия, был настолько перегружен русскими заказами (24 14-дм, 12 12-дм, 34 8-дм, 101 130-мм пушки), что МТК, стремясь скорее получить 8-дм орудия, распорядился приостановить работу над 14-дм калибром, и лишь год спустя, летом 1915 г. фирма возобновила ее. Первое 14-дм орудие, испытанное стрельбой «весьма успешно», получили в Архангельске из Англии в октябре 1915 г. К этому времени у «Виккерса» «технология производства 14-дм пушек для России была уже отработана... добавочное тиражирование освоенного изделия, не обещая особых хлопот, сулило ощутимый доход»⁵⁶.

Положение дел в Петрограде видно из движения заказа ГАУ на 14-дм опытную береговую пушку для Ревеля. Заказ поступил 9 августа 1912 г. со сроком исполнения в 16 месяцев, т.е. к 1914 г. К осени 1915 г. была откована уже вторая внутренняя труба (первая оказалась браком),

⁵³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 339. Л. 57; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76843. Л. 100.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 751.

⁵⁵ Амирханов Л.И. Башни для «Измаила». С. 64.

⁵⁶ К октябрю 1916 г. «Виккерс» изготовил 16 14-дм орудий, 11 из них прошли приемку и поступили на Обуховский завод, один ствол 12 октября 1915 г. погиб в пути вместе с перевозившим его в Россию пароходом (Виноградов С.Е. Британская компания «Виккерс». С. 73, 75–79, 83, примеч. 42).

которая «еще не подвергалась сверлению и технической обработке», но «вся дальнейшая работа остановлена». Новый срок готовности пушки — «не ранее как через 1 год»⁵⁷.

О возникших серьезных затруднениях свидетельствовало противоречивое отношение артиллерийской администрации к коренной технологической проблеме. Она заключалась в отсутствии пригодной для 14-дм стволов хромоникелевой стали (12-дм стволы изготовлялись из стали «обычного состава и качества»⁵⁸).

При использовании прежней, углеродистой стали изделия существенной толщины не проковываются в сердцевине, и получают неравномерные структура и механические качества. Сердцевина выходит более мягкая и с пониженной вязкостью. Повысить вязкость не помогает и термическая обработка. Такая сталь хуже хромоникелевой выдерживает ударные нагрузки⁵⁹. Как объясняли русскому правительству в мае 1913 г. представители «Виккерса», из углеродистой стали «довольно удовлетворительно» можно делать пушки калибром до 12 дм. Делать же из нее высоконапряженные детали 13- и 13,5-дм орудия, как показал опыт, невозможно. Именно по этой причине «ни “Крупп”, ни “Крез”, ни “Шкода” не сделали до сих пор еще ни одной 14-дм пушки» — и не сделают, пока не «добьются сплава надлежащего качества»⁶⁰.

«Виккерс» пытался навязать русской морской артиллерии хромоникелевую сталь еще в 1905 г., при переговорах о заказе крейсера «Рюрик». Фирма ссылалась на высокие требования заказчика «по отношению к выгоранию канала» орудий. Ведомство отнеслось к этому предложению с недоверием: «Нельзя было согласиться... не убедившись документальными данными», что такая сталь уже «принята английским правительством и выделанные из нее орудия выдерживают достаточное число выстрелов». «Виккерс» не предоставил Петербургу документов, считавшихся секретными, но допустил на свой завод Бринка. Тот доложил министерству, что «орудия из новой стали еще не испытаны»⁶¹.

⁵⁷ Окончание работ зависело к августу 1917 г. от установки нового стана. Кроме того, по сообщению приемщика, «для поднимания готовой пушки не имеется соответственной силы крана» (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 796. Л. 79).

⁵⁸ Колтовской А.Е. Указ. соч. С. 65, 76; Виноградов С.Е. Последние исполины. С. 157–158.

⁵⁹ Минкевич Н.А. Свойства, тепловая обработка и назначение стали и чугуна. Ч. 1–2. М.; Л., 1934. С. 728–729.

⁶⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. 932 об. «Крупп», однако, по сведениям Бринка, первым (наряду с «Виккерсом») изготовил 14-дм орудие (там же. Л. 592 об.).

⁶¹ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 218. Л. 16.

В дальнейшем на Обуховском заводе искали своих путей, ставили опыты, изучая влияние «на стойкость орудий материала, из которого они изготавливаются». Оценивалось поведение пушек 6-дм и 120-мм калибра, снабженных внутренней трубой то из никелевой стали, то из хромистой, то из ванадиевой⁶².

В январе—марте 1913 г., в связи с переговорами об орудийных заказах иностранным фирмам и об учреждении новых заводов в России, представители ведомств обсуждали создавшееся положение в комиссии, возглавляемой Бринком. По их словам получалось, что Обуховский завод «в настоящее время» уже «приспособлен» к производству 14-дм орудий и сможет к 15 сентября 1915 г. изготовить 28 таких пушек. Но в том же документе степень готовности Обуховского завода оценивалась и более сдержанно: успех зависит от того, какая будет использована сталь: «в случае установления производства орудий не из углеродистой, а из хромоникелевой стали» выход продукции снизится на четверть⁶³. Таким образом, этот существенный технический вопрос в то время еще рассматривался в гадательном плане, не был решен даже в принципе. Тем не менее способность Обуховского завода готовить стальные отливки «всевозможных сортов высокого качества», простые и фасонные поковки не вызвала сомнений, а привычные ему углеродистые стали представлялись участникам обсуждения «общепринятыми в орудийном производстве»⁶⁴. В 1912 г. Обуховский завод спроектировал 16-дм пушку из углеродистой стали и (второй вариант) из среднелегированной (с добавлением никеля)⁶⁵, тогда как уже для пушек в 14 дм используемая Обуховским заводом углеродистая сталь не годилась, и в дальнейшем эта работа перешла к «Виккерсу» в Англию⁶⁶.

Совет министров именно на эту сторону дела обратил внимание, сравнивая в мае 1913 г. достоинства конкурировавших идей о новом заводе. При наличии предложений от ряда фирм («Армстронг» и др.) и от Путиловской банковско-промышленной группы, сотрудничавшей с французской фирмой «Шнейдер», правительство сделало выбор в пользу Царицынского проекта РАОАЗ, т.е. «Виккерса». Решающим аргумен-

⁶² Там же. Ф. 543. Оп. 1. Д. 121. Л. 49 об.

⁶³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 847 об., 848.

⁶⁴ Виноградов С.Е. Последние исполины. С. 104.

⁶⁵ Виноградов С.Е. Пермский орудийный завод в планах производства крупнокалиберной морской артиллерии накануне и во время Первой мировой войны // Вопросы истории. 2019. № 12 (1). С. 129; Он же. Последние исполины. С. 159.

⁶⁶ «Виккерс» в России. Волгоград, 2012. С. 144–145.

том послужило то, что «пока орудия крупных калибров из хромоникелевой стали выдвываются только на заводе «Виккерса» в Англии (впрочем, и у «Круппа» тоже, но это не обсуждалось. — В.П.); другие же первоклассные оружейные фирмы, в том числе «Армстронг» и «Крез-Шнейдер», только предполагают перейти к производству орудий из означенной стали и, таким образом, не имеют еще за собою в указанной отрасли достаточного опыта». Уже обрисовавшаяся потребность в освоении пушек 16-дм калибра заставляет правительство иметь в виду, что «произведенными в этом направлении фирмой работами мы будем в состоянии воспользоваться» лишь если интересы «Виккерса» будут сейчас учтены⁶⁷. Действительно, ни германскому, ни французскому флоту ни «Крупп»⁶⁸, ни «Шнейдер» ни к 1914 г., ни даже к концу войны не дали дредноутов с главным калибром свыше 12 дм, а для японских сверхдредноутов 16-дюймовую артиллерию поставил опять-таки «Виккерс». Французская же группа, доказывая способность фирмы «Шнейдер» изготовлять морскую артиллерию не хуже «Виккерса», смогла в подтверждение сослаться лишь на «официальное свидетельство, данное заводу «Шнейдер» 17 февраля с.г. Морским министерством Французской республики», — о том, что «означенный завод оборудован уже» для выпуска 37-см (14,6 дм) пушек в 50 калибров и получит «в ближайшем будущем заказы и на более крупные калибры»⁶⁹. Но фактически эта фирма, по сообщению французского атташе в феврале 1913 г., «уже изготовляла» для своего флота пока еще лишь 12-дм орудия и «в настоящее время строит 34-см (13,4-дм)»⁷⁰.

Стремясь воспрепятствовать соглашению с РАОАЗ/«Виккерсом», начальник Обуховского завода А.П. Меллер, открыто сотрудничавший с русско-французской (путиловской) группой, заявил в межведомственном совещании, что «и на заводе «Крез» во Франции хромоникелевая сталь хорошо известна», но там от нее отказались, «так как введение в сталь никеля оказывалось вредным». А вместе с тем на другом совещании представители той же русско-французской группы 15 марта 1913 г. уверяли, что и они, если пройдет их предложение, станут изготовлять орудия из хромоникелевой стали, «признаваемой в настоящее время наиболее совершенной». Бринк, признавая за фирмой «Шнейдер» «большой

⁶⁷ ОЖСМ 1913. М., 2005. С. 257.

⁶⁸ В германской практике большее значение, по сравнению с силой артиллерийского удара, придавали живучести корабля — его броневой и конструкционной защите, что ограничивало расходование водоизмещения на главный калибр орудий.

⁶⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 846.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 206.

опыт в общей металлургии», отмечал, что «в применении стали высоких качеств к орудийному делу она опыта прямого не имеет и нам предлагает английскую сталь».

Со своей стороны металлург Н.Ф. Дроздов, представлявший ГАУ на совещании 15 марта 1913 г., сообщил, что и в его ведомстве «по нормальным условиям на прием орудийного металла» использование для внутренних частей орудий «ни никелевой, ни хромистой стали» «вообще» не допускается, употребляют «одну углеродистую сталь». Представитель ППЗ Г.Э. Бушман заявил, что хромоникелевая сталь «не является новостью» для русских военных заводов, в получении ее «никакого секрета нет». Но проведенные в Перми испытания показали, что «грубая периодическая закалка внутренних поверхностных слоев хромоникелевой орудийной трубы» вызывает «преждевременное появление поверхностных закалочных трещин», а затем порчу (разгар канала) ствола. С его точки зрения, «усиленная примесь» хрома и никеля «свидетельствует об упадке сталелитейного дела», а не об успехе. Такая сталь более чувствительна к перегреву и закалке; для орудий нужна, скорее, обычная — «хорошая здоровая» — углеродистая сталь.

Видимое единодушие представителей трех ведомств сочеталось в то же время с признанием того, что при определенных условиях следует отдавать предпочтение хромоникелевой стали. Дроздов не умолчал о том, что использование ее для «внутренних частей орудия» все же допускалось — «не иначе как по особому соглашению артиллерийского ведомства с соответствующими заводами»⁷¹. Из этого понятно, что, во-первых, ведомственные специалисты все же (неохотно) признавали возможность успешного использования хромоникелевой стали. Во-вторых, в таком случае требовался «особый» подход, основанный на сотрудничестве с теми немногими заводами, которые обладали точными знаниями о приемах литья и обработки. В-третьих, выясняется, что заводы морского, горного и военного ведомств такими знаниями не располагали.

В довершение всего на Обуховском заводе не было в 1914 г. печи «достаточной вместимости для отливки из нее одной болванки... в 75 т». Гордо Морское министерство заявляло, что имеющееся в мартеновском отделе оборудование «позволяет отливать болванку для внутренней трубы из двух печей для 14-дм орудия и — для

⁷¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 591 об., 846, 854; РГА ВМФ. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 18а. Л. 31 об.—32. ГАУ 31 марта 1912 г. циркуляром объявило, что применение хромоникелевой стали «допускается лишь по особому соглашению с артиллерийским ведомством в каждом отдельном случае».

16-дм орудия — даже из всех трех печей» (мартеновский отдел располагал двумя печами по 30 т и одной 15-тонной, действовавшими с 1891 г.⁷²). Но при попытках отлить внутреннюю трубу ствола, вынужденно пользуясь сразу двумя-тремя печами, завод получал высокий процент брака, и, по признанию артиллеристов, «что самое главное, способ этот не гарантирует при валовом производстве ни доброкачественности отливки, ни ее прочности», так что подобный способ «отливки болванки для наиболее ответственной части орудия нельзя признать приемлемым»⁷³. В итоге, согласно докладу ведомства в Думе, к августу 1914 г. «сталелитейная мастерская... не отвечает своему назначению: она недостаточна по площади, не располагает надлежащим оборудованием и распланирована крайне нехозяйственно»⁷⁴. Когда весной 1914 г. заканчивалось дооборудование Обуховского завода, тут же возник новый план расширения, предусматривавший сооружение еще трех печей, включая 65-тонную: «с перегрузкой в 10 тонн из нее можно отлить требуемую болванку в 75 т»⁷⁵, при этом на 1916 г. все его 6 печей имели общую емкость 110 т⁷⁶.

Попытки использовать хромоникелевую сталь в предприятиях ГАУ также принесли разочарования. Мало того что введение ее производства в России «дорого стоит»; когда все же удавалось ее получить, «это каждый раз было сопряжено с большими затруднениями, забракованием многих

⁷² Всеподданнейший отчет государственного контролера (ВОГК) за 1891 г. СПб., 1892. С. 50.

⁷³ С той же проблемой безуспешно пытались справиться на ППЗ: «Главнейшая трудность... в необходимости отливки крупных слитков одновременно из двух мартеновских печей при условии сохранения однородности металла». Завод располагал двумя мартеновскими печами конца XIX в. (на кислом поду) по 20 т и печью на основном поду на 18 т (*Темников И.Н.* Пермский пушечный завод (Мотовилиха) и его технические средства // Записки Пермского отделения РГО. 1911. № 3. С. 24; Отчет о заседании 14 июня 1910 г. // Там же. 1910. № 4. С. 6).

⁷⁴ РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 617. Л. 71 об.

⁷⁵ *Виноградов С.Е.* Последние исполины. С. 104–105. Средняя емкость мартеновских печей в России в 1917 г. — 20 т (*Лурье И.Н.* Развитие сталеплавильных агрегатов и цехов в СССР // *Сталь*. 1962. № 11. С. 983). На южных заводах в 1914 г. действовали 15 печей емкостью до 50 т (Очерки истории техники в России (1861–1917). М., 1973. С. 166). В «мощном» металлургическом отделе Сормовского завода имелось 5 мартеновских печей: две 30-тонные, две 15-тонные и одна 12-тонная (*Булатов В.В.* Концерн «Виккерс» и группа Царицынского завода // *Экономическая история России: Проблемы, поиски, решения*. Ежегодник. Вып. 1. Волгоград, 1999. С. 270). В США к началу XX в. тоннаж мартеновских печей достигал 100 т (*Покровский Ю.М.* Сидни Джилкрист Томас (1850–1885) и значение томасовского процесса для металлургии // *ВИЕиТ*. 1960. Вып. 10. С. 143).

⁷⁶ Военная промышленность России... С. 693.

партий». «В сущности, — признавал (в письме 19 июня 1914 г. министру торговли и промышленности С.И. Тимашеву) военный министр, — ни на одном русском заводе нет вполне установленного производства указанной стали... надлежащего качества»⁷⁷.

Все это нельзя было не учитывать, имея намерение делать 14- и 16-дм пушки. Полученное Обуховским заводом разрешение изготавливать 12-дюймовую главную артиллерию линкоров из обыкновенной углеродистой стали адмирал А.В. Немитц рассматривал как «недопустимое явление», которое «сводило на нет» достоинства оружейных конструкций⁷⁸.

В конце 1913 г. проект 16-дм орудия подвергся «существенной переработке» с переходом к использованию хромоникелевой стали; было решено «использовать только хромоникелевую сталь». Осознав реальность, Морское министерство предписало Обуховскому заводу и вообще «перейти к изготовлению... орудий всех калибров из хромоникелевой стали» (как и снарядов образца 1911 г.)⁷⁹.

В августе 1914 г. Морское министерство поднимало дух Государственной думы уверенным заявлением, что Обуховскому заводу «заказано уже в настоящее время к срочному изготовлению 16-дм орудие из хромоникелевой стали в 45 калибров длиной», а «в ближайшем будущем предстоит приступить к валовому их изготовлению», как и башенных установок для них; более того, в перспективе — уже и 18-дм калибр. В том же документе деловитое описание намеченного усиления завода подводило к заключению, что «все это» (пополнение технических средств) «может быть сделано в течение трех лет», но тут же указано и на «необходимость» приступить к валовому производству 16-дм пушек уже через полтора-два года. Как замысловато характеризовало положение дел ведомство, «при наличии имеющихся средств» «самое изготовление орудий 14-дм и в особенности 16-дм калибра» «должно быть в настоящее время признано не соответствующим требованиям». Наряду с тем, «чем располагает завод», ясно, «чего ему для этого недостает», очевидна «необходимость улучшения оборудования».

Фактически же предполагавшееся вооружение 14-дм пушками линейных крейсеров (как и изготовление их механизмов) встречало такие затруднения, что никак не приходилось ожидать результата ранее осени

⁷⁷ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 115. Л. 17 об., 23 об.—24.

⁷⁸ Немитц А.В. Недавнее прошлое русского флота. (По личным воспоминаниям) // Гражданская война в России. Черноморский флот. М., 2002. С. 306.

⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 2. Д. 617. Л. 70–70 об.; Виноградов С.Е. Последние исполины. С. 160.

1918 г. — весны 1919 г.: «Постройка линейных крейсеров отнесена ко второй очереди, — гласил всеподданнейший доклад за 1915 год, — ввиду того, что механизмы и артиллерия их не могут быть изготовлены настолько быстро, чтобы можно было рассчитывать на участие крейсеров в настоящей войне».

Подготовка к выпуску 14-дм пушек входила центральной составной частью в программу развития Обуховского завода. Но, согласно тому же отчету Морского министерства, к 1916 г. «наиболее крупным» из производств, оборудованных на Обуховском заводе, было названо изготовление осадных и полевых 12-дм и 48-линейных гаубиц и 42-линейных пушек для ГАУ. Что же касается морских 14-дм орудий, то Обуховский завод, получив по закону 23 июня 1912 г. деньги на оснащение соответствующих мастерских, предпринял кое-какое расширение, и считалось, что, по характеру имеющегося оборудования, молотовая мастерская и кузница были в состоянии в 1915 г. дать поковки на 5 таких пушек в месяц⁸⁰. Другое дело — способность сталелитейных цехов приготовить для этого болванки должного качества. Но ведь и кузнечное производство подобной трудности еще не было случая испытать на практике.

В итоге орудия 14-дм калибра так и не обрели законченного материального воплощения, хотя Обуховский завод получил 6 марта 1913 г. задание на 40 орудий для линейных крейсеров и 17 — для крепостей (заказ на еще 36 был передан «Виккерсу»). Пробное орудие, заказанное Обуховскому заводу 7 января 1911 г., он приготовил для испытания в 1915 г., но так и не сдал⁸¹. История гласит, что «начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война не позволила завершить» изготовление этих пушек⁸². «Виккерсу» не помешала, а Обуховскому — не позволила.

Так же и относительно 16-дм орудий весной 1914 г. существовал только еще рассчитанный на три года план усиления завода, без чего не могло быть и речи о выполнении программы серийного производства 16-дм орудий, их установок и снарядов⁸³. С началом войны вопрос об установ-

⁸⁰ Военная промышленность России... С. 548, 555, 693–694, 702, 703, 706.

⁸¹ *Виноградов С.Е.* Обуховский сталелитейный завод. С. 107. На 1917 г. еще 10 орудий также находились на Обуховском заводе в завершающей стадии. См.: *Кузнецов Л.А.* Линейные крейсера типа «Измаил». С. 163.

⁸² *Корабль и море. Этапы эволюции.* СПб., 2005. С. 220.

⁸³ В июле 1914 г. Морское министерство подыскивало исполнителя заказа на стальные «практические» снаряды «для обстрела 16-дм опытных орудий», ожидаемых от Обуховского завода и РАОАЗ. Ни один казенный завод за такие снаряды не взялся «из-за неимения соответственного оборудования», а Обуховский доложил о «недостижении удовлетворительных результатов фабрикации». Частные же явно не могли вы-

ке 14-дм орудий хотя бы на одном, последнем, черноморском линкоре («Николае I») «сразу же отпал», тем более что и Турция свой сверхдредноут с 14-дм калибром не получила из Англии⁸⁴. В военных условиях на Обуховском заводе, как указывает С.Е. Виноградов, все же «пытались по возможности следовать предвоенному плану реконструкции», так что в 1916 г. удалось несколько расширить производство стали, достроить башенную мастерскую. «Но полностью программа развития завода по плану 1914 г. реализована не была»⁸⁵.

Изготовление пушек 14- и 16-дм калибра было «под силу только очень подготовленной индустрии, располагающей самым современным оборудованием и укомплектованной квалифицированными кадрами»⁸⁶. В оценке полученного на Обуховском заводе результата наблюдаются противоречия. С одной стороны, существует представление, что Обуховский завод, развиваясь «исключительно высокими темпами», был «оборудован по последнему слову техники», в 1914 г. обладал «потенциалом предприятия, способного реализовать все задачи, запланированные для него до войны», «производил орудия всех калибров», включая 14-дм (48 стволов в год) и 16-дм (до 12 стволов) пушки, а также и снаряды. Русские сверхдредноуты «строились на основе передовой русской кораблестроительной науки, на отечественных заводах, из русских материалов и русскими рабочими» и были якобы вооружены 356-мм пушками в 52 калибра, «обладавшими отличными по тому времени баллистическими качествами» — орудиями, «превосходившими по своим тактическим данным заграничные образцы»⁸⁷.

Но с другой стороны, с этим не согласуется указание на то, что «переход к массовому изготовлению орудий 16-дм калибра» (и 14-дюймового) все еще планировался «вскоре», и для этого требовалось бы «проведение очередного, третьего по счету... наращивания производственных мощностей» завода. Весной 1914 г. на заводе и в ГУК только лишь составили такой план расширения, рассчитанный на три года. Через полтора-два года предполагалось «приступить... к валовому производству 16-дм пушек».

держат срок (лето 1915 г.), работа оказалась по силам только «Виккерсу», «на заводе коего с разрешения Совета министров уже изготавливается само орудие» (РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 115. Л. 164—164 об.).

⁸⁴ Цветков И.Ф. Указ. соч. С. 133.

⁸⁵ Виноградов С.Е. Последние исполины. С. 162, 106.

⁸⁶ Виноградов С.Е. Обуховский сталелитейный завод. С. 106–108.

⁸⁷ Флот в Первой мировой войне. Т. 1. М., 1964. С. 47, 49.

На практике изготовление 16-дм орудий до этой стадии так и не дошло⁸⁸. Пробный экземпляр 16-дм береговой гаубицы был заказан Обуховскому заводу, а лафет для нее — Путиловскому, «но к изготовлению их, — по словам конструктора Р.А. Дурляхова, — не было приступлено вследствие начала военных действий»⁸⁹.

В конечном счете изготовление 16-дм пушки оказалось заводу не по силам: в ноябре 1916 г. «все поковки за исключением двух» были «приняты по металлу», т.е. еще не прошли кузнечную обработку и закалку, а самая крупная отливка (из углеродистой стали, для кожуха) так и не была сделана, равно как не удалось закончить и опытную установку (платформа и пр.) для полигона, за которую было взялись два завода в России (Обуховский и Адмиралтейский, заказавшие некоторые части ее «Виккерсу») ⁹⁰. В условиях тяжелейшей нехватки металла в России ГУК уже и не требовало определенного результата; более того, постройка линейных крейсеров типа «Измаил» была прекращена — чтобы больше металла пошло на изготовление сухопутного вооружения⁹¹. Летом 1916 г. Обуховский завод закончил монтаж опытной установки (лафета, или платформы) для 14-дм орудия. Но само это опытное 14-дм орудие, главный калибр «измаилов», не сделало в течение 1917 г. ни одного выстрела на полигоне⁹². «В полном объеме программа развития завода для производства артиллерии... по плану 1914 г. в связи с новыми задачами, выдвинутыми войной, реализована не была». Окончательный исход дела с гигантскими пушками едва не потерялся «во мрачной глубине... тьмы и хаоса» при распаде империи⁹³.

В этом мрачном хаосе все же прослеживается своя логика развития. Критические события на фронтах действительно отодвинули вопрос

⁸⁸ *Виноградов С.Е.* Обуховский сталелитейный завод. С. 106–108.

⁸⁹ Труды 1-го Всероссийского съезда инженеров, работающих в области военной промышленности. М., 1922. Вып. 1. С. 22.

⁹⁰ *Виноградов С.Е.* Последние исполины. С. 162, 226, 169–170. Тем временем «Виккерс» изготовлял свое 16-дм орудие в 45 калибров и опытный станок для него (там же. С. 226).

⁹¹ *Цветков И.Ф.* Указ. соч. С. 71.

⁹² *Виноградов С.Е.* Последние исполины. С. 227, 169. Это орудие было использовано в марте 1918 г. для опытов стрельбы подкалиберными снарядами (*Лукин В.Е.* Евгений Александрович Беркалов. Жизнь и судьба артиллериста // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб., 2017. Ч. 3. С. 173). Полигонный лафет для 14-дм пушки готовил и Путиловский завод (заказ 15 марта 1913 г.), но к 1916 г. работу еще не удалось закончить (РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 33. Ч. 1. Л. 44 об.).

⁹³ *Виноградов С.Е.* Обуховский сталелитейный завод. С.108; *Он же.* Последние исполины. С. 106, 162.

о постройке сверхдредноутов «сначала на второй, а затем и на более дальний план» по сравнению «с другими, более срочными работами, вызванными войной», для которых не хватало металла. «Дело фактически замерло»⁹⁴, поставленные задачи подверглись пересмотру. До Григоровича дошел импульс, полученный 14 декабря 1914 г. военным аппаратом империи от царя: предписывалось усиленно готовить полевую артиллерию ко времени заключения мира, понимаемому как острый момент дележа будущей добычи с Англией и другими союзниками. Как сказано в докладе Григоровича Совету министров от 3 января 1915 г., «изменившиеся обстоятельства... меняют сами цели переоборудования» Обуховского завода. «Ко времени окончания» войны, и даже «до ее окончания», понадобится в кратчайший срок восстановить артиллерию, в том числе и полевую, а для этого от Обуховского завода потребуются «большое количество сравнительно мелких поковок», нужны будут всякие специальные «средства для мелких прессований и поковок». Ввиду спешности и секретности принимаемых мер Совет министров решил провести соответствующий кредит минуя Думу, внесенный же в Думу и Государственный совет (и еще не рассмотренный ими) законопроект от 17 августа 1914 г. за № 827⁹⁵ — о плане подготовки Обуховского завода к выпуску морских пушек калибром свыше 12 дм — отозвать⁹⁶.

Так же и сооружаемый Царицынский завод к 1917 г. рассматривался, скорее, как будущий изготовитель армейских 12-дм и 16-дм гаубиц⁹⁷.

Очевидно, что предписанное переключение на снабжение сухопутной артиллерии избавило завод от чреватой провалом работы по вооружению сверхдредноутов. Но это не устраняет того факта, что оказалась непосильной задача поднять Обуховский завод, не справившийся с технологией литья хромоникелевой стали⁹⁸, до выпуска 14-дм пушек. Переориентация на другие, менее сложные задачи никак не свидетельствовала о будто бы достигнутой, но не используемой готовности его дать флоту крупнейшие калибры; для этого отсутствовали соответствующие технические ресурсы.

В то же время решение перевести Обуховский завод на выпуск полевой артиллерии вовсе не означало отказа от изготовления 14- и 16-дм мор-

⁹⁴ Виноградов С.Е. Последние исполины. С. 156, 169.

⁹⁵ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 242. Л. 22 об.

⁹⁶ СОГД IV/4. Ч. 3. Стб. 4220.

⁹⁷ Виноградов С.Е. Последние исполины. С. 107.

⁹⁸ Шаров П.В. Влияние экономики на исход мировой войны. 1914–1918. М.; Л., 1928. С. 42.

ских пушек. Как раз тогда, когда Григорович, по-видимому с облегчением, забирал из Думы свой доклад о максимальной программе Обуховского завода, правительство принялось продвигать проект о развертывании того же самого производства на Пермском пушечном заводе: из мрачной глубины всплыл приостановленный в 1913 г. проект расширения ППЗ на Урале. Горное ведомство надеялось, что сможет «тем самым поставить заводы эти [Пермский пушечный] в ряд с сильнейшими орудийными заводами как в России, так и за границей»⁹⁹. Именно ему теперь предстояло ставить «изготовление дальнобойных орудий и крупных снарядов калибром до 16 дм включительно» и крупных поковок для судов. Это значит, что «идея выпускать крупнокалиберные орудия для флота на Урале» едва ли «утратила актуальность»¹⁰⁰. В проектах горного ведомства в 1916 г. речь шла о «создании у нас такого же сильно оборудованного завода, каким обладает враждебная нам держава в лице завода “Крупша”», что позволит устранить зависимость русского судостроения «от выполнения заказов на ответственные машинные части за границей»¹⁰¹.

Если исходить из рекламных и юбилейных исторических сочинений, может сложиться впечатление, что оборудование ППЗ еще в 90-х гг. XIX в. «не уступало лучшим артиллерийским заводам Западной Европы»¹⁰². Для выяснения реального положения такие источники не годятся¹⁰³. Действительно, в конце XIX в. инспектор артиллерийских приемок ГАУ, сравнивая качество и быстроту работы ППЗ, ставил его выше Обуховского, располагавшего при этом «значительно большими средствами». Но уже в годы перед японской войной отмечалась «возрастающая неуспешность» завода в приготовлении 3-дм и 6-дм пушек, лафетов и снарядов. ГАУ объясняло ее главным образом плохим заводским контролем за качеством металла. Сказывался «недостаток в инженерах, техниках, под руководством которых ведется изготовление артиллерийских орудий и снарядов», слабость химической и механической лабораторий. В целом произошел «некоторый перелом», наблюдались задержки, «не оправдываемые новизной дела», а связанные с «бесхозяйственностью и непла-

⁹⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 339. Л. 57.

¹⁰⁰ Шумкин Г.Н. Состояние военного производства на Урале накануне Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 64.

¹⁰¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 242. Л. 27.

¹⁰² Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал. XVII–XX вв. Избр. труды. Екатеринбург, 2005. С. 329, 141, 173; Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 421.

¹⁰³ Чугреев Н.Н. Государственная военная промышленность России в 1865–1917 гг. На примере Мотовилихинского завода. Б.м. 1998. С. 6.

номерностью управления». Оборудование ППЗ сформировалось бессистемно; к 1910—1912 гг. «в некоторых цехах» (в том числе молотовом), по оценке министра, «действуют до сих пор устарелые и ветхие устройства». Хотя были «за последнее время затрачены весьма крупные суммы» на оборудование¹⁰⁴, все еще требовались «специальные устройства и механизмы, на отечественных заводах не изготавливаемые». Поэтому, намечая усиление Пермского завода, правительство решило «привлечь к делу... некоторые наиболее известные заграничные фирмы, специализировавшиеся на установках такого рода»¹⁰⁵. Сотрудничество с иностранными фирмами мыслилось (согласно разсланному в феврале 1913 г. приглашению участвовать в конкурсе) лишь в ограниченных пределах — как «исключительно только переустройство завода и изготовление первых пробных пушек большого калибра»¹⁰⁶.

По утверждению Д.В. Гаврилова, в переоборудовании ППЗ «приняли участие» и «Армстронг», и «Виккерс», и «Крезо» («Шнейдер») и «Сен-Шамон»¹⁰⁷ (ранее готовность взяться за ППЗ выразила фирма «Крупп»¹⁰⁸). В действительности же одного только намерения власти привлечь столь мощное содействие оказалось недостаточно. Роль руководителя для намеченного преобразования досталась лишь компании «Шнейдер» («Крезо»). Предпочтение было оказано ей не потому, что «Армстронг» или «Виккерс» якобы представляли «созданную давно и устаревшую» промышленность¹⁰⁹, а в силу давления со стороны кредитора и союзника — французского правительства¹¹⁰. Но, устранив конкурентов, фирма и сама утратила к Пермскому заводу интерес, и вскоре проект зашел в тупик.

Первоначальная, в сентябре 1913 г., приостановка расширения ППЗ по этому проекту была вызвана решением увеличить главный калибр морских орудий с 14 до 16 дюймов. Учитывалось, что всякий артиллерий-

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 528–529, 1114.

¹⁰⁵ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 242. Л. 19.

¹⁰⁶ Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 82. Л. 125.

¹⁰⁷ Гаврилов Д.В. Диссидентская «теория многоукладности»: испытание временем на достоверность и жизнеспособность // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2003. С. 13.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 800–804.

¹⁰⁹ Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал. С. 280.

¹¹⁰ Бовыкин В.И. Из истории проникновения иностранного капитала в Россию («Пермское дело») // Научные доклады и сообщения высшей школы. Исторические науки. 1958. № 1. Бринк считал обязательство фирмы изготовить 14-дм орудия в срок «ничем не обеспечивающим интересы казны, необоснованным» ввиду отсутствия у «Шнейдера» соответствующего опыта (РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 610; РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 153).

ский завод, выпускающий орудия калибром не свыше 14 дм, «неизбежно окажется в числе технически устарелых и не могущих обслуживать текущие потребности флота в крупнокалиберных орудиях»¹¹¹. Однако совместная работа инженеров ППЗ и специалистов «Шнейдера» в дальнейшем свелась к многомесячному согласованию спецификаций и «установлению окончательной редакции договора». Подписание же его, намеченное к 1 августа 1915 г., не состоялось¹¹². До фактического исполнения фирмой, принятой на себя поставки оборудования (из Англии: Совет министров требовал заказать машины от «Армстронга»), дело не дошло. Строительство остановилось в самом начале¹¹³. Планом строительных работ предусматривалась возможность открыть «все новые производства» «не позднее 1 января 1916 г.»¹¹⁴. Этого не произошло, а 16 мая 1916 г. горное ведомство отозвало из Думы свой законопроект по этому вопросу, но не из-за отказа от идеи, а наоборот, ввиду спешки с дополнительным финансированием проекта: Особое совещание по обороне заставило Горный департамент истребовать часть необходимых средств не дожидаясь издания закона, из «военного фонда»¹¹⁵.

К весне 1916 г. ППЗ располагал тремя мартеновскими печами лишь по 20 т и (с осени 1915 г.) еще одной — в 10 т для специальных сортов стали, а также электрической индукционного типа печью на 1 т (с 1915 г.)¹¹⁶. Проектировалось построить две мартеновские печи производительностью 30 и 80 т¹¹⁷. Несмотря на отказ фирмы «Шнейдер», дооборудование завода не отменялось («решено произвести все оборудование собственными силами»). В 1916 г. оно еще только разворачивалось и было рассчитано на два года. Лишь после этого могла возникнуть уверенность в том, что крупные поковки, по 24 16-дм ствола в год, «будут выполняться в России без затруднения». К такому выводу пришло межведомственное совещание 31 марта и 4 апреля 1916 г. Но для этого предстояло пополнить сталелитейную мастерскую пятью печами производительностью в 40 и 60 т (не считая отжигательных)¹¹⁸,

¹¹¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 339. Л. 57.

¹¹² РГА ВМФ. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 18-а. Л. 48–49.

¹¹³ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 242. Л. 33; РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 339. Л. 70.

¹¹⁴ Объяснительная записка по смете Горного департамента на 1914 год. СПб., 1913. С. 46.

¹¹⁵ СОГД IV/4. Ч. 3. Стб. 4358.

¹¹⁶ Давыдова Л.Г. Указ. соч. С. 130, 138.

¹¹⁷ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 242. Л. 8 об.

¹¹⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 339. Л. 70–70 об., 72 об., 76–76 об.; Д. 229. Л. 2.

добавить ковочный пресс в 7 тыс. т, соорудить новые отжигательную, скрепляющую и пушечно-отделочную мастерские, усилить подъемные устройства металлургических и механических цехов. Масштаб необходимого переустройства возрастал — с каждым добавлением дюймов калибра.

В конечном счете «второй мартеновский цех построен не был»; вообще переоборудование Пермского завода для выпуска орудий свыше 6-дм калибра, дальнобойных, «осталось на бумаге»¹¹⁹; нельзя сказать, что «в годы войны завод почти целиком был перестроен заново»¹²⁰. Комиссия, обследовавшая завод в начале 1920-х гг., обнаружила, что в Мотовилихе «здания почти все — старой постройки, очень темные и неудобные... Завод довольно хорошо оборудован станками и другими машинами, но тоже без системы, не хватает кранов для передачи грузов». Заказанный в Англии турбогенератор на 4500 кВт отсутствовал: были привезены лишь некоторые его части в Архангельск, «но все потерялось»¹²¹ в упомянутом мраке. Как раз краны и турбогенератор фигурировали в списке заказов, необходимых «в случае осуществления переоборудования заводов» для введения производства крупных орудий и снарядов, наряду с самым мощным прессом и прочими устройствами¹²².

Масштаб и характер проблем, перед которыми оказался бессилён ППЗ, видны уже из опыта его работы по 6-дм пушкам (к 1914 г. 6- и 8-дм пушечные калибры были максимальными для средств ППЗ). Поковки давали огромный брак, и заводской двор был загроможден испорченным металлом. «Нет сомнения», заключил в 1908 г. приемщик-артиллерист, что сдача орудий «пойдет успешно только тогда, когда завод справится с металлургической стороной вопроса». Была сделана попытка выйти из положения, перейдя к поковкам «из мартеновской никелевой стали». Этот опыт кончился тем, что «Артиллерийский комитет воспретил изготовление труб» из нее¹²³.

Сторонник перехода на хромоникелевую сталь — заведующий сталелитейным цехом В.И. Тыжнов — в сентябре 1913 г. убедил начальника ППЗ И.Н. Темникова «испросить в ГАУ разрешение на изготовление этих труб [6-дм] из никелевой стали». Однако при попытке начать переговоры авторитетный член Артиллерийского комитета ГАУ, метал-

¹¹⁹ Чугреев Н.Н. Указ. соч. С. 169, 182, 188, 196, 203.

¹²⁰ Гаврилов Д.В. Указ. соч. С. 373.

¹²¹ Российский государственный архив экономики. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 2181. Л. 3–4.

¹²² РГИА. Ф. 37. Оп. 71. Д. 62. Л. 332 об.—333.

¹²³ РГВИА. Ф. 510. Оп. 1. Д. 16. Л. 13–15.

лург и химик Г.А. Забудский указал, что заграничные заводы, в частности «Шнейдер», «справляются... употребляя углеродистую сталь». После этого Темников уже «считал неудобным» делать новые шаги, пока не получены «благоприятные результаты с никелевой сталью для морских орудий». В морском же ведомстве проявляли осторожность. Артиллерийский отдел сначала разрешил вводить хром до 0,5%, «и только спустя продолжительное время, после повторного ходатайства» допустил еще и 2% никеля¹²⁴.

Терпимое отношение заводского персонала к обильному браку изделий становилось дурной традицией ППЗ. Если в 1906–1907 гг. брак (выявляемый на самом заводе, при слабом контроле) достигал 22% выпуска¹²⁵, то и в дальнейшем улучшения не наблюдалось. В июле 1914 г. в этот вопрос вник Артиллерийский комитет ГАУ. По его заключению, корень зла состоял в «неудачном выборе сорта стали по химическому составу». Слишком высокое содержание углерода и фосфора — «характерное отличие», «хронический» недочет стали Пермского завода. Но кроме того, требовали исправления также «приемы самой плавки» и отливки («применение сравнительно толстых и коротких болванок»). На заводе (и вообще в горном ведомстве) привыкли уповать на то, что располагают «лучшим в России по своим качествам металлом», но на деле сталь Пермского завода с ее «шлаковыми включениями, местными рыхлостями и пузырями» «заметно выделяется в худшую сторону» по сравнению с другими заводами, и это «явление... хроническое для данной эпохи деятельности завода»¹²⁶.

Было замечено, что на заводе во многих случаях «приступали к массовому изготовлению» изделий, «не ожидая результатов пробных испытаний, вследствие чего приходилось браковать целые партии»¹²⁷. «Стальные отливки часто оказывались с серьезными дефектами — усадочными раковинами и газовыми пузырями»¹²⁸. Грозил опасными последствиями «служебная доброкачественность даже и тех изделий, которые фактически приходится принимать от завода по точному смыслу существующих технических условий», — докладывал приемщик. При стрельбе стволы

¹²⁴ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 276. Оп. 1. Д. 221. Л. 20 об.— 21 об.

¹²⁵ *Gatrell P.* Government, industry and rearmament in Russia, 1900–1914. The last argument of Tsarism. Cambridge, 1994. P. 105, 344.

¹²⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 339. Л. 57 об.—58; РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 41. Л. 3–8 об.

¹²⁷ ВОГК 1908. СПб., 1909. С. 148.

¹²⁸ *Гаврилов Д.В.* Горнозаводский Урал. С. 383.

«подвергались внезапным разрушениям» из-за скрытых пороков металла: «те поковки, которые случайно выдерживали» механические испытания и, признаваемые годными, поступали на Петербургский Орудийный завод для дальнейшей отделки, затем «в большинстве случаев были забраковываемы Орудийным заводом за литейные пороки в металле». Причина заключалась «в отсутствии или плохой сортировке плавок»; завод не мог контролировать строгое соблюдение режима¹²⁹. Артиллерийский комитет в июле 1914 г. сожалел, что его «неоднократные заявления» горному ведомству «о необходимости коренных улучшений фабрикации стали... до сих пор не имели сколько-нибудь существенных практических результатов»¹³⁰.

Получить отливку, болванку из хромоникелевой стали хотя бы и нужного химического состава еще не означало решить задачу. Хромоникелевая сталь делается пригодной только «в умелых и опытных руках». Добываясь от изделия определенных свойств, «приходится точно придерживать определенных же условий термической обработки», в частности, относительно скорости охлаждения — иначе получается металл слишком хрупкий. Практика убедила заведующего сталелитейной мастерской ППЗ, что «при фабрикации ответственных изделий из хромоникелевой стали... в условиях не строго регулируемого заводского производства, особенно в странах (как наша Россия) со слабо развитой техникой (как в смысле оборудования, так особенно в смысле специализации и наблюдения за производством), нужно ожидать много брака»¹³¹. Ввиду отсутствия научно разработанной технологии качество металла и изделий было «непредсказуемо»; из-за недостатка познаний специалисты завода «не всегда могли регулировать ход металлургического процесса должным образом»¹³². Устранить «неправильность самой термической обработки» слитков не получалось, так что металлург А.Л. Бабошин уже в 1917 г. высказывался «против увлечения хромоникелевыми сортами стали» и предлагал «подумать о замене» ее, по возможности, «другими специальными сортами стали, не столь чувствительными к термической

¹²⁹ РГВИА. Ф. 510. Оп. 1. Д. 16. Л. 13–15.

¹³⁰ Там же. Ф. 369. Оп. 6. Д. 57. Л. 36–40 об.

¹³¹ Тыжнов В.И. Кремневосстановительный мартеновский процесс. Свердловск; М., 1936. С. 154–155, 157, 160, 188, 197.

¹³² Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал. С. 382—383. Автор распространяет эту характеристику на «всю мировую металлургию». Якобы и в Западной Европе «никто не мог объяснить причины» дефектов в крупных стальных отливках, а исправить положение с помощью «иконы с изображением святого угодника» умели только в России, на Урале.

обработке»¹³³. Однако если предпочесть углеродистую сталь, то окажется, что такая болванка закаливается «резко неравномерно» (в отличие от хромоникелевой)¹³⁴.

По свидетельству Тыжнова, единственного на ППЗ инженера-металлурга, добивавшегося перехода на хромоникелевую сталь, в 1908—1914 гг. постепенно удалось выработать технологию, позволявшую делать слитки весом сначала 15—18 кг, затем по 750 кг, пригодные для употребления «на поковки для высококачественных изделий». В 1914 г. Тыжнов не прекращал попытки убедить коллег отказаться от углеродистой стали, ссылаясь на полученное «в последнее время» разрешение применять в морских орудиях сталь с никелем и хромом, и предлагал «начать с хромистой стали, продолжить никелевой». Он доказывал, что при существующих на заводе «крайне несовершенных условиях обработки металла (ковка, отжиг, закалка)» нельзя ожидать удовлетворительных результатов¹³⁵. Но если плавку вести «правильно и точно по инструкции», то результат не будет «самым печальным» и удастся выплавить «доброкачественную хромоникелевую сталь»¹³⁶.

Борьба Тыжнова закончилась развитием конфликта, и он ушел с завода¹³⁷, а освободившееся место занял его помощник Г.Э. Бушман. Тот, наоборот, был убежден, что «никакие добавки никеля или хрома... дела не исправляют», это бесполезно; спасение — не в никеле и хrome, а в режиме термической обработки углеродистой стали. Так же и заведующий

¹³³ *Бабошин А.Л.* Металлография и термическая обработка железа, стали и чугуна. Ч. 3. Металлография специальных сортов (тройные и четверные сплавы). Пг., 1918. С. 505–506. Затруднения при термической обработке металла артиллерийская приемка наблюдала и на других заводах. На Макеевском они были связаны с «недостаточным однообразием химического состава» стали и отсутствием специального оборудования, невозможностью точно контролировать температуру печей: «Пока завод не построит специального оборудования для правильной термической обработки, до тех пор нельзя ожидать надежных результатов» (РГВИА. Ф. 510. Оп. 1. Д. 43. Л. 130–131).

¹³⁴ *Бабошин А.Л.* Металлография и термическая обработка железа, стали и чугуна. Ч. 3. Термическая обработка изделий из углеродистой стали. Л.; М., 1940. С. 71–72, 340.

¹³⁵ «Готовить их [трубы] валовым способом из углеродистой стали он [Тыжнов] отказывается, не желая вносить риск в производство» (ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 221. Л. 20–20 об., 26).

¹³⁶ *Тыжнов В.И.* Указ. соч. С. 154–155, 157, 160, 188, 197.

¹³⁷ После этого Тыжнов работал в Петрограде (РГВИА. Ф. 504. Оп. 6. Д. 16. Ч. 1. Л. 21), но в 1920-х гг. — снова на ППЗ (см.: *Шумкин Г.Н.* История на заводе «М» (к вопросу о состоянии военного производства на Урале накануне Первой мировой войны) // Седьмые Татищевские чтения. Екатеринбург. 2008. С. 568–570; *Пирожкова А.Н.* Я пытаюсь восстановить черты. Воспоминания. М.: АСТ, 2013. С. 103–104, 115, 116, 119).

орудийно-закалочной мастерской Н.А. Рябухин «не считал необходимым» использовать хромистую или никелевую сталь, а находил «вполне подходящей» «простую углеродистую»¹³⁸.

В любом случае для успеха требовались «тщательное ведение процесса», постоянное контролирование химического состава и термической обработки, чему препятствовало отсутствие у персонала навыков и стремления к систематической фиксации производственных процессов ведением журналов, записей, а металлографическая лаборатория, которой располагал Пермский завод к 1916 г., не «удовлетворяла современным требованиям техники». Такую лабораторию предполагалось создать в ходе подготовки работ по 16-дм артиллерии¹³⁹.

Разлад в среде технических руководителей дополнительно затруднял выявление причин провалов («заведывающие цехами по обыкновению сваливали и продолжают сваливать вину друг на друга»); заводское начальство скрывало от высших органов ведомства истинный масштаб развала¹⁴⁰. После того как оба артиллерийских ведомства ввели новые технические условия (делать всё из хромоникелевой стали; брать для испытания не продольные, «как было ранее» — «при более легких требованиях от металла», а поперечные пробы), сразу «встретились затруднения» даже при изготовлении привычных для ППЗ 6-дм морских и 3-дм полевых пушек. Нововведение «усилило заметно процент брака и задержало подготовку материала»¹⁴¹. Качество орудийной стали улучшилось со второй половины 1914 г., когда заведовать сталелитейной мастерской был поставлен вместо Бушмана, после еще ряда замен, специалист из Военного министерства Юркевич¹⁴².

¹³⁸ ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 221. Л. 21, 46 об.

¹³⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 339. Л. 59. Как видно из воспоминаний А.Н. Пирожковой, новую металлографическую лабораторию строили во второй половине 1920-х гг.

¹⁴⁰ ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 221. Л. 48–57 об.

¹⁴¹ Объяснительная записка по смете Горного департамента на 1915 год. Пг., 1914. С. 22; то же на 1916 год. Пг., 1915. С. 23.

¹⁴² Шумкин Г.Н. Состояние военного производства на Урале накануне Первой мировой войны. С. 65. Шумкин называет его полковником; в августе 1915 г. он подписал свое «Соображение о мобилизации Пермского завода» как «заведующий лафетным цехом ППЗ гв. капитан Юркевич» (РГВИА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 35. Л. 15 об.). В этом документе Юркевич, назначенный вместо отстраненного по требованию ГАУ А.О. Рейна (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78738. Л. 36), отмечал, что местные инженеры, «отставшие от техники, без инициативы, с угнетенной энергией», были «не заинтересованы» в усилении производства, так как это «влечет для них увеличение ответственности и труда» (л. 14 об.). Министр тоже жаловался, что его ведомство лишено возможности привлекать «лучших администраторов заводского дела» и «удерживать тех, заслути коих должны бы быть особо поощряемы» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 41. Л. 32 об.—

Состояние металлургии на ведомственных Обуховском и Пермском заводах делало неизбежным привлечение к сотрудничеству наиболее авторитетного производителя тяжелых артиллерийских систем, «Виккерса», не останавливаясь перед его трудными для казны условиями. По горделивому заявлению учредителей РАОАЗ, т.е. и самого «Виккерса», на 1913 г. «ни “Крезо”, ни “Шкода” не сделали до сих пор еще ни одной 14-дм пушки». Даже у «Круппа» орудия сверх калибра 12 дм еще «только в опытных стадиях», тогда как фирма «Виккерс» «не только выработала тип 14-дм орудия из хромоникелевой стали, но и сдала уже огромное число превосходных орудий этого калибра на действительную службу». Стволы в 13 дюймов и выше делать из углеродистой стали невозможно, а секрет хромоникелевой стали «принадлежит фирме “Виккерс”... Обуховский завод добивается сделать 14-дм орудие более двух лет, но, сколько известно, без особого успеха»¹⁴³.

В итоге при постройке завода в Царицыне роль «Виккерса» не свелась к обычному техническому содействию. Русское правительство приобрело право «командировать на заводы фирмы в Англии своих агентов (офицеров и инженеров, находящихся на действительной службе) для подробного ознакомления с фабрикацией орудий и положением техники орудийного дела на ее заводах»¹⁴⁴. По заключению правительственных экспертов, подытоживших в начале 1917 г. результат сотрудничества, Морское министерство воспользовалось разрешением чинам ведомства ознакомиться «с технического организацией заводов» фирмы, чтобы воспринять «весь громадный накопленный фирмой опыт в деле постройки и оборудования артиллерийских заводов»¹⁴⁵.

Заключенный с РАОАЗ в сентябре 1913 г. договор содержал также условие, что «все части орудий, кроме кожухов, должны быть приготовлены из хромоникелевой стали». «Виккерс» (в лице РАОАЗ) брал на себя

33; Объяснительная записка по смете Горного департамента на 1911 год. СПб., 1910. С. 30–31).

¹⁴³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 932 об.—933. Адмирал Г.Ф. Цывинский, побывавший в октябре 1911 г. на заводе в Крезе, наблюдал сверление стволов 14-дм пушек в 52 калибра (*Цывинский Г.Ф. 50 лет в Императорском флоте.* Рига, 1929. С. 293). Но не известны результаты этой работы. Во Франции признавали (заявление А. Тома 15 июля 1916 г. на заседании в Военном министерстве Великобритании), что английское производство тяжелых орудий «не могло бы быть сравниваемо с тем, что могла делать Франция при ее ограниченных средствах» (ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 608. Л. 108).

¹⁴⁴ «Виккерс» в России. С. 230, 234.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 264. Л. 207 об., 208, 210.

обязательство представить к 1 декабря 1913 г. «техническое описание всего хода отливки болванок хромоникелевой стали, их обработки и фабрикации скрепленных цилиндрами орудий». Договор устанавливал, что «всякое нововведение и усовершенствование в деле выделки орудий» на заводах фирмы должно быть применено на заводе в Царицыне, и она впредь будет «сообщать и передавать русскому правительству все по орудийному делу патенты» для использования на казенных заводах¹⁴⁶.

Строительство и оборудование Царицынского завода РАОАЗ к середине 1916 г. находилось в «высокой степени готовности», хотя полностью укомплектовать завод машинами не удалось. Как указывает С.Е. Виноградов, и там «вопрос о серийном изготовлении 14-дм и 16-дм морских орудий уже не стоял». На середину июля 1916 г. было закончено строительство ряда мастерских: большой орудийной (для орудий свыше 8 дм), средней артиллерии, закалочной, чугунно- и меднолитейной и др., заканчивалось сооружение зданий сталелитейной, прессовых и кузнечной мастерских. Некоторые отделы завода даже действовали. Но что касается большой орудийной, то там еще ожидалась доставка двух длинных токарных станков (взамен перехваченных турками), а главное — не хватало трех мощных прессов. Один из них, усилием в 2200 т, все же прибыл и к лету 1917 г. был установлен. Но сильнейший, мощностью в 6000 т, имел собственный вес в 1300 т, и в Архангельске не было подъемного механизма, чтобы выгрузить его, не было и железнодорожного пути нормальной колеи, пригодной для его доставки¹⁴⁷.

Из 36 14-дм орудий, заказанных «Виккерсу» для «измаилов», фирма изготовила в 1916—1917 гг. 24; в Россию были доставлены до октября 1917 г. не менее 10 стволов (первые пять — в сентябре 1916 г.)¹⁴⁸, и один из них был 22 августа н. ст. 1917 г. испытан на полигоне (успешно); это было орудие, спроектированное английскими специалистами по техническим заданиям русского ГУК¹⁴⁹.

14-дм пушки — не изготовленные Обуховским, Царицынским или Пермским заводом, а доставленные от «Виккерса» для недостро-

¹⁴⁶ «Виккерс» в России. Волгоград, 2012. С. 230, 234.

¹⁴⁷ Булатов В.В. Иностраный предпринимательский капитал в военной промышленности. С. 121–122, 127. Первоначально пресс был заказан в Австрии, «Шкоде», но с началом войны переказан в Англии.

¹⁴⁸ См.: Виноградов С.Е. Последние исполины. С. 108, 168; Он же. Британская компания «Виккерс». С. 78–79; Кузнецов Л.А. Почему не достроили линейные крейсера типа «Измаил» // Гангут. Вып. 1. Л., 1991. С. 67, 168; Он же. Линейные крейсера. С. 168; «Виккерс» в России. С. 151.

¹⁴⁹ См.: Виноградов С.Е. Последние исполины. С. 163, 165.

енного «Измаила» — в начале 1930-х гг. были использованы в крепости Владивосток¹⁵⁰. Журналист В.И. Брагин с «особым пиететом» пишет о 12-дм пушках русских линкоров и упоминает о 14-дм стволах «Виккерса». Поскольку Обуховский завод приспособился к выпуску 12-дм орудий (из углеродистой стали), Брагин полагает, что «русская промышленность сама обладала как творческой, так и производственной способностью, а также соответствующими кадрами рабочих для того, чтобы самостоятельно изготавливать самые мощные орудийные стволы». Если же и приходилось заказывать 14-дм пушки в Англии, то это «объясняется прежде всего чрезвычайно высокими темпами развития военно-морского флота России в начале прошлого века»¹⁵¹. Более того, вновь обнаруживается «недостаточная опытность британцев»: проявилось превосходство 14-дм орудий, «произведенных в России», по сравнению с подобными орудиями «Виккерса», предназначенными для русских кораблей. Пушки, представленные «Виккерсом» на приемку, имели существенные недостатки. «Примечательно, что у произведенных в России аналогичных орудий этого недостатка не наблюдалось»¹⁵². Что и не удивительно: наблюдались ли сами эти орудия?

Свой проект 16-дм (406,4 мм) пушки «Виккерс» переслал в Морское министерство 14 июня 1914 г., а 12 августа фирма приняла заказ на изготовление пока еще лишь опытного 16-дм орудия (срок — лето 1915 г.)¹⁵³, и, по сведениям С.Е. Виноградова, почти одновременно получил задание Обуховский завод (наряд 28 февраля 1914 г.). Опытный

¹⁵⁰ *Калинин В.И., Гаврилкин Н.В.* Роль морской железнодорожной артиллерии в береговой обороне Владивостока // *Российский флот на Тихом океане: история и современность.* Владивосток, 1996. Вып. 4. С. 58. Инженер-полковник Л.М. Левицкий «по служебным делам сам неоднократно бывал на тех батареях»; они были смонтированы на железнодорожных платформах и вооружены «356-мм орудиями главного калибра линейного крейсера «Измаил»» — одна на Тихом океане, другая на Балтике (письмо в редакцию журнала «Судостроение», 1985, № 10, с. 53). 14-дм орудия на фортах Ино и Красная Горка упоминал Г. Граф (*Граф Г.* Ответ Богданову // *Морские записки.* 1958. Т. 16. № 1(46). С. 9).

¹⁵¹ *Брагин В.И.* Пушки на рельсах. М., 2006. С. 250, 17. Энциклопедическая справка о заводе также выдержана в триумфальном духе: еще в конце XIX в. «успехи Обуховского сталелитейного завода в производстве орудий позволили отказаться от размещения заказов на их изготовление за границей» (*Советская военная энциклопедия.* Т. 5. М., 1978. С. 673).

¹⁵² *Виноградов С.Е.* Последние исполины. С. 383.

¹⁵³ *Булатов В.В.* «Виккерс» и оружие для России. Первая мировая война // *Стрежень.* 2001. Вып. 2. С. 225–226; «Виккерс» в России. С. 144–145, 259; РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 115. Л. 164 об.

образец пушки в августе 1917 г. в Англии прошел испытание 9-ю выстрелами, но в Россию ни одно такое орудие уже не попало¹⁵⁴.

Двадцать лет спустя идея о линкорах с 16-дм главным калибром возродилась, и завод «Баррикады» (бывший Царицынский РАОАЗ) изготовил опытный экземпляр пушки («артсистема МК-1»). Адмиралу Н.Г. Кузнецову показывали его во время полигонных испытаний. Оно так и осталось на морском полигоне: строительство кораблей и на этот раз было прекращено, а «серийное производство 406-мм орудий развернуто не было». Опытное же орудие послужило обороне Ленинграда, оно выпустило по противнику в 1941—1944 гг. в общей сложности 185 снарядов¹⁵⁵.

Освоение выпуска морских орудий калибром в 14—16 дм уперлось прежде всего в состояние производства металла в России — обладательнице, как утверждают, «самой современной сталелитейной промышленности в Европе»¹⁵⁶. Те затруднения, с которыми встретились Обуховский и Пермский заводы, были связаны прежде всего с неготовностью их изготавливать крупные болванки из хромоникелевой стали. Эта сторона процесса освоения нового изделия освещена в ряде исследований; выяснилось, что на протяжении 1910—1917 гг. три завода (Обуховский, Пермский, сооружаемый Царицынский) постепенно пополняли свои сталелитейные отделы все более мощным оборудованием. Однако для того, чтобы справиться с главными калибрами, нужно было не только изготавливать стальные отливки удовлетворительного качества, но затем еще подвергать болванки дальнейшим сложным операциям. Какие возможности существовали здесь, неясно, потому что заводам не довелось практически приступить к изготовлению стволов. Из-за неготовности сталелитейных отделов не было случая испытать пригодность будущих болванок, а равно и того оборудования, которое поступило для обработки их в закалочных, кузнечных, механических цехах.

Сама заводская администрация иногда не сразу улавливала сложность задач и оценивала дееспособность своих предприятий несколько беззаботно, обещая высшим инстанциям невыполнимое, указывая раз за разом нереальные сроки сдачи опытных образцов. В.И. Тыжнов свидетельствовал,

¹⁵⁴ Булатов В.В. «Виккерс» и оружие для России. С. 226; Корабль и море. Этапы эволюции. С. 220.

¹⁵⁵ Лукин В.Е. «Морское экспериментальное дальнобойное» // Цитадель. Вып. 17. СПб., 2010. С. 164–169.

¹⁵⁶ Milward A.S., Saul S.B. The development of the economies of continental Europe. 1850–1914. Cambridge, 1977. Цит. по: Предпринимательство и предприниматели России: от истоков до начала XX века. М., 1997. С. 127.

что встречались трудности и при выплавке, и при ковке, и при последующей механической обработке хромоникелевой стали. По словам А.Л. Бабошина, «все кузнецы знают, что никелехромистую сталь ковать труднее, чем углеродистую». Положение с механической обработкой поковок представлялось в ложном виде. Даже критически настроенный приемщик-артиллерист полагал в 1908 г., что если Пермский завод научится правильно готовить болванки, то «механическая отделка особых трудностей не представляет»¹⁵⁷.

Для исполнения заданий по морским мощным пушкам Пермского заводу, помимо усиления сталелитейного производства, потребовалось добавить закалочные и отжигательные печи. Нужен был еще пресс в 7 тыс. т — в дополнение к новому, пушенному в 1914 г., прессу в 3 тыс. т и старому, 30-летнему молоту в 50 т (размеры болванок для орудий свыше 14 дм «исключают возможность производства ковочных работ под существующим прессом в 3000 т»), особые станки для черновой механической обработки отливок, поковок и подготовки болванок¹⁵⁸. В Бюджетной комиссии при рассмотрении сметы по Пермскому заводу на 1914 г. товарищу министра Д.П. Коновалов сообщил депутатам Государственной думы, что «вопрос о калибре решен окончательно, оборудование будет делаться на 16 дм». Для этого потребуются деньги на «особые мощные прессы»; ведомство подаст соответствующий законопроект «в течение 1914 г., когда будет выяснен размер» ассигнования¹⁵⁹. Выяснение продолжалось до весны 1916 г., когда еще не был решен вопрос, где заказать ковочный пресс в 7 тыс. т: «может быть» — договориться с Николаевским судостроительным заводом, как полагал горный начальник Пермского завода И.Н. Темников¹⁶⁰ (5 мая он, однако, все же подал в Петроград запрос на 168 тыс. ф. ст. для приобретения этого прессы за границей¹⁶¹).

Но и получение столь мощного прессы еще не гарантировало успеха, о чем свидетельствовал опыт Обуховского завода с 14-дм пушками, и во всяком случае требовалось, по доставке его на ППЗ, не менее полутора лет на установку¹⁶².

¹⁵⁷ РГВИА. Ф. 510. Оп. 1. Д. 16. Л. 13–15.

¹⁵⁸ Там же. Ф. 369. Оп. 16. Д. 242. Л. 36, 18; РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 339. Л. 62 об.

¹⁵⁹ СОГД IV/2. ДБК. Т. 3. Доклад № 23 (с. 19) и стенограмма 13 марта 1914 г. С. 55.

¹⁶⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 339. Л. 70.

¹⁶¹ Там же. Ф. 37. Оп. 71. Д. 62. Л. 332 об.—333.

¹⁶² РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 575 об. Для того чтобы установить предыдущий пресс в 3 тыс. т, понадобилось около трех лет. «Переустройство здания кузнечно-молотовой фабрики путем замены деревянной конструкции железной», начатое в 1916 г., не закончилось к 1918 г. (ГА РФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 474. Л. 17).

Что же касается механических «крупно-орудийных станков», то действовавшие в токарном цехе три больших токарных станка «были приобретены еще в 1875 г. и вследствие непрерывной работы сильно изнашивались», плохо справлялись с «отделкой крупных машинных частей». В 1915 г. было решено установить новый большой токарно-винторезный станок; остальные же новые машины заводское начальство надеялось получить из Англии, Франции или Америки «после войны». Но межведомственное совещание весной 1916 г. единогласно «признало безусловную необходимость» разместить такие заказы безотлагательно¹⁶³.

Не удалась попытка привлечь к изготовлению хотя бы лафетов 14-дм артиллерийских систем Ижорский завод. 26 декабря 1916 г. ему было поручено проковать цилиндры компрессоров, накатники, а рассверлить их взялся Невский завод, «ранее не выполнявший указанную операцию на таких крупных изделиях». Но в январе 1917 г. выяснилось, что с поковками выйдет задержка¹⁶⁴.

В целом на 1917 г. изготовление крупнейших орудийных заготовок, частей пушек ни в одном случае не удалось довести до переходного производственного и даже провести проверку опытных экземпляров, поэтому удовлетворительность использованного материала (преодоление металлургических затруднений) не могла быть подтверждена практикой. В отсутствие металла, пригодного для изготовления гигантских орудийных стволов, Обуховский завод не мог использовать и свои ковочные прессы в 3000 и даже 7500 т¹⁶⁵. Сохранение нерешенных проблем в начальной, металлургической стадии производства не позволяет утверждать, что промышленность в какой-либо мере справилась с изготовлением орудий главного калибра линкоров и линейных крейсеров.

Существует представление, что мастерские пушечного отдела на Обуховском заводе уже в 1914 г. были «в основном приспособлены к сборке 16-дм орудий и свободно могли выполнить предусмотренные для Обуховского завода программы» — «при условии не очень значительных затрат на два токарных станка, могущих обрабатывать орудия весом до 115 т»¹⁶⁶. Фактически же и в 1917 г. при изготовлении ствола опытной 14-дм береговой пушки не удалось сделать кожух (из углеродистой стали), поскольку не хватало специального стана для механической обработ-

¹⁶³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 339. Л. 70–70 об., 72; Смета доходов и расходов Горного департамента на 1915 год. Пг., 1914. С. 100.

¹⁶⁴ Кузнецов Л.А. Линейные крейсера. С. 133–134.

¹⁶⁵ Михайлов В.С. Очерки по истории военной промышленности. С. 180.

¹⁶⁶ Виноградов С.Е. Обуховский сталелитейный завод. С. 107.

ки заготовки. По получении такого нового стана обработка кожуха (если качество металла не подведет) заняла бы три месяца. Другое затруднение заключалось летом 1917 г. в том, что «для поднимания готовой пушки не имеется соответственной силы крана»¹⁶⁷. (Электрический кран на заводе компании «Шнейдер» в Крезе поднимал 120 т¹⁶⁸.)

Подобные проблемы имели системный и общекультурный характер. Слабость металлургической промышленности¹⁶⁹ была первой, но лишь одной из ряда причин, заставлявших ведомства постоянно прибегать к зарубежным поставкам, когда требовались сложные изделия, изготовляемые на основе новейших технологий, такие как турбины линейных кораблей и эсминцев, дизельные моторы подводных лодок, авиационные и автомобильные двигатели.

Ни Обуховский, ни Пермский, ни Царицынский, ни тем более какой-либо иной завод в России к 1918 г. не дали флоту ни одного орудия калибром выше 12 дм¹⁷⁰. Всевозможные объяснения этого факта то «перегруженностью» заводов, якобы способных выпускать подобные изделия, то влиянием условий войны не получили конкретного обоснования. Утверждениям, что «в теоретическом осмыслении сталеплавильного процесса русские металлурги намного опередили западноевропейских и американских»¹⁷¹, противоречат факты. Заводы не владели технологией, не располагали подходящим мощным оборудованием — ни сталелитейным, ни ковочным, ни механическим. Потребность в нем была выяснена, признана, отражена в программах переоснащения; оно и началось, но было рассчитано на окончание не ранее 1918 г. — при условии исполнения поставок оборудования (главным образом союзниками, Антантой). К такому заключению приводит предпринятая в данной статье экспериментальная

¹⁶⁷ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 796. Л. 79.

¹⁶⁸ *Beaud C. De l'expansion internationale à la multinationale. Schneider en Russie (1896–1914) // Histoire, Economie, et Societe. 1985. № 4. P. 115.* Изготовить такой же силы кран для Пушечной мастерской Обуховского завода еще в 1913—1914 гг. взялся Брянский завод (РГА ВМФ. Ф. 441. Оп. 1. Д. 497. Л. 20–20 об.).

¹⁶⁹ *Попов А.М. Неудачный опыт освоения технологии серийного производства авиационных двигателей в России на примере московского завода французской фирмы «Гном и Рон»: 1912–1917 (Металлургический аспект) // ВИЕиТ. 2019. Т. 40. № 1.*

¹⁷⁰ Характерно, что в изготовлении не только артиллерии крупнейших калибров, но и мелких пушек заводы наталкивались на затруднения еще на стадии металлургического процесса: в феврале 1917 г. при заказе 37-мм траншейных пушек системы М.Ф. Розенберга обнаружилась «невозможность для частных заводов изготовления кованых стволов из специальной стали», согласие выразил только Пермский завод (РГВИА. Ф. 29. Оп. 6. Д. 154. Л. 932 об.—933).

¹⁷¹ *Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал. С. 266.*

попытка проверить на ограниченном предметном поле действенность методики, о которой в общей форме говорилось в другой статье¹⁷².

Что же касается орудий 12-дюймовых, в 52 калибра длиной, на которые с 1911 г. возлагались главные надежды, то, изготовленные из традиционной углеродистой стали, они могли делать только выстрелы намеренно пониженной мощности, не используя полные пороховые заряды, предусмотренные для новых снарядов их конструкцией. В отношении 12-дм стволов проявилась, таким образом, та же не преодоленная слабость металлургических средств, не приспособленных для работы с высокими сортами стали. В итоге ППЗ, как и Обуховский, не испытал того прилива технических сил, на какой рассчитывало правительство, отпустив ему десятков миллионов рублей: обстоятельства «не позволили приступить к масштабному выполнению намеченных тогда планов и проектов», использовать «потенциальные возможности для перевооружения уральской металлургии»¹⁷³.

Английские линейные крейсера, построенные по программе 1909—1911 гг., получили 13,5-дм и 14-дм пушки¹⁷⁴. Начиная с 1912—1913 гг. на первый план выдвигалось вооружение сверхдредноутов 15-дюймовыми орудиями — и у англичан, и у немцев, и в США, и в Японии¹⁷⁵. 28 августа 1914 г. германский крейсер «Coeln» был потоплен английской 13,5-дм артиллерией¹⁷⁶. В Ютландском сражении 31 мая — 1 июня 1916 г. английский флот располагал 48 орудиями в 15 дм, 10 — 14 дм и 110 — 13,5 дм. Немецкий линейный крейсер «Derfflinger» получил 15 попаданий 15-дм снарядами, «Seydlitz» — до 20 попаданий снарядами 13,5 — 14-дм калибра¹⁷⁷.

¹⁷² См.: Поликарпов В.В. Измерения экономического роста России в начале XX в. и проблема источников // Исторический вестник. 2020. Т. 32. С. 23–24.

¹⁷³ Гаврилов Д.В. Потерянная перспектива // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 58, 59.

¹⁷⁴ Кенпен П. Надводные корабли и их техника в войну 1914–1918 гг. М., 1937. С. 56; Козлов Д.Ю. «Странная война» в Черном море. М., 2009. С. 37, 41; Вооруженные силы России в Первой мировой войне. Т. 1. М., 2014. С. 376.

¹⁷⁵ Морской сборник. 1921. № 1–2. С. 32; Кенпен П. Указ. соч. С. 54, 137, 139; Sumida J.T. In Defence of Naval Supremacy: Finance, Technology, and British Naval Policy, 1889–1914. Boston, 1989. P. 161–162, 193, 260.

¹⁷⁶ Бенклевский [А.И.] Гельголандская операция // Зарубежный морской сборник. 1930. № 9. С. 61. Калибр 13,5 дм, которым были вооружены в 1912 г. 8 английских броненосных крейсеров, в 1913 г. «уже устарел» (Морской сборник. 1913. № 7. С. 199; № 11. С. 190–191).

¹⁷⁷ Эверс Г. Военное кораблестроение. Л.; М., 1935. С. 70; Шильдкнехт [Е.Н.]. Ютландский бой // Зарубежный морской сборник. 1930. № 10. С. 53–60; Флот в Первой мировой войне. Т. 2. М., 1964. С. 74.

При первых симптомах предвоенной лихорадки, встревоженный опасностью предстоящего нового военного разгрома, нововременский публицист, критикуя увлечения высшей власти и «общества» морской идеей, ссылаясь на остро пережитый опыт, показавший «нашу низкую техническую культуру». «Одновременно и создавать эту культуру, и строить дредноты и сверхдредноты, не отставая от соседей, мне кажется вещь несбыточной, — писал М.О. Меньшиков. — Почему эту задачу, которую мы не в силах были решить в течение 50 лет, с 1855 по 1905 год, — мы в состоянии решить теперь, когда уронили наш флот с третьего места в мире на восьмое...? Откуда это — с неба, что ли — явятся у нас добросовестные и энергичные хозяева, талантливые строители, огромные средства, нужные для создания того, что на Западе налаживалось долгими десятилетиями?»¹⁷⁸ Это «методологическое» соображение Меньшикова, несмотря на все неприглядные стороны его философии, нелишне иметь в виду, рассматривая конкретные обстоятельства сугубо практического характера, отразившиеся в источниках. Избежать противоречий и односторонних увлечений возможно только при осторожном извлечении прозаических фактических данных из-под нагромождения увлекательных замыслов и бюрократических планов.

---

¹⁷⁸ Меньшиков М. Осторожнее с миллиардами. IV // Новое время. 1912. 19 мая.

REFERENCES

1. *Alekseev V.V., Gavrilov D.V.* Metallurgiiia Urala s drevneishikh vremen do nashikh dnei [Metallurgy of the Urals since ancient times to ourdays]. M.: Nauka, 2008. 884 s.
2. *Amirkhanov L.I.* Artilleriia russkikh monitorov [Artillery of Russian monitors]. SPb.: Gangut, 1998. 31 s.
3. *Amirkhanov L.I.* Bashni dlia «Izmaila» [Turrets for «Izmail»] // Tsitadel' [Citadel]. 1995. № 1. S. 63–75.
4. *Baboshin A.L.* Metallogragiia i termicheskaia obrabotka zheleza, stali i chuguna. Ch. 3. Metallografiia spetsial'nykh sortov (troinye i chetvernye splavy) [Metallurgy and thermal treatment of iron, steel and cast-iron. Pt. 3. Metallography of special qualities alloys (3- and 4-component)]. Petrograd: Izdatel'stvo Metallurgicheskogo otdela Komiteta voenno-tekhnicheskoi pomoshchi, 1918. S. 327–529.
5. *Baboshin A.L.* Metallogragiia i termicheskaia obrabotka zheleza, stali i chuguna. Ch. 3. Termicheskaia obrabotka izdelii iz uglerodistoi stali [Metallurgy and thermal treatment of iron, steel and cast-iron. Pt. 3. Thermal treatment of products of carbonaceous steel]. L., M.: Gosudarstvennoe nauchno-tekhnicheskoe izdatel'stvo po chernoi i tsvetnoi metallurgii. 1940. 452 s.
6. *Beaud C.* De l'expansion internationale 'a la multinationale. Schneider en Russie (1896–1914) // Histoire, Economie, et Société. 1985. № 4. P. 575–602.
7. *Bovykin V.I.* Iz istorii proniknoveniia inostrannogo kapitala v Rossiuu («Permskoe delo») [A case of intrusion of foreign capital into Russia («The Perm' case»)] // Nauchnye doklady vysshei shkoly. Istoricheskie nauki [Scholarly papers of Higher education. Historical Sciences]. 1958. № 1. S. 66–73.
8. *Bragin V.I.* Puhski na rel'sakh [Cannons on the rails]. M.: Izdanie avtora. 2006. 468 s.
9. *Bulatov V.V.* «Vickers» i oruzhie dlia Rossii. Pervaia mirovaia voina [«Vickers» and weapons for Russia. WWI] // Strezhen'. 2001. Vyp. 2. S. 224–231.

10. *Bulatov V.V.* Inostrannyi predprinimatel'skii capital v voennoi promyshlennosti Rossii: «Gruppa Vickers» i Russkoe aktsionernoe obshchestvo artilleriiskikh zavodov (1912–1918 gg.). Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk [Foreign entrepreneurial capital in war industry of Russia: «The Vickers group» and The Russian joint-stock company of artillery works (1912–1918)]. Ph. D. Dissertation. Volgograd, 2000. 251 s.
11. *Chugreev N.N.* Gosudarstvennaia voennaia promyshlennost' Rossii v 1865–1917 gg. Na primere Motovilikhinskogo zavoda. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk [State war industry of Russia in 1865–1917. The case of Motovilikhinskii works]. Ph. D. Dissertation. 1997. 217 s.
12. *Davydova L.G.* Ispol'zovanie elektricheskoi energii v promyshlennosti Rossii [The use of electric energy in Russian industry]. M.: IIEiT, 1966. 196 s.
13. *Evers H.* Voennoe korablestroenie [Military shipbuilding]. L.; M.: ONTI NKTP, 1935. 524 s.
14. Flot v Pervoi mirovoi voine [Navy in the WWI]. T. 2. M.: Voenizdat, 1964. Vol. 2. 363 s.
15. *Gatrell P.* Government, industry and rearmament in Russia, 1900–1914. The last argument of Tsarism. Cambridge, 1994. 399 p.
16. *Gavrilov D.V.* Dissidentskaia «teoriia mnogoukladnosti»: ispytanie vremenem na dostovernost' i zhiznesposobnost' [The dissident «Theory of mnogoukladnost'»: the test of time for trustworthiness and vital capacity] // Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniia [The Urals industrial. The Bakunin conference]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Gumanitarnogo universiteta, 2003. S. 5–22.
17. *Gavrilov D.V.* Gornozavodskii Ural. XVII—XX vv. [The Urals of mining and metallurgy. The 17th — 20th centuries]. Ekaterinburg: UroRAN, 2005. 616 s.
18. *Gavrilov D.V.* Poteriannaia perspektiva [The lost perspective] // Ural v panorame XX veka [The Urals in the panoram of the 20th century]. Ekaterinburg: «CB-96», 2000. S. 48–88.
19. *Gusev S.A.* Razvitie sovetskoi elektrotekhnicheskoi promyshlennosti [The Development of Soviet electrotechnical industry]. M., L.: Energiia, 1964. 200 s.
20. *Kalinin V.I., Gavrilkin N.V.* Rol' morskoi zheleznodorozhnoi artillerii v beregovoi oborone Vladivostoka [The role of naval rails artillery in the coastal defence of Vladivostok] // Rossiiskii flot na Tikhom okeane:

- istoriia i sovremennost' [Russian Navy at the Pacific ocean: history and contemporaneity]. Vladivostok: Dal'nevostochnyi universitet. 1996. Vyp. 4. S. 101–163.
21. *Katorin Iu.F.* Monstry gladkostvol'noi artillerii [The Monsters of non-rifled artillery] // *Gangut*. Vyp. 58. 2010. S. 54–59.
  22. *Koltovskoi A.E.* Razvitie tipa lineinogo korablia nashego flota. Otdel'nyi ottisk iz «Sbornika Morskoi istoricheskoi komissii» [Development of the type of battleship of our navy. A separate reprint from «The Collection of the Naval historical commission»]. № 1. Pg., 1920. 76 s.
  23. *Köppen P.* Nadvodnye korabli i ikh tekhnika v voinu 1914–1918 gg. [Surface battle ships and their technics during the war of 1914–1918]. M.: Gosvoenizdat, 1937. 414 s.
  24. *Korabl' i more. Etapy evolutsii* [Battleship and sea. Stages of evolution]. SPb.: Izdatel'stvo fonda «Korablestroenie», 2005. 669 s.
  25. *Kozlov D.Iu.* «Strannaia voina» v Chernom more [«Strange war» in the Black Sea]. M.: Kvadriga, 2009. 220 s.
  26. *Kuznetsov L.A.* Lineinye kreisera tipa «Izmail». «Izmail», «Borodino», «Kinburn», «Navarin» [Battle cruisers type «Izmail». «Izmail», «Borodino», «Kinburn», «Navarin»]. M.: Iauza — Exmo — Gangut, 2013. 175 s.
  27. *Kuznetsov L.A.* Pochemu ne dostroili lineinye kreisery tipa «Izmail» [Why battle cruisers of the «Izmail» type were not finished] // *Gangut*. Vyp. 1. L., SP «Atus», 1991. S. 60–68.
  28. *Lukin V.E.* «Morskoe experimental'noe dal'noboinoe» [«Naval experimental long-range»] // *Tsitadel' [Citadel]*. SPb.: Ostrov. Vyp. 17. 2010. S. 161–176.
  29. *Lukin V.E.* Evgenii Alexandrovich Berkalov. Zhizn' i sud'ba artillerista [Evgenii Alexandrovich Berkalov. The life and fate of an artilleryman] // *Voina i oruzhie. Novye issledovaniia i materialy* [War and weapon. New studies and materials]. SPb.: VIMAIVSIVS. 2017. S. 171–182.
  30. *Mikhailov V.S.* Ocherki po istorii voennoi promyshlennosti [Outlines on the history of war industry] // *General V.S. Mikhailov (1875–1929). Documenty k biografii. Ocherki po istorii voennoi promyshlennosti* [General V.S. Mikhailov (1875–1929). Documents for a biography. Outlines on the history of war industry]. M.: ROSSPEN, 2007. 424 s.
  31. *Milward A.S., Saul S.B.* The development of the economies of continental Europe. 1850–1914. Harvard UP. 1977. 555 p.
  32. *Minkevich N.A.* Stal'. Stal'nye i chugunnye polufabricaty [Steel. Steel and cast-iron semi-finished products] M.; L.: GIZ, 1930. 836 s.

33. *Minkevich N.A.* Svoistva, teplovaia obrabotka i naznachenie stali i chuguna. Ch. 1–2 [Qualities, thermal treating and destination of steel and pig-iron. Pt. 1–2]. M.; L.; Sverdlovsk: Gosmetallurgizdat, 1934. 861 s.
34. *Myrtsymov A.F.* Sravnitel'nye svoistva martenovskoi stali i electrostali [Qualities of martin and electrical steel in comparison]. M.: Metallurgizdat, 1946. 99 s.
35. Ocherki istorii tekhniki v Rossii (1861–1917) [Essays on history of technics in Russia (1861–1917)] M.: AN SSSR, 1973. 404 s.
36. Oruzhie rossiiskogo flota [The weapons of Russian Navy]. SPb.: Sudostroenie, 1996. 279 s.
37. *Pokrovskii Iu.M.* Sidney Gilchrist Thomas (1850–1885) i znachenie tomasovskogo protsessa dlia metallurgii [Sidney Gilchrist Thomas (1850–1885) and the significance of the Thomas process for metallurgy] // Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki [Problems of history of natural sciences and technics]. 1960. Vyp. 10. S. 141–144.
38. *Popov A.M.* Neudachnyi opyt osvoeniia tekhnologii seriinogo proizvodstva aviatsionnykh dvigatelei v Rossii na primere moskovskogo zavoda frantsuzskoi firmy «Gnome i Rhone»: 1912–1917 (Metallurgicheskii aspekt) [A failed attempt at the assimilation of mass production technology for aircraft engines in Russia as exemplified by the Moscow plant of the French company «Gnome et Rhone»: 1912–1917 (The metallurgical aspect)] // Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki [Problems of history of natural sciences and technics]. 2019. Vol. 40. № 1. S. 38–60.
39. Predprinimatel'stvo i predprinimateli Rossii: ot istokov do nachala XX veka [Entrepreneurship and entrepreneurs of Russia: from the cradle to early 20th century]. M.: ROSSPEN, 1997. 344 s.
40. *Sharov P.V.* Vliianie ekonomiki na iskhod mirovoi voiny. 1914–1918 [Impact of economy on the outcome of world war. 1914–1918]. M.; L.: Gosizdat, 1928. 174 s.
41. *Shatsillo K.F.* Gosudarstvo i monopolii v voennoi promyshlennosti Rossii. Konets XIX v. — 1914 [State and monopolies in war industry of Russia. Late 19th century — 1914]. M.: Nauka, 1992. 270 s.
42. *Shumkin G.N.* Istoriia na zavode «M» (K voprosu o sostoianii voennogo proizvodstva na Urale nakanune Pervoi mirovoi voiny) [An event at the «M» works (On the condition of military production in the Urals on the eve of WWI)] // Sed'mye Tatishchevskie chteniia. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2008. S. 567–570.
43. *Shumkin G.N.* Sostoianie voennogo proizvodstva na Urale nakanune Pervoi mirovoi voiny [The condition of military production in the Urals

- on the eve of WWI] // Ural'skii istoricheskii vestnik [The Urals Historical Reporter]. 2014. № 1 (42). S. 59–68.
44. *Shumkin G.N.* Sozdanie broneboinoi beregovoi artillerii v seredine XIX veka [Creation of armour-piercing coast artillery in the 1800s] // Voennistoricheskii zhurnal [Military Historical Journal]. 2020. № 4. S. 33–40.
45. *Sumida J.T.* In Defence of Naval Supremacy: Finance, Technology, and British Naval Policy, 1889–1914. Boston: Unwin Hyman, 1989. 377 p.
46. *Tkachenko V.F.* Fort «Ino». Stroitel'stvo. Sluzhba. Unichtozhenie [Fort «Ino». Building. Service. Annihilation]. SPb.: Ostrov, 2009. 143 s.
47. *Tsvetkov I.F.* Linkor «Oktiabr'skaia revoliutsiia» [Battleship «Oktiabr'skaia revoliutsiia»]. L.: Sudostroenie, 1983. 240 s.
48. *Tyzhnov V.I.* Kremnevostanovitel'nyi martenovskii process [The martin process of silicic regeneration]. Sverdlovsk; M.: Ob'edinennoe nauchnotekhnicheskoe izdatel'stvo, 1936. 246 s.
49. *Vinogradov S.E.* Britanskaia kompaniia «Vickers» i proizvodstvo 14-dm orudii dlia Rossii v 1914–1916 gg. [British Co «Vickers» and the production of 14-inch cannons for Russia, 1914–1916] // Voprosy istorii [Problems of History]. 2018. № 11. S. 70–84.
50. *Vinogradov S.E.* Lineinyi korabl' «Imperatritsa Mariia». Istoriia sozdaniia. Proektirovanie. Postroika. Opisaniie konstruksii. Boevaia sluzhba [Battleship «Imperatritsa Mariia». A history of making. Designing. Building. Discussion of construction. Engagements]. SPb.: Korabli i srazheniia, 2002. 116 s.
51. *Vinogradov S.E.* Lineinyi korabl' «Imperatritsa Mariia». Legenda dlinoi v stoletie [The battleship «Queen Mary». A century-long legend]. M.: Piatyi Rim, 2017. 304 s.
52. *Vinogradov S.E.* Obukhovskii staleliteinyi zavod v programme stroitel'stva drednoutov v Rossii, 1907–1917: Problemy i opyt modernizatsii [The Obukhov steel-making works in the programs of building dreadnoughts in Russia, 1907–1917. Problems and the experience of modernization] // Klio. 2012. № 2 (62). S. 105–109.
53. *Vinogradov S.E.* Permskii orudiinyi zavod v planakh proizvodstva krupnokalibernoii morskoi artillerii nakanune i vo vremia Pervoi mirovoi voiny [The Perm' Cannon Works in the plans of production of big naval artillery on the eve and during WWI] // Voprosy istorii [Problems of History]. 2019. № 12 (1). S. 119–135.
54. *Vinogradov S.E.* Poslednie ispoliny rossiiskogo imperatorskogo flota. Lineinye korabli s 16-dm artilleriei v programmakh razvitiia flota 1914–1917 gg. [The last giants of the Russian Imperial navy. The battleships with

- 16-inch caliber artillery in the programs of navy development 1914–1917]. SPb.: Galea Print, 1999. 408 s.
55. Voennaia promyshlennost' Rossii v nachale XX veka (1900–1917). T. 1 [War industry of Russia at the start of the 20th century (1900–1917). Vol. 1]. M.: Novyi khronograph, 2004. 832 s.
56. Vooruzhennyye sily Rossii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917). T. 1. [Military forces of Russia in WWI (1914–1917). Vol. 1]. M.: Megapolis, 2014. 743 s.

Ключевые слова:

дредноуты, Морской технический комитет, Морской генеральный штаб, морская артиллерия, металлургия, хромоникелевая сталь, Обуховский сталелитейный завод, Пермский (Мотовилихинский) пушечный завод, Царицынский завод, «Армстронг», «Виккерс», «Шнейдер-Крезо», «Крупп», А.Ф. Бринк, И.К. Григорович, В.И. Тыжнов

Vladimir V. Polikarpov

FINAL INCHES: TSAR NICHOLAS II AND CANNONRY (BATTERY) FOR DREADNOUGHTS

n the eve of the First World War the battleship was the most powerful type of warship.

During the late 19th and early 20th centuries, battleships were a symbol of naval dominance and national might. Construction of a battleship required top scientific and industry resources. Thus the navy-force level assessment is a perfect objective criterion for comparative evaluation of cultural and economic development of Russia, its allies and enemies.

In the beginning of the XX c. attempts were made to install production of long range naval guns — 12-inch, 14-inch and 16-inch — in the Motovilikhinskiye Zavod, based in the city of Perm (Ural), the Obukhov State Plant in St. Petersburg and the Tsarytsin plant on the Volga river. According to the sources (which show information contrary to past beliefs), up to the end of the WWI none of the plants mentioned above could produce arms larger then 12-inch caliber. Thus, the 12-inch navel guns produced by Obukhov State Plant had weak tubing results in a firearm, and the arms couldn't use the newest war heads.

The reasons for the backlog were the archaic staging of the steelwork, ignorance of the intricacies of technology, and weakness of equipment. Without knowing how to make suitable bars, it was also impossible to experience the degree of suitability of machines and mechanisms designed for further operations.

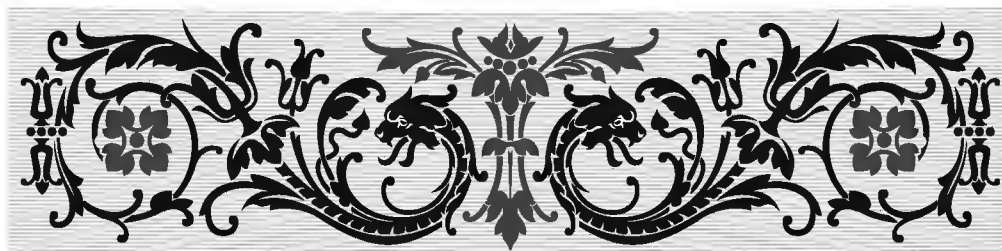
Exiting reports from administration about successful tuning of the production process, lead to contradictions in the historical overview of the problem; it is sometimes difficult to separate the factual reality from plans and programs made.

Key words: Dreadnoughts, Naval Technical Activities Committee, Naval General Staff, Naval Artillery, Metallurgy, Chromium-Nickel Steel, Obukhov State Plant, «Vickers», «Armstrong», «Schneider-Creusot», «Krupp», Antoni Brynk, Ivan Grigorovich, Vsevolod Tyzhnov.

Vladimir V. Polikarpov — Ph.D. in History, Member of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History.

 Поликарпов Владимир Васильевич

кандидат исторических наук, член Бюро Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории

DOI: 10.35549/HR.2021.2020.34.003

А.В. Венков

ДВА АРЕСТА ХАРЛАМПИЯ ЕРМАКОВА — ПРОТОТИПА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РОМАНА «ТИХИЙ ДОН»*

современной российской историографии утвердилась точка зрения, что в первой половине 1920-х гг. представители советской власти на Дону, имея опыт первых дней Гражданской войны (в течение 1918 г. лишь 4 донских казачьих полка находились в рядах Красной армии, а 98 таких же полков создали белую Донскую армию), опасались трогать казаков и проводить откровенно антиказачью репрессивную политику. Репрессивные меры носили тогда форму возмездия за уничтожение белыми казаками красных казаков. В этом проявлялась политика расслоения, раскола казачества, проводимая большевиками в казачьих регионах все время Гражданской войны и первые годы после нее.

В 1990-е гг. основное внимание исследователей было направлено на сбор материалов и публикации по антиказачьей политике большевиков, по проблемам террористического расказачивания и подсчету потерь казаков в ходе Гражданской войны. С начала XXI в. в ходе на-

---

* Статья написана по теме гранта РФФИ 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII — начале XXI в.: история, демография, антропология».

учных конференций больше внимания обращается на рассказывание и социокультурные трансформации казачества в конце XIX — начале XXI в., на социальное противостояние и его проявление на Юге России в XX — начале XXI в. и роль в нем казачества, на роль казачества России в бунтах, смутах и революциях¹. В процессе научного поиска обнаруживаются новые данные, которые позволяют существенно изменить представления относительно казачьей политики советского государства, новые данные, которые позволяют сделать определенные выводы.

Идеальным поводом для преследования уцелевших после Гражданской войны бывших белых казаков и вернувшихся эмигрантов служило уничтожение восставшими белыми казаками «Подтелковской экспедиции», которую совершил в мае 1918 г. глава правительства Донской советской республики Федор Подтелков на север Дона с целью провести там мобилизацию против приближающихся к границам Дона германских войск и восставших и осадивших Новочеркасск казаков южных («низовых») округов. Подтелков надеялся, что казаки северных («верхних») округов поддержат советскую власть. Для проведения мобилизации он вез с собою большую сумму денег, а для охраны ее взял казаков Каменской местной команды (Каменская как окружная станция имела такую военную команду). Вступив на территорию недавно созданного Верхне-Донского округа, «Подтелковская экспедиция» была окружена и разоружена восставшими казаками, Подтелков и его ближайший сподвижник М.В. Кривошлыков были повешены, а казаки Каменской местной команды — расстреляны. В местные команды обычно набирались бедные безлошадные казаки. Возможно, казаки Каменской команды сочувствовали большевикам, но вряд ли успели активно побороться за советскую власть и нанести какой-то вред антибольшевистски настроенному казачеству. Поэтому их расстрел активно пропагандировался большевиками как проявление белого террора, как проявление братоубийственной войны, начатой белыми.

И начало репрессивной политики, которую большевистские органы стали проводить на Дону весной 1919 г. и которая вызвала ши-

¹ Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года). Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 4–5 октября 2017 г. Ростов н/Д., 2017; Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX — начале XXI в. К 100-летию начала Гражданской войны и образования Донской республики. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов н/Д., 2018; Казачество в конце XIX — начале XXI в.: рассказывание и социокультурные трансформации. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 27–28 июня 2019 г.). Ростов н/Д., 2019.

роко распространившееся Верхне-Донское (Вёшенское) восстание, было оформлено именно как возмездие за «Подтелковскую экспедицию».

Хорошо известное в отечественной историографии циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП(б) об отношении к казачеству (которое до сих пор почему-то называют «Директивой о расказачивании», хотя правильнее, на мой взгляд, определить этот документ как перенесение на Дон политики красного террора) было разработано 24 января 1919 г. Получив его, Реввоенсовет Южного фронта 8 февраля 1919 г. составил и разослал на места свою инструкцию по проведению в жизнь положений указанного письма. И только 6 марта РВС Южного фронта отдал приказ № 333, по которому Вёшенский ревтрибунал обязывался провести расследование обстоятельств гибели «Подтелковской экспедиции» и всех причастных к злодеянию предать «беспощадному революционному суду»². Расстрелы длились 3 дня, в ответ на них вспыхнуло казачье восстание, оказавшее серьезное воздействие на весь ход военных действий на юге России в 1919 г.

После окончания Гражданской войны Верхний Дон оставался «головной болью» для Донского областного отдела ГПУ. Именно здесь дважды за Гражданскую войну вспыхивало восстание с роковыми для советской власти последствиями. Первый раз восставшие верхнедонцы обезглавили Донскую советскую республику, казнив председателя Донского СНК и одного из наркомов. Второй раз верхнедонские повстанцы сорвали зимнее и весеннее наступление Южного фронта красных в 1919 г. Глава ВЦИК М.И. Калинин считал этот округ наиболее контрреволюционным на Дону³.

Пытаясь держать под контролем верхнедонских казаков и пресечь любые попытки новых выступлений, большевики в июне 1923 г. привлекли к уголовной ответственности уцелевших участников тех событий — Семена Волоцкова, Венедикта Голубева, Харлампия Ермакова, Ивана Кострыкина, Василия Попова, Михаила Попова, Афанасия Струкова. Двое — Ермаков и Струков — обвинялись в руководстве восстанием 1919 г., остальные — в восстании 1918 г. и уничтожении экспедиции Подтелкова и Кривошлыкова⁴.

² Венков А.В. Политика расказачивания: попытка геноцида или стратоцида?// Казачество в конце XIX — начале XXI в.: расказачивание и социокультурные трансформации. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов н/Д., 2019. С. 123.

³ Калинин М.И. На Дону и на Кубани // Избранные произведения. Т.1. М., 1960. С. 228.

⁴ Архив Управления ФСБ по Ростовской области (УФСБ РО). Д. П-51724.

Х.В. Ермаков. 1916 г.

Один из перечисленных казаков, Харлампий Васильевич Ермаков, стал прототипом Григория Мелехова, главного персонажа романа «Тихий Дон».

Харлампий Васильевич Ермаков, расстрелянный по приговору Коллегии ОГПУ в 1927 г., был в 1989 г. реабилитирован Ростовским областным судом. В 1990 г. журналистка О. Никитина опубликовала выдержки из его уголовного дела, касающиеся его биографии.

Поскольку реабилитация была при советской власти, она означала, что человек ни в чем перед советской властью не виноват. В том же ключе — «перед советской властью невиновен» — осветил биографию Ермакова советский историк казачества А.И. Козлов в своей книге, написанной «по архивам ФСБ»⁵. Эта биография Ермакова основана на послужном списке, составленном самим Ермаковым и изъятом у него при аресте, и на показаниях свидетелей, хранящихся в его судебном деле. Очевидно, что Ермаков, будучи под следствием, свою биографию описывал в выгодном для себя свете. Кто-то из свидетелей «топил» его, кто-то, наоборот, выгораживал. Материалы из других архивов свиде-

⁵ Козлов А.И. М.А. Шолохов: времена и творчество. По архивам ФСБ. Ростов н/Д., 2005.

тельствуют, что биография Ермакова значительно отличается и от образа, который складывается при изучении материалов из архивов ФСБ, и от биографии литературного героя Григория Мелехова.

Вопреки устоявшейся легенде, у Ермакова не было примеси турецкой или черкесской крови, зато была примесь цыганской⁶. Он происходил из бедной семьи и после рождения был отдан «в дети» в семью казака Солдатова, проживавшую на другой стороне Дона, но в пределах той же станицы.

Во время Первой мировой войны Ермаков стал полным георгиевским кавалером.

Во время Великой российской революции 1917 г. он был избран от станицы на Большой Войсковой круг, вместе с известным авантюристом войсковым старшиной Н.М. Голубевым входил в Областной военный комитет и вместе с Голубевым в январе 1918 г. участвовал в казачьих частях Донского революционного комитета (Донревкома, возглавляемого Ф. Подтелковым) в боях против войск Донского войскового атамана, генерала А.М. Каледина, в которых был ранен.

После ранения Ермаков стал председателем Вёшенского станичного Совета и был одним из инициаторов антибольшевистского переворота в Верхне-Донском округе 16–20 апреля 1918 г. Описывая переворот, белая печать отмечала: «Здесь станичный атаман Лиховидов... вместе с есаулом Каргиным и урядником Ермаковым первым сплотил казачью силу против подлого врага»⁷. Из председателей станичного Совета Ермаков превратился в станичного атамана и являлся таковым до 14 мая 1918 г.

Во время наступления Южного фронта красных зимой 1918/19 г. Донской атаман генерал П.Н. Краснов в сопровождении офицеров союзных войск выезжал на север области с агитационной целью и выяснить положение. На одной из встреч Краснова и делегацию союзников в январе 1919 г. приветствовали атаман Каргинской станицы Лиховидов и вахмистр Ермаков⁸. Тогда же Краснов отдал приказ произвести в хорунжие всех казаков — полных георгиевских кавалеров⁹. С этого времени Ермаков проходит по ряду документов как хорунжий.

⁶ Сидорченко А. Москва — Кремль — Путину. СПб., 2004. С. 140.

⁷ Митропольский Ив. На Северном фронте // Часовой (Новочеркасск). 1919. 16 января.

⁸ Там же. 17 января.

⁹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 100. Оп. 3. Д. 331. Л. 265.

Он участвовал в Вёшенском восстании, занимал высокий пост начальника 1-й Верхне-Донской повстанческой дивизии¹⁰. После соединения повстанцев с белыми Ермаков служил в рядах 20-го Вёшенского конного полка в должности помощника командира полка по строевой части и к концу 1919 г. имел чин есаула.

16 марта 1920 г. Ермаков под Георгио-Афипской перешел к красно-зеленым, оттуда 28 марта — собственно к красным. Сначала он попал в 3-й Донской кавполк 21-й стрелковой дивизии, где стал командиром эскадрона. 6 апреля части, сформированные из пленных казаков, выступили на польский фронт, но попутно были переформированы, и Ермаков попал в 80-й полк 14-й кавдивизии 1-й Конной армии, где с 20 апреля занял должность помощника командира эскадрона.

В Красной армии Ермаков сделал вполне успешную карьеру. Стал командиром эскадрона, командиром полка, помощником командира бригады, а с 19 мая 1922 г. стал начальником дивизионной школы 14-й кавалерийской дивизии¹¹.

В 1922 г. началась демобилизация. «Бывших белых» увольняли из армии в первую очередь и особым приказом обязали после демобилизации ехать к себе на родину и там встать на учет в военкоматах и органах ВЧК.

Ермаков сопротивлялся, требовал снять его с учета «бывших белых». С.М. Будённый, в то время член РВС и заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом, хотел оставить его в армии, 3 декабря 1922 г. разрешил отсрочить увольнение на месяц, а затем вновь возбудить ходатайство об оставлении в рядах армии¹². Но политотдел Северо-Кавказского военного округа настоял на обратном.

В послужном списке Ермаков записал, что 5 января 1923 г. он был уволен из армии в бессрочный отпуск как бывший белый офицер. Ровно месяц добирался до дома и через две с половиной недели, по возвращении, 23 февраля 1923 г., был арестован органами ГПУ.

Вместе с ним были арестованы участники и Вёшенского восстания, и расстрела Подтелковской экспедиции. Следствие и судебные разбирательства длились более двух лет.

В архиве УФСБ по Ростовской области хранится дело П-51724 Попова Михаила Степановича и других, начатое 10 июля 1924 г. и закон-

¹⁰ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 55. Л. 245.

¹¹ РГВА. Ф. 7704. Оп. 2. Д. 728. Л. 47.

¹² Там же. Л. 41 об.

ченное 13–14 мая 1925 г. Из этого дела явствует, что существовало еще одно дело — Харлампия Ермакова, Михаила Попова, Семена Волоцкова и других, которое 2 мая 1924 г. Донским областным судом было отправлено на доследование из-за неявки свидетелей и неправильного содержания дела¹³.

Судя по материалам, хранящимся в деле, видно, что помощник прокурора Донской области П.К. Башенков 7 сентября 1923 г. вынес обвинительное заключение по обвинению в ряде контрреволюционных преступлений 12 человек: Волоцкова Семена Зотовича, Голубева Венедикта Васильевича, Ермакова Харлампия Васильевича, Каргина Григория Яковлевича, Каргина Дмитрия Яковлевича, Каргина Михаила Климовича, Каргина Сергея Васильевича, Кострыкина Ивана Никифоровича, Попова Василия Ивановича, Попова Михаила Степановича, Струкова Афанасия Семеновича, Фомина Даниила Павловича. Из обвиняемых 9 человек были казаками Каргинской станицы, 2 — Боковской и 1 (Ермаков) — Вёшенской.

В пространной преамбуле помощник прокурора написал, что «в 1918–1919 гг. в исторические дни великой страны рабоче-крестьянского класса России, в дни, когда она на развалинах империалистического строя решила создать новый мир, свою Трудовую республику. В эти дни все, что было черного, реакционного ополчилось против восставших пролетариев, “против взбунтовавшегося раба”. Началась длительная и упорная борьба». И далее Башенков описал свое видение Гражданской войны на Дону и роль в этом «Подтелковской экспедиции». Часть привлеченных казаков — В.В. Голубев, И.Н. Кострыкин, В.И. Попов, М.С. Попов — обвинялась в том, что принимала участие в разоружении и казни подтелковцев. Ермаков обвинялся в организации контрреволюционного восстания в 1919 г., а все остальные в том, что расправлялись во время восстания с красноармейцами и их родственниками. Помощник прокурора постановил предать суду первых четверых по статьям 58 и 64 УК (участие в контрреволюционных выступлениях и в террористических актах), Ермакова и Струкова по статье 58 (участие в контрреволюционных выступлениях) и всех остальных по статье 60 УК (участие в организации, действующей в целях совершения преступлений).

Дело было передано в Донской областной суд, 12 января 1924 г. старший следователь суда Е. Стеклер написал постановление о привле-

¹³ Архив Управления ФСБ по Ростовской области (УФСБ РО). Д. П-51724. Л. 1.

чении в качестве обвиняемых уже известных нам лиц. Стеклер в преамбуле слово в слово повторил слова помощника прокурора о «рядовом казаке Подтелкове и молодом казачьем офицере Кривошлыкове», «которые, задавшись целью во что бы то ни стало укрепить власть Советов на Дону», отправились в поход и были разоружены и казнены. И так же, слово в слово, Стеклер повторил мнение помощника прокурора о Ермакове: «Далее установлено — в 1919 году в момент перехода Красной армии в наступление, когда перевес в борьбе клонился на сторону войск Советской России, в районе ст. Вёшенской в тылу Красной армии вспыхнуло восстание, во главе которого стоял есаул Ермаков Харлампий, к коему присоединились активные контрреволюционные деятели, начавшие под благосклонным руководством своего командира с небывалой жестокостью расправляться с представителями советской власти и даже просто сочувствующими таковой». Таким образом советская власть на Дону была свергнута. «Есаул же Ермаков начальствование передал генералу Секретеву, ставленнику Деникина, и все вместе влились в ряды белой армии»¹⁴.

Ермаков и еще один подследственный, Струков, бывший во время восстания председателем Военного совета в своей станице, обвинялись «в организации контрреволюционного восстания с целью захвата в северных округах Донской области власти Советов, то есть в преступлении, предусмотренном 58 ст. УК»¹⁵.

Протоколов допроса Ермакова в деле нет. Струков признался, что бил двух человек, у одного нашел краденые вещи, а гражданку Балашову «ударил по приказанию ее мужа»¹⁶.

При отправке дела на доследование отмечалось, что «в деле имеется в качестве доказательства книга о днях революции Френкеля, и следователь ссылается на эту книгу, как достоверный источник», хотя «материал ее не проверен следствием»¹⁷. Имелась в виду книга А.А. Френкеля «Орлы революции», изданная в 1920 г. в г. Ростове-на-Дону.

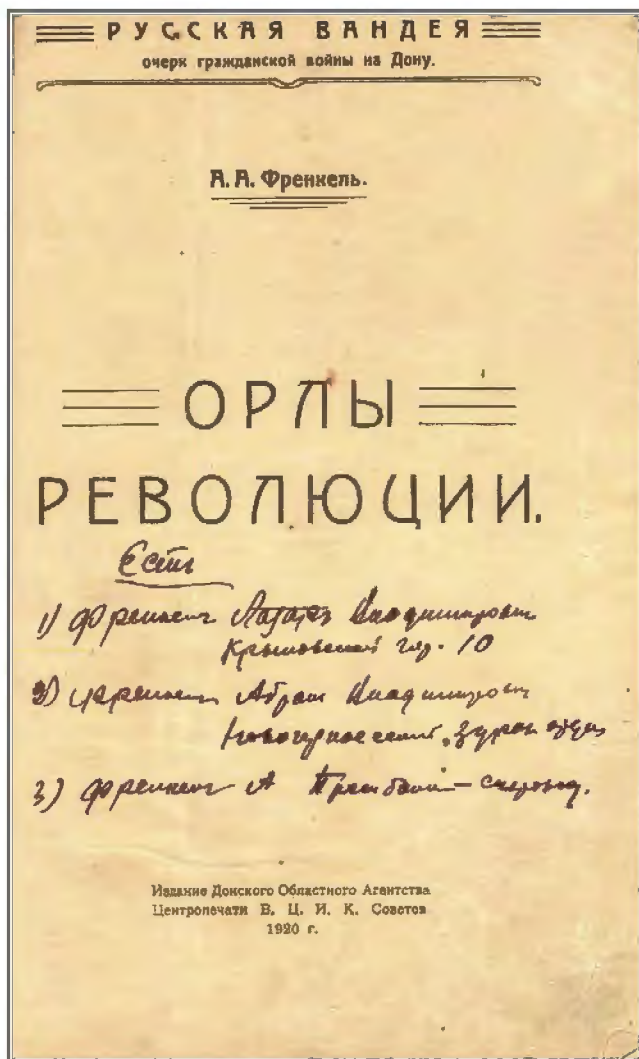
Ее автор — Арон Абрамович Френкель, студент Донского университета (Ростов-на-Дону), с декабря 1918 г. член Донского областного революционного комитета и редактор газеты «Наше знамя», с августа 1918 г. по июль 1919 г. член Донского бюро РКП(б), организации, ве-

¹⁴ Там же. Л. 48.

¹⁵ Там же. Л. 58 об.

¹⁶ Там же. Л. 29.

¹⁷ Там же. Л. 52 об.

Обложка книги А.А. Френкеля «Орлы революции», хранящейся
в деле П-51724 Архива УФСБ РО.

На обложке от руки написаны предполагаемые авторы

давшей подпольной и разведывательной работой в тылу у белых казаков, но взявшей на себя функции организации советской власти на занимаемой советскими войсками донской территории. Затем Френкель последовательно занимал должности начальника Политического отдела в четырех советских дивизиях — 13, 15, 40-й и 42-й. Френкель хорошо знал Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлякова.

Судя по надписям на обложке, следовательно не знал, кто такой А.А. Френкель, и составил свой список известных ему Френкелей: Френкель Лазарь Владимирович, Френкель Абрам Владимирович, Френкель А. с их адресами и должностями — Новочеркасский здравотдел, счетовод...

После того как дело отправили на исследование, Х.В. Ермаков 8 июля 1924 г. был освобожден под поручительство¹⁸.

Освобождение было следствием ряда ходатайств. К тому времени территория Донской области довольно сильно опустела, казачество в ходе Гражданской войны понесло огромные потери, многие казаки эмигрировали, свидетелей рубки пленных и других страшных дел у суда под рукой не было. Уцелевшие (в том числе и комсомольцы) писали ходатайства: Ермаков не виновен. Вина за подготовку восстания перекадывалась на его старшего брата Емельяна, погибшего в июне 1919 г. Тот действительно во время восстания был заместителем председателя Окружного Совета повстанцев¹⁹.

10 июля 1924 г. из отправленного на исследование дела было выделено особое производство на Семена Волоцкого, Венедикта Голубева, Ивана Кострыкина и Михаила Попова (дело П-51724). В него собрали материал на казаков, которые, по показаниям свидетелей, участвовали в казни Подтелкова и его товарищей. Это дело, видимо, считали более перспективным и надеялись довести до суда.

13 августа 1924 г. подсудимые подали заявление, что находятся под следствием уже 14 месяцев²⁰. Однако следствие продолжилось.

Один из подсудимых, Михаил Попов, оказался братом руководителя повстанцев, есаула Александра Степановича Попова, был членом полевого суда. Свое членство описал так: «Я был в х. Пономарева, и прислали за мной казака. Когда я пришел, меня избрали членом полевого суда и дали подписать мне приговор на 76 человек, и я подписал его»²¹. Позже он добавил: «Подписывали все, как президиум, так и понятия, в том числе и я»²². Сам он в расстрелах не участвовал; «видел, как расстреливали, потом послан снять оцепление»²³. В восстании 1919 г. он не участвовал, был в это время в рядах Донской армии за Донцом. В 1920 г. перешел к красным, на польском фронте попал в плен, возвратился домой в 1922 г.

¹⁸ Там же. Л. 112.

¹⁹ Венков А.В., Зубков В.Н. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Вып. 2. Ростов н/Д., 2015. С. 318.

²⁰ Архив УФСБ РО. Д. П-51724. Л. 112.

²¹ Там же. Л. 3 об.

²² Там же. Л. 27 об.

²³ Там же. Л. 3 об.

Семен Волоцков (потерявший во время Гражданской войны правую ногу) ни в чем не сознался, утверждал, что членом полевого суда над Подтелковым был его однофамилец Самсон Волоцков²⁴.

Бывший вахмистр Венедикт Голубев был привлечен, так как один из свидетелей якобы видел его в кожаной фуражке, которую до казни носил Подтелков. Голубев признался, что присутствовал при расстреле первой партии осужденных, но сам не стрелял. А что касается фуражки, то он заявил, что перед смертью Подтелков был в рубашке суконной защитного цвета, черных суконных штанах и фуражке защитного цвета, а Кривошлыков в защитной фуражке и шинели «русского цвета»²⁵. То есть Подтелков кожаной фуражки не носил.

Кострыкин Иван Никифорович доказал, что во время расстрела экспедиции Подтелкова находился в 10 верстах от места событий, с разездом следил за движением по большой дороге²⁶. У него нашелся свидетель — Кривошлыков Петр Федорович, родственник повешенного Кривошлыкова. Тот был мобилизован «против Подтелкова» в станице Краснокутской вахмистром Кумовым. По дороге в хутор Пономарев, к месту казни, в хуторе Алексеевском он видел Кострыкина без формы. Сам П.Ф. Кривошлыков при казни присутствовал. «В силу родства я не вытерпел, подошел к тов. Кривошлыкову, схватился с ним прощаться, и оба заплакали»²⁷.

В 1925 г. дело, по которому привлекался Ермаков, прекратили «по целесообразности» и «за давностью его преступления»²⁸. Большую роль в этом сыграли «зигзаги» внутренней политики, заигрывание власти с казачеством, лозунг «лицом к станице».

Из других подследственных большинство тоже были освобождены 13–14 мая 1925 г. Лишь Кострыкин получил 5 лет условно. И это понятно — на фоне урядников и вахмистров, проходивших по его делу, он Гражданскую войну закончил войсковым старшиной (подполковником).

При этом следствие нарушило все временные нормы, но без вины, вернее, не найдя доказательств вины, суд никого не наказал. Расправы по классовому принципу здесь не наблюдается. Предвзятое отношение к бывшему белому офицеру проявилось лишь в условном сроке.

²⁴ Там же. Л. 28.

²⁵ Там же. Л. 36 об.

²⁶ Там же. Л. 35 об.

²⁷ Там же. Л. 129 об.

²⁸ Козлов А.И. Указ. соч. С. 122.

Однако после 1925 г. суды подобной мягкости не проявляли. Ситуация на Дону да и в целом в Северо-Кавказском крае к 1927 г. усложнилась. Политика государства «лицом к деревне» и «лицом к станице», проводимая в середине 1920-х гг., была понята некоторыми слоями сельского населения как признак слабости советской власти, признак заигрывания с крестьянами и казаками. И казаки, профессиональные воины, немедленно перешли в наступление.

В некоторых станицах края, не только на Дону, но и на Кубани, организовывались нелегальные группы хлеборобов с целью провести в Советы своих представителей. В историографии отмечается, что органы власти Донского округа в 1926 г. установили факт активной подпольной деятельности казаков и бывших офицеров белой армии, которые продолжали борьбу против советской власти. Выборы привели к обострению отношений между казачеством и иногородними крестьянами по вопросам землеустройства, к увеличению числа депутатов, выразивших интересы зажиточного слоя и середняков, а также казачества. Бедняцкие хозяйства потеряли свое политическое влияние в местных Советах²⁹.

В этих условиях возникло второе, гораздо более известное дело Х.В. Ермакова — № П-38850 за 1927 г., уже описанное А.И. Козловым в его книге. Внимательное прочтение опубликованных А.И. Козловым материалов раскрывает следующую картину.

20 января 1927 г. начальник Шахтинско-Донецкого окружного отдела ОГПУ Г.В. Козо-Полянский выдал сотруднику В.А. Бахтиярову ордер № 131 на обыск и арест Ермакова.

20 января Бахтияров взял подписку о неразглашении у председателя Вёшенского райисполкома А.Д. Александрова и снял с него показания о Ермакове. Александров заявил, что Ермаков сейчас «самый опасный, держится умело», и назвал еще семерых, кто может рассказать о Ермакове.

В тот же день, 20 января, уполномоченный Б.Н. Борисов произвел у Ермакова обыск, нашел составленный самим Ермаковым послужной список, постановление суда от 1925 г. о его освобождении и письмо начинающего писателя М.А. Шолохова Ермакову с просьбой встретиться и рассказать дополнительно о Верхне-Донском восстании. После этого Ермаков был задержан.

²⁹ Яхутль Ю.А. Выборы советов на Дону и Кубани (1925–1926 гг.): Проблемы выбора курса реформ // Власть. 2017. № 12 // <https://cyberleninka.ru/article/n/vybory-sovetov-na-donu-i-kubani-1925-1926-gg-problemy-vybora-kursa-reform>

24 января в Вёшенской допросили еще 6 свидетелей, названных Александровым, среди которых была и прежняя сожительница Ермакова.

Один из свидетелей подтвердил, что Ермаков «объединяет вокруг себя кулаков, бедноту ненавидит и всегда агитирует: все равно, рано или поздно, а наша возьмет...». Другие свидетели тоже дали на Ермакова материал, но в основном перечислили его прошлые грехи. М.А. Шолохова в качестве свидетеля не привлекали.

Ермакова из Вёшенской отправили в Миллерово.

2 февраля 1927 г. уполномоченный Контрразведывательного отделения Донецкого окружного отдела ОГПУ Северо-Кавказского края Катеринич, «рассмотрев поступившие выписки из агматериала на гражданина Ермакова Х.В. и усматривая в них признаки преступления, предусмотренные 58-11 и 58-13 ст. УК, постановил: настоящее дело принять к своему производству...».

Таким образом, начальник окружного отдела ОГПУ дал ордер на обыск и арест Ермакова, Ермакова доставили, а потом уполномоченному, который будет вести дело, дали выписки из агентурного материала («агматериала») на Ермакова.

Агентурный материал был следующим: Ермаков «во время выборов в совет руководил группой агитаторов, выступавших против советской власти, коммунистов, объединил кулаков, старался провести в совет лиц, лишенных прав голоса, в Белой армии командовал дивизией, в 1917 г. член Донского войскового круга, в 1918 г., будучи председателем Вешенского станисполкома, агитировал за восстание против соввласти, по своей инициативе организовал Вешенское восстание, принял на себя командование, за боевые отличия был произведен в чин хорунжего, беспощадно расправлялся с красноармейцами». «Ермаков умеет только примазываться и вести антисоветскую работу». В 1925 г. привлекался к ответственности как руководитель восстания, дело прекращено «за давностью его преступления»³⁰.

В этом документе все, что касается его деятельности в 1917 и 1918 гг., верно. Только именно за восстание 1918-го, а не 1919 г. Ермаков (правда, с опозданием) получил хорунжего. То, что он, будучи в 1918-м председателем Вёшенского станичного совета, организовал антисоветское восстание, подтверждается и архивными документами, и статьями в белогвардейской печати. Давая эту информацию, агент

³⁰ Козлов А.И. Указ. соч. С. 122.

показал, что лучше разбирается в юриспруденции, чем ведущие дело уполномоченные и прокуратура.

В 1923–1925 гг. Ермаков привлекался за восстание 1919 г. О восстании 1918-го — в том же округе — и речи не было. Ермаков убедил всех, что в 1918 г. у белых он служил под страхом расстрела, а семью взяли в заложники. А агентура собрала материал об участии Ермакова в восстании 1918 г. и давала возможность его расстрелять «по всем правилам», не нарушая закона.

Но уполномоченный, ведший дело, ничего не понял. И свидетели упорно твердили о 1919 г. И обвинительное заключение составили по тем же событиям, за которые Ермакова уже привлекали. В 1989 г., опираясь в том числе и на это нарушение закона, Ермакова реабилитировали.

В Миллерове 1 марта дополнительно был допрошен лишь один свидетель.

21 марта Ермакову объявили, что следствие по делу закончено. Было составлено обвинительное заключение, что Ермаков был одним из руководителей восстания в 1919 г., а сейчас ведет себя контрреволюционно.

7 апреля последовало заключение прокурора с согласием послать дело в особое совещание при коллегии ОГПУ.

Дело было направлено в Москву, где 6 июня 1927 г. был вынесен приговор во внесудебном порядке, об этом приговоре из Москвы пришла телеграмма. И он был приведен в исполнение от 17 июня 1927 г.

Событие это — скорее исключение, чем правило, поскольку в 1927 г. на территории современной Ростовской области по обвинению в контрреволюционных преступлениях было расстреляно всего 5 человек³¹.

На уровне обыденного сознания истинная причина гибели Х.В. Ермакова была оценена казаками так: «Харлампий Васильевич хотел автономную область в составе всей страны... Евреи помешали...»³²

Таким образом, в первые годы советской власти на Дону происходила «зачистка» уцелевших и вернувшихся из эмиграции бывших белых казаков, и последующая служба их в Красной армии панацеей от преследований не являлась. Власть мстила в первую очередь тем, кто

³¹ На страже Отечества: Документы, воспоминания, очерки. Ростов н/Д., 1998. С. 80.

³² Венков А.В. Печать сурового исхода: К истории событий 1919 г. на Верхнем Дону. Ростов н/Д., 1988. С. 47.

принимал участие в расстрелах красных казаков. Если в первой половине 1920-х гг. контрреволюционные дела рассматривал областной суд, то в 1927 г. дела тех же людей и по тем же обвинениям стали передаваться в особое совещание при коллегии ОГПУ, и приговоры выносились во внесудебном порядке. Х.В. Ермаков оказался жертвой не только своего белого прошлого. Рядовой казак, ставший командиром повстанческой дивизии, безусловно, пользовался огромной популярностью в родных местах и имел перспективу выдвигаться местным населением в лидеры любого протестного движения. Власть же, в условиях становления партийной диктатуры при формально выборной системе местного самоуправления, не могла позволить существование каких-либо неформальных лидеров на такой «контрреволюционной» территории, как Верхний Дон.

REFERENCES

1. *Venkov A.V. Pechat' surovogo iskhoda: K istorii sobytij 1919 g. na Verh. Donu* [Seal of the harsh Exodus : To the history of events in 1919 on the Top Don]. Rostov-on-Don: Publishing House, 1988. 189 p.
2. *Venkov A.V. Politika raskazachivaniya: popytka genocida ili stratocida?* [Politics of raskazachivaniya: an attempt at genocide or stratocide?] // *Kazachestvo v konce XIX — nachale XXI v.: raskazachivanie i sociokul'turnye transformacii. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Cossacks in the late XIX — early XX century: raskazachivanie and socio-cultural transformations. Materials of the all-Russian scientific conference]. Rostov-on-Don: SSC RAS publishing house, 2019. P. 120–126.
3. *Venkov A.V., Zubkov V.N. Donskaya armiya. Organizacionnaya struktura i komandnyj sostav. 1917–1920 gg. Vyp. 2* [Don army. Organizational structure and command structure. 1917–1920 Issue 2]. Rostov-on-Don: Antey, 2015. 400 p.
4. *Kazachestvo v konce XIX — nachale XXI v.: raskazachivanie i sociokul'turnye transformacii. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (g. Rostov-na-Donu, 27–28 iyunya 2019 g.)* [The Cossacks in the end of XIX — beginning of XXI centuries: decossackization and socio-cultural transformations. Proceedings of the all-Russian scientific conference (Rostov-on-Don, June 27–28, 2019)]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishing house, 2019. 296 p.
5. *Kazachestvo Rossii v buntah, smutah i revolyuciyah (k stoletiyu sobytij 1917 goda). Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. G. Rostov-na-Donu, 4–5 oktyabrya 2017 g.* [Russian Cossacks in riots, troubles and revolutions (to the centenary of the events of 1917). Materials of the all-Russian scientific conference. Rostov-on-Don, October 4–5, 2017] Rostov-on-Don: Publishing house of the SSC RAS, 2017. 384 p.
6. *Kozlov A.I. M.A. Sholohov: vremena i tvorchestvo. Po arhivam FSB* [M.A. Sholokhov: times and creativity. According to the FSB archives]. Rostov-on-Don: Publishing house of the Rostov University, 2005. 479 p.
7. *Sidorchenko A. Moskva — Kreml' — Putinu* [Moscow—Kremlin—Putin]. Saint Petersburg: Slavyansk, 2004. 271 p.

8. Social'noe protivostoyanie i ego proyavleniya na YUge Rossii v XX — nachale XXI v. K 100-letiyu nachala Grazhdanskoj vojny i obrazovaniya Donskoj respubliky. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii [Social confrontation and its manifestations in the South of Russia in the XX — early XXI centuries. To the 100th anniversary of the beginning of the Civil war and the formation of the Don Republic. Materials of the all-Russian scientific conference]. Rostov-on-Don: SSC RAS publishing house, 2018. 548 p.
9. *Yahutl Y.A.* Vybory sovetov na Donu i Kubani (1925–1926 gg.): Problemy vybora kursa reform [Election of Soviets of the Don and Kuban (1925–1926 gg.): the choice of exchange rate reforms]/ *Vlast'*/[Power]. 2017. Vol. 12// <https://cyberleninka.ru/article/n/vybory-sovetov-na-donu-i-kubani-1925-1926-gg-problemy-vybora-kursa-reform>

Ключевые слова:

казачество, советская власть, репрессии, политика, судебные дела.

Andrey V. Venkov

TWO ARRESTS OF HARLAMPIY ERMAKOV — PROTOTYPE OF THE MAIN CHARACTER OF THE NOVEL «AND QUIET FLOWS THE DON»

uring the Russian Civil War the Cossacks strongly acted against the Bolsheviks. Soviet government perceived them as a solid antagonistic force.

Only a few Cossacks supported the Bolsheviks.

The Bolshevik policy of systematic repressions against Cossacks of the Russian Empire was aimed at the White Cossacks who killed the Red ones.

The case when rebel Cossacks executed those Cossacks supporting the Soviet Government, became the perfect trigger for launching repression against Cossacks in general.

The article examines the court case in which the White Cossacks who survived the Civil War have been charged with the murder of Red Cossacks leaders.

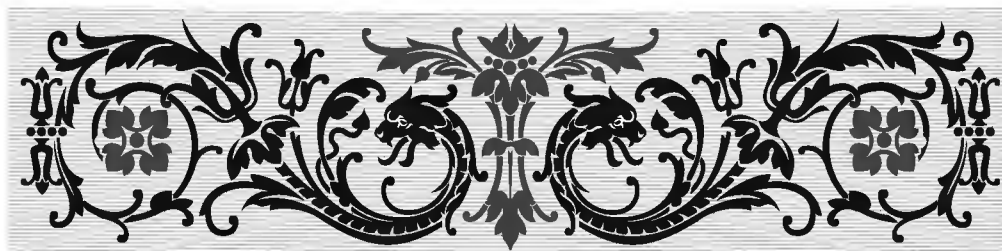
It is shown how politics affect the decisions of the court.

Key words: the Cossacks, Soviet government, repressions, politics, judicial cases.

Andrey V. Venkov — D.Sc. (History), Professor, Head of the Laboratory of the Cossacks, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Rostov-on-Don, Russian Federation.

 Венков Андрей Вадимович

доктор исторических наук, профессор, заведующий Лабораторией казачества Южного научного центра РАН, член Бюро Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории

DOI: 10.35549/HR.2021.2020.34.004

С.М. Исхаков

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ КРЫМСКИХ ТАТАР В 1917—1941 гг.

Изучение политической умеренности, лояльности или протестности того или иного этноса в условиях внешнего воздействия — одна из фундаментальных мировых проблем. Перемены в народной психологии, как известно, происходят по-разному, но очевидно протекают гораздо

медленнее, чем самые кардинальные изменения в политике, экономике, культуре, социуме в целом. В Крыму, с его полиэтничным и поликонфессиональным населением в первой трети XX в., специфику событий в значительной степени определял именно крымско-татарский фактор — интересы, настроения, устремления этой части населения полуострова. Дискуссия о роли татар в Крыму в указанный период не только остается актуальной в историографии и особенно в политологии и в политической публицистике, но и привлекает все больше общественный интерес.

К концу советского времени, с одной стороны, налицо была, как верно отмечается, «тотальная неизученность» истории крымских татар, с другой — «фальсифицированная историография»¹. В результате они по-

¹ Бекирова Г. Крым и крымские татары в XIX–XX веках. Сборник статей. М., 2005. С. 17, 32.

степенно исчезали из истории Крыма. Перемены в крымской историографии начались после распада СССР, когда историки стали обращать внимание на историю крымских татар, впервые раскрывая неизвестные стороны практической советской государственной национальной и религиозной/вероисповедной/конфессиональной политики, ее институты и методы, затрагивая ряд проблем крымско-татарской истории межвоенного периода.

При этом высказываются самые разные точки зрения на их роль в истории Крыма, вплоть до полного отрицания их способности на самостоятельное государственное существование. Здесь, как и в других схожих ситуациях, важно, как отмечал известный этнолог Р.Г. Кузеев (Уфа), «понять, измерить живущие в толще народа настроения, воспоминания, ориентации и способствовать их превращению в целенаправленный процесс». Борьба коммунистов с «национализмом» и «националистами» еще в полной мере в историческом аспекте не оценена. Однако очевидно, что эта борьба нанесла урон не только развитию народов и культур. Она на долгое время исказила в сознании людей идеи и лозунги национального движения, смысл понятий «самоопределение», «автономия», «федерация». Проблема взаимоотношений «центра» и «окраин» превратилась в одну из ключевых в политической истории СССР². Ныне советская национальная политика и ее влияние на этническое сознание, на уровень притяжения тем или иным народом целей советского государства — одна из дискуссионных тем в современной историографии. Что касается этой политики в отношении крымских татар, то очевидно, что прежде всего следует измерить численность их в межвоенный период, особенно в период образования государственности на этой «окраине».

Относительно демографических показателей этого народа в современной историографии наиболее распространенными являются данные переписи 1917 г., согласно которым из 808 тыс. человек русских и украинцев было почти 400 тыс., татар — 217 тыс.³ или 26% населения Крыма. Отсюда главный тезис советской и постсоветской историографии — крымские татары составляли в рассматриваемый период около трети

² Кузеев Р.Г. Традиционная автономия или суверенная республика — альтернатива политического развития // Этничность. Национальные отношения. Социальная практика. Сборник статей. СПб., 1995. С. 141, 144–145.

³ См., напр.: История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках). Симферополь, 2007. С. 282; Хаяли Р.И. Очерки истории общественно-политической и культурной жизни крымских татар в XX веке. Симферополь, 2008. С. 42.

населения Крыма, и на этой основе принимались те или иные политические решения в то время, а также делалась и делается их последующая интерпретация в публикациях обществоведов.

Однако имеются другие разнообразные источники, которые прежде не учитывались, между тем они содержат иные сведения о численности крымских татар в то время. К 1917 г. численность крымских татар составляла, как указывалось в декларации российских мусульман, обращенной к Парижской мирной конференции, около полумиллиона⁴. В Крыму имеется около 40% мусульман, отмечал премьер-министр Крымского краевого правительства С. Сулькевич в письме председателю Совета министров Азербайджанской Республики Ф.Х. Хойскому в 1918 г.⁵ Крымских татар больше всего в Крыму (40–42% населения), докладывал начальник штаба командующего войсками Добровольческой армии в Крыму генералу А.И. Деникину в декабре 1918 г. В секретном обзоре за декабрь 1918 г. — апрель 1919 г., подготовленном для деникинского командования, также отмечалось, что татары составляли 42% населения Крыма⁶. Татарское население, отмечалось летом 1920 г. в издаваемой высокопоставленным врангелевским чиновником газете, являлось преобладающим по численности в Крыму⁷. Польский консул, который находился в то время в Севастополе, в своем докладе в МИД Польши сообщал, что в Крыму имеется 450 тыс. крымских татар⁸. По свидетельству другого очевидца, британского журналиста К.Э. Бехгофера, побывавшего в Крыму в 1920 г., там к тому времени насчитывалось 800 тыс. жителей (без многих тысяч мигрантов, прибывших с севера)⁹. Устремившийся во время Гражданской войны в Крым огромный поток беженцев со всей бывшей империи привел к значительному росту населения на полуострове.

Крымский областной комитет РКП(б) в своем ежемесячном информационном докладе в ЦК РКП(б) за период с 1 декабря 1920 г. по

⁴ Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М., 2014. С. 741, 782.

⁵ Азербайджанская Демократическая Республика. Внешняя политика. Документы и материалы. Баку, 1998. С. 102–103.

⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39660. Оп. 1. Д. 143. Л. 141; Д. 268. Л. 29 об. — 30.

⁷ Юг России (Севастополь). 1920. 27 июня.

⁸ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004. С. 112.

⁹ Roberts C.E.B. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920: Being the record of a journey to South Russia, the Crimea, Armenia, Georgia, and Baku in 1919 and 1920. London, 1921. P. 230.

1 января 1921 г., подписанном ответственным секретарем этого обкома Р.С. Самойловой, сообщал, что татары составляют около половины населения полуострова¹⁰. К 1920 г. численность крымских татар, по данным Дж. Сейдамета (депутат Всероссийского Учредительного собрания, в январе 1918 г. председатель крымскотатарского правительства, министр иностранных дел в правительстве С. Сулькевича), составляла 700 тыс. В документах, направленных в Лигу наций в 1920–1921 гг., он на этом основании указывал, что татары составляют подавляющее большинство населения Крыма¹¹.

Опубликованная мной в 2004 г. цифра о численности крымских татар осталась без внимания в историографии, за одним, по моим наблюдениям, исключением, а именно: известный крымовец В.Е. Возгрин отметил, что в 1917 г. в Крыму проживали 450 тыс. татар, что равнялось 42% от общего числа жителей полуострова, т.е. цифра была занижена статистикой более чем в 2 раза¹². С таким его наблюдением относительно этой манипуляции, проделанной еще в условиях революционных перемен в Крыму, нельзя не согласиться. Таким образом, в 1917–1920 гг. численность крымских татар, по этим данным, составляла 450–700 тыс.

Большевики произвели перепись населения в Крыму в 1921 г., после чего стало считаться, что там имелось 719,5 тыс. человек, а в 1923 г. — 569,5 тыс. человек. Общая численность сократилась на 21% (на 150 тыс. человек) под влиянием голода 1921–1922 гг.¹³ В советской историографии, ссылаясь на данные этой переписи, считалось аксиомой, что в Крымской ССР в 1921 г. русские составляли уже больше половины населения, а татары — 25%¹⁴. Перепись эта, надо пояснить, проводилась в связи с принятием решения Москвой относительно судьбы Крыма и обуславливалась прагматическими политическими соображениями — показать на

¹⁰ РГВА. Ф. 182. Оп. 5. Д. 6. Л. 21 об.

¹¹ Archives du ministère des Affaires étrangères de France. Ser. Z. Car. 651. Dos. 2. F.112, 127.

¹² Возгрин В.Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма. В 4 т. 4-е изд. Т. 2. Симферополь, 2015. С. 852. Возгрин здесь ссылается на Российский государственный военно-исторический архив (Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 130. Л. 1. Такого фонда в этом архиве не существует), при этом указывая, что это данные якобы военных. Этот документ, автором которого являлся польский консул в Крыму, в действительности хранится в Российском государственном военном архиве (Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 130. Л. 1) и он был впервые использован в моей книге (см.: Исхаков С.М. Указ. соч. С. 112).

¹³ Вологдин Б.П. Население Крыма // Весь Крым. 1920–1925. Симферополь, 1926. С. 37.

¹⁴ История национально-государственного строительства в СССР, 1917–1978. В 2 т. Т. I. 3-е изд., доп. и перераб. М., 1979. С. 196.

цифрах преобладание славянского населения над татарским, поскольку декретировалось создание Крымской ССР/АССР, а не татарской республики. С первых шагов в Крыму советская власть использовала статистику в своих целях, а не исходила из объективной демографической ситуации, о которой можно судить по различным источникам.

Так, в июле 1921 г. один из организаторов переписи в Балаклавском районе, где татары-мусульмане составляли свыше 60% общего населения, докладывал в Балаклавский ревком, что к переписи население относилось с недоверием¹⁵. «Население сталкивается со статистикой при обследованиях, с недоверием относится к ее работам, искажая зачастую смысл статистических переписей и обследований...» Население относилось к ним «подозрительно, отчего понижается и ценность добытого статистического материала»¹⁶, — отмечал другой очевидец. «Проведенная у нас в 1921 г. перепись была далеко не полной, не могла коснуться ряда местностей»¹⁷, отмечал через несколько лет заведующий ЦСУ Крымской ССР Г.А. Кущенко. Таким образом, с одной стороны, налицо крайне низкое качество проведенного тогда статистического обследования, с другой — констатация факта, что крымские татары при этом не доверяли представителям власти и тем более официальным данным о своей численности.

Местные чиновники, столкнувшись с недоверием крымских татар, нашли «выход» из этого положения. «Со статистикой населения у нас в Крыму дело обстоит скверно». Кроме переписи 1921 г., второй источник знаний о численности и национальном составе Крыма — данные отдельных райисполкомов и горсоветов. «“Данные” эти в большинстве случаев ничем не отличаются от “данных”, взятых, что называется, с потолка или весьма добросовестно... высосанных из пальца»¹⁸, — признал С.А. Гамалов, один из тех, кто осуществлял национальную политику в Крыму. Чиновники разного уровня на свое усмотрение манипулировали подобными сведениями, когда докладывали руководству о национальном составе населения. Данные переписи и различных органов власти занижали численность местных татар.

Подсчеты численности крымских татар также вели муллы в каждом татарском селении Крыма. В 1923 г. крымский муфтий И. Тарпи,

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1247. Оп. 1. Д. 32. Л. 42.

¹⁶ Красный Крым (Симферополь). 1926. 21 апреля.

¹⁷ Там же. 6 января.

¹⁸ Там же. 2 сентября.

возглавлявший Народное управление религиозными делами мусульман Крыма, собрав такие сведения, написал И.В. Сталину, что их численность составляла 250 тыс.¹⁹ Резкое сокращение их численности в 2–3 раза было обусловлено не только неполнотой статистических данных, коррекцией имеющихся у чиновников сведений, но и следствием массовой эмиграции татар и масштабного голода в Крыму. Выступая на 6-й Крымской областной конференции РКП(б), проходившей в середине марта 1922 г., председатель ЦИК Крымской ССР и председатель Крымской центральной комиссии по борьбе с голодом и его последствиями Ю.П. Гавен заявил, что «крымские татары так связаны со своей деревней, что даже голод не может выгнать их оттуда, и они тихо умирают в своих деревнях... В распоряжении ЦК Помгол нет точных данных о числе голодающих и, главным образом, о смертности от голода... По нашим приблизительным вычислениям в Крыму голодающих около 500 000 человек, это 65% всего населения. Голод постиг главным образом южный район Крыма, тот район, который не был хлебородным. Так как крымская деревня на южном берегу населена преимущественно татарами, то естественно, что голод тяжелее всего отразился на татарском населении. Можно сказать, что около 70% всего числа голодающих — татары»²⁰. Неудивительно, что вскоре Гавен покинул Крым, управлять которым он не был способен.

Новым председателем ЦИК Крымской ССР Москва была вынуждена назначить В. Ибраимова, из крымских татар, надеясь, что такой шаг облегчит управление ими, что оказалось, однако, не под силу и ему. Как и его предшественник, он признал, что более всех остальных пострадали от голода татары, которые составили около 60% всех погибших в Крыму от голода²¹. Крымские татары потеряли во время голода 1921–1922 гг. десятки тысяч человек, т.е. налицо было вымирание этого населения²², прямо заявил нарком здравоохранения Крымской ССР крымский татарин Х. Чапчакчи в 1925 г. (через несколько лет был обвинен в антисоветской контрреволюционной деятельности и репрессирован).

Приводя данные о голоде в Крыму, Гавен преуменьшил географию его распространения среди местных татар. Голод сильнее поразил горные и предгорные районы Крыма, среди населения которых большин-

¹⁹ ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 129.

²⁰ Известия Крымского областного комитета РКП(б). 1922. № 10. С. 33.

²¹ *Ибраимов В.* Пять лет советской власти в Крыму // *Весь Крым. 1920–1925.* Симферополь, 1926. С. VI.

²² *Красный Крым (Симферополь).* 1925. 19 ноября.

ством были татары, которые имели минимальные участки земли и не вели зернового хозяйства²³. Пострадали от голода и татары-горожане. Так, татарское население Бахчисарая, которое в 1915 г. составляло свыше 15 тыс. человек, к 1922 г. уменьшилось, как сказано в газетной заметке, «обезлюженное ужасами голода», до 6 тыс.²⁴, т.е. в 2,5 раза. Используя данные советской печати, Сейдамет, находившийся в эмиграции, писал в 1930-х гг., что, в частности, в Бахчисарае умерло от голода 55% жителей²⁵. Такая динамика в конкретном случае подтверждает приведенные выше крымско-татарские данные о сильном сокращении численности в 1917–1923 гг.

Их количество затем выросло главным образом вследствие притока извне — реэмиграции, активно происходившей в атмосфере налаживания советско-турецких отношений, что привело к заключению 17 декабря 1925 г. договора о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией. Уже летом 1925 г. партийный официоз сообщил: «В наши дни в Крым возвращаются десятки тысяч эмигрантов-татар из Турции и прилегающих к ней районов»²⁶. По данным же Крымского статистического управления, как указано самим крымским статистиком, «вероятная» численность населения Крыма на 1 января 1926 г. равнялась 624 тыс. человек, численность татар была определена всего в 164,2 тыс. человек или 26,3% от общей численности крымского населения²⁷.

Все эти подсчеты местных статистиков, их эквилибристика с цифрами вызвали откровенные сомнения у местных руководителей — выдвинутцев из крымских татар. К 1926 г. статистические данные по национальному составу в Крыму носили, как отмечалось в партийном официозе, «предполагательный» и «гадательный» уровень²⁸, заявил заместитель управляющего ЦСУ Крымской ССР крымский татарин Р. Ногаев (в 1928 г. был обвинен в антисоветской контрреволюционной деятельности и расстрелян вместе с В. Ибраимовым, решительно выступившим против массового еврейского переселения в Крым). Местная статистика, в сущности, была превращена в политический инструмент власти.

²³ Бикова Т. Що спричинило голод 1921–1923 рр. у Криму? // Історія Криму у запитаннях і відповідях. Київ, 2015. С. 341.

²⁴ Красный Крым (Симферополь). 1922. 15 сентября.

²⁵ Сейдамет Дж. Публицистика: малоизвестные статьи. Науч. изд. Симферополь, 2012. С. 96.

²⁶ Красный Крым (Симферополь). 1925. 4 июня.

²⁷ Вологдин Б.П. Указ. соч. С. 37, 39.

²⁸ Красный Крым (Симферополь). 1926. 13 ноября.

В 1930–1933 гг., как отмечалось в коллективной работе Института истории АН Украинской ССР, происходила интенсивная убыль татарского населения из Крыма, в том числе из-за голода²⁹. Согласно переписи 1937 г., в Крыму насчитывалось 996,7 тыс. жителей, в том числе крымских татар — 206 тыс., по данным переписи 1939 г., соответственно — 1,1 млн и 218,8 тыс. татар (около 19%). Данные и той и другой переписи также вызывают сомнение у ряда современных историков, поскольку в двухлетие между переписями население Крыма увеличилось более чем на 120 тыс. человек, что вряд ли было реально. Причем подсчет крымско-татарского населения осложняется тем обстоятельством, что перепись 1939 г. не учитывала отдельно крымских татар. Фактом было то, что география расселения крымских татар к началу 1941 г. не ограничивалась территорией Крыма, поэтому открытым остается вопрос об общей их численности³⁰. За недостоверной статистикой крымских татар этого периода скрывались политические цели советской власти, ее подлинная национальная политика в их отношении, которая при освещении политической истории Крыма освещается многими авторами в мажорном свете в целом.

Когда Германия осенью 1941 г. оккупировала Крым, там, как считается в западной историографии, проживало примерно 250 тыс. крымских татар, которые составляли почти 25% населения полуострова. В Крыму большинство мусульман с энтузиазмом приветствовали конец советской власти и встречали немецкие войска с доброжелательностью и надеждой³¹.

Таким образом, численность крымских татар в 1917–1930-х гг. существенно искажалась в советских переписях, с одной стороны, из-за массового уклонения крымских татар от таких обследований (а это было одним из признаков недоверия к власти), с другой — властью, которая с помощью этой переписи «перераспределила» этнический состав полуострова в интересах своей национальной политики с целью занижения количества крымских татар, чтобы иметь «веские» основания для проведения соответствующей политики. К концу 1930-х гг. численность крымских татар составила около 200 тыс. человек, что означает сокращение их количества по сравнению с 1917 г. приблизи-

²⁹ Крымская АССР: 20–30-е годы (исторический очерк). Киев, 1989. С. 13.

³⁰ Бекирова Г. Указ. соч. С. 235–236.

³¹ Мотадель Д. Ислам в политике нацистской Германии (1939–1945) / Пер. с англ. М., 2020. С. 184–185, 200.

тельно в 2,5 раза, т.е. крымские татары почти за 20 лет превратились в этническое меньшинство (около 20%) населения полуострова из-за неоднократного голода, репрессий, эмиграции и первой депортации, которая началась в 1929 г., в результате чего несколько десятков тысяч крымских татар были вынуждены уехать в разные регионы России и в Турцию. Такие данные в демографической сфере и в политической миграциологии фактически перечеркивают какие-либо показатели в социальной, культурной, политической и иных областях проводимой советским государством «национальной» политики в отношении татар Крыма и объясняют причину негативного отношения большинства крымских татар к советской власти к 1941 г.

REFERENCES

1. *Bekirova G.* Krym i krymskie tatary v XIX–XX vekah. Sbornik statej [Crimea and Crimean Tatars in the XIX–XX centuries: a volume of articles]. M., 2005. 293 s.
2. *Bikova T.* Shcho sprichinilo golod 1921—1923 rr. u Krimu? [What caused the famine of 1921–1923 in the Crimea?] // *Istoriya Krimu u zapitannyah i vidpovydyah* [History of Crimea in questions and answers]. Kiïv: Naukova dumka, 2015. S. 338–341.
3. *Hayali R.I.* Ocherki istorii obshchestvenno-politicheskoy i kul'turnoj zhizni krymskih tatar v XX veke [Essays on the history of socio-political and cultural life of Crimean Tatars in the twentieth century]. Simferopol': Dolya, 2008. 510 s.
4. *Ibraimov V.* Pyat' let sovetskoj vlasti v Krymu [Five years of Soviet power in Crimea] // *Ves' Krym* [All Crimea]. 1920–1925. Simferopol': Izdanie KrymZIKa, 1926. S. I–IX.
5. *Iskhakov S.M.* Rossijskie musul'mane i revolyuciya (vesna 1917 g. — leto 1918 g.) [Russian Muslims and the revolution (spring 1917 — summer 1918)]. M.: Izdatel'stvo «Social'no-politicheskaya MYSL», 2004. 600 s.
6. *Istoriya Kryma s drevnejshih vremen do nashih dneï (v ocherkah)* [History of Crimea from ancient times to the present day (in essays)]. Simferopol': Atlas-kompakt, 2007. 408 s.
7. *Istoriya nazional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v SSSR* [The history of nation-building in the USSR], 1917–1978. V 2-h t. T. I. 3-e izd., dop. i pererab. M., 1979.
8. *Kuzeev R.G.* Tradizionnaya avtonomiya ili suverennaya respublika — al'ternativa politicheskogo razvitiya [Traditional autonomy or a sovereign republic — an alternative to political development // *Etnichnost'. Nazional'nye otnosheniya. Social'naya praktika. Sbornik statej* [Ethnicity. National Relations. Social practice. Volume of articles]. SPb.: Petropolis, 1995. S. 141–163.
9. *Motadel' D.* Islam v politike nazistskoj Germanii [Islam in the politics of Nazi Germany] (1939–1945) / Per. s angl. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2020. 416 s.

10. *Vologdin B.P.* Naselenie Kryma [The population of Crimea] // *Ves' Krym* [All Crimea]. 1920–1925. Simferopol': Izdanie KrymSIKa, 1926. S. 37–52.
11. *Vozgrin V.E.* Istoriya krymskih tatar: ocherki etnicheskoj istorii korenного naroda Kryma v chetyrekh tomah [History of Crimean Tatars: Essays on the ethnic history of the indigenous people of Crimea in four volumes]. 4-e izd. T. 2. Simferopol': Kara deniz prodakshn, 2015. 619 s.

Ключевые слова:

Крым, советская национальная политика, крымские татары, И.В. Сталин,
В. Ибраимов, Дж. Сейдамет.

Salavat M. Iskhakov

MORE ON THE POPULATION OF THE CRIMEAN TATARS IN 1917—1941

The article examines a highly debatable question in historiography that is the population of Crimean Tatars during the first third of the 20th C. The available data from different sources differs greatly.

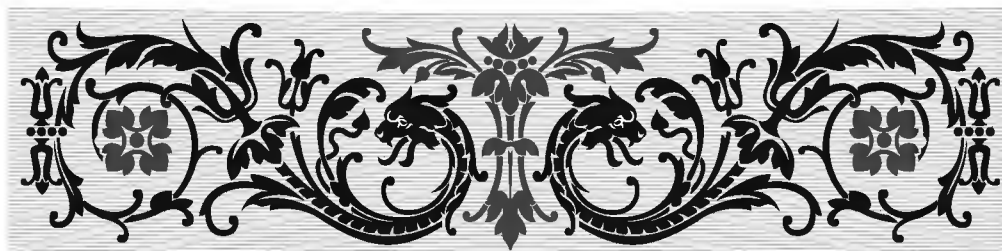
Presented are the facts which show how the usage of statistics turned to be a characteristic feature of Soviet national policy. Official data can thus lead away from the real picture without a critical analysis of the processes which took place in the Crimea at that time.

Keywords: Crimea, Soviet national policy, Crimean Tatars, I.V. Stalin, V. Ibrahimov, J. Seydamet.

Salavat M. Iskhakov — D. Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History.

 Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук,
заместитель председателя Секции «История социальных реформ,
движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным
вопросам российской и зарубежной истории

DOI: 10.35549/HR.2021.2020.34.005

C. Kumuk

PREDECESSORS & CONSEQUENCES OF A TRAGEDY: MAY 28 — JUNE 01, 1945 DRAU MASSACRE...

uring the Soviet Union, the North Caucasus political immigration in Europe was completely defined as a *quisling* and condemned with absolute disregard. A similar attitude was also valid for Turkey which has inhabited the most crowded North Caucasian diaspora. Mustafa Kemal and Ismet Inonu's censorship policies prevent the North Caucasian diaspora in Turkey to analyze developments in European emigration properly. Both during the Soviet Union and the early years of the post-Soviet periods and in Turkey, there has always been a false belief that the North Caucasian political emigration in Europe operated as a single block. However, these groups that came together in various capitals of the European countries were like variations of the political factions formed in the North Caucasus between 1917 and 1921. The struggle for the construction of a new state and independence weakened with the war against General Denikin's Volunteer Army and the Russian Bolsheviks during the Russian revolution and the civil war period. Nevertheless, the fight had expanded also with the new fronts opened against the local Monarchists and Bolsheviks after a while. When the struggle for domination ended in the absolute victory of the Bolsheviks, groups other than the native Bolsheviks had to leave the

homeland altogether. This provided the North Caucasian political refugees with the opportunity to work with other anti-Soviet national groups, especially Azerbaijani and Georgian political refugees. Moreover, indirect contacts with the other states who were Soviet opponents were now possible directly. The Promethean movement, which included the Baltic states and Czechoslovakia as well as the Soviet enslaved peoples and was motivated by Poland, one of the clearest proof of this. Haydar Bammat's alliance with the Japanese could be regarded as a real success story in international relations. However, these groups soon remarkably shifted their focus. Whereas their priority should be to free their country from the Soviet occupation, they began to clash over the future political and administrative models as if they were the politicians of the parliament of a free and sovereign state.

The results of the negotiations at the Paris Peace Conference in 1919 where the fate of the world was determined, seemed a clear indication that the world would soon be dragged into the second great war.

The North Caucasian political figures like Abdulmecid Chermoyev, Hasan Hadzaragov, Ibrahim Haydarov, Ibrahim Khan Ibrahimbek, and Cemallettin Albogachiev left their homeland to participate in the Paris peace talks and could never return¹. Also, a large number of the North Caucasian intellectuals, soldiers, and political figures like Haydar Bammat, Pshemaho Kotse, Murat Khatagogu, Aytek Namitok, Ahmet Djanbek Havjoko, Sultan Klych Girei, Kuchuk Ulagai, Elmurza Bekovich Cherkaski, Konstantin Khagandokov, Temirhan Jabagi Shipshhev, Ismail Shakov, Ruslan Djanbekov, Vassan Girei Jabagi, Beksultan Kotiev, Murzala Kuriev, Alikhan Kantemir, Ahmed Tsalikov, Tambi Elekhoti, Balo Bilatti, Barasbi Baytugan, Jambulat Dzanti, Mirza Bek Kulatti, Aytek Kundukh, Adil-Girei Kulatti, Georgi Bayev, Elmurza Mistulov, Mihail Abatsiyev, Semen Hatayev, Kosta Zangi, Lazar Bicherahov, Ibrahim Chulikov, Said Emin Tukaev, Abdul-Majid Baduev, Sultan Shakim Girei, Tausultan Shakman, Mehmet Girei Sunch, Kadi Bayramukov, Said Shamil, Bahaeddin Hursh, Ahmed Nabi Magoma, Halil-bek Musayassul, Gazihan Bessolt, Osman Saidnurov, Aziz Dalgat, Krym-Girei Kuchmazukin, Janbolat Jerikov, and Mikail Hali-lov had joined them in the political emigration. These names were representing a large variety of political wings such as patriots, monarchists, liberals, social-democrats, social-revolutionists, and bourgeois nationalists. The European capitals like Prague, Warsaw, and Paris became the political arenas for the North Caucasian intelligentsia. These members of different

¹ *Kumuk C. Neredesin Prometheus? İstanbul, 2004. S. 139, 185.*

Aytek Namitok. Petrograd, 1917

political wings started an intense anti-Soviet work on the path of Tbilisi, Istanbul, Prague, Warsaw, Munich, and Paris. When these groups started to collaborate also with Georgian Mensheviks, Georgian Nationalists, and Azerbaijani Musavatists, a very colorful political scene emerged. The League of Nations had failed to realize the hopes of the peoples of the Caucasus in Paris. The representatives of these states, which ceased to exist under the Bolshevik boots, sought allies to anti-Soviet activities in the ever-changing balances in various European centers and planned to get the revenge of 1921 in the expected new world war.

The first refugee groups who left the North Caucasus after the Bolshevik invasion tried to reach the west after spending some time in Turkey during the 1919–1921 period. For the sake of preserving common struggle interests with the Bolsheviks, Mustafa Kemal had left the North Caucasus and Azerbaijan to the Bolsheviks in return for a substantial military aid from the Soviets. Mustafa Kemal in his speech at the Majlis in Ankara on August 14, 1920, referring to the Red Army he was saying: “These armies (10th and 11th Red Army) managed to pass over the Northern Caucasus and easily invaded Azerbaijan under our guidance and help”². Until the outbreak of the espionage scandal in the Turkish Embassy in Moscow in April 1922, the Kemalist regime in Turkey did not give any chance to the political refugees to stay

² *Avcıoğlu D. Milli kurtuluş tarihi. Vol. 2. İstanbul, 1978. S. 456–457.*

Leading profiles of the group Kavkaz: From Left to Right: Alikhan Kantemir, Halil-bek Hasmamedov, Haydar Bammat. *Istanbul, 1938*

in Turkey and carry on the anti-Soviet activities³. The refugees arrived in Europe with cheap ferries through ports like Bari, Trieste, and Marseille in a scattered and very miserable condition.

Aytek Namitok was one of the leading profiles who made one of the first attempts to create émigré organizations in Europe and formed the “Association of the Caucasus Mountaineers” with one of his compatriots, Ismail Shakov dating back to 1919. The characteristics of the first refugee organizations were more of a charity organization rather than a political organization. In the same period, there was a significant increase in the migration movement from Northern Caucasus towards Anatolia.

The Circassian Committee of Union and Solidarity (Çerkes İttihat ve Teavün Cemiyeti) in Istanbul that was established to develop solutions to the problems of the North Caucasian refugees who came to the Ottoman lands during the forced deportation of Circassians en mass in the 19th century, was helping the new coming refugees who were trying to survive under difficult conditions. The Committee had also carried out various aid activities in the homeland during the foundation period of the Republic of the Highlanders of the North Caucasus and now trying to find ways to support the politicians of the plundered state to continue the anti-Soviet struggle in exile. Aytek Namitok’s initiatives in Paris were also carried out in coordination with the

³ Şimşir B. *Bizim diplomatlar*. İstanbul, 1996. S. 63–66.

Tambi Elekhoti. *Tbilisi*, 1920–1921Shalva Amaredjibi. *Tbilisi*, 1920–1921

committee in Istanbul. As per the treaty of Lausanne which was signed between the new Republic of Turkey and the Entente on July 24, 1923, none of the Muslim ethnic groups were given the status of a minority⁴. Therefore, The North Caucasian diaspora that was widely known with an exonym “Circassian” had lost all privileges that were given during the Ottoman empire. The Circassian Committee of Union and Solidarity and its sub-branch, the Circassian Women Solidarity Association, were closed on September 5, 1923⁵.

The first North Caucasian political organization in the European emigration appeared in Paris in 1924. Haydar Bammat’s group *Kavkaz* published the first issue of the periodical *Kafkasya* (Le Caucase) in January 1924 in the Turkish language.

In the first issue, we also see the names and articles of the other prominent contributors of the movement belonging to the other Caucasian nations such as Alikhan Kantemir, Ceyhun-bey Hadjibeyli, Tambiy Elekhoti, Shalva Ameredjibi, and Spiridon Kedia.

However, the movement suspended activities due to lack of financial sources and the publication of the group had to wait for another ten years until adequate financial sources have been provided.

In the meantime, another émigré group was flourishing in Czechoslovakia. The emergence of the North Caucasus immigration in Czechoslo-

⁴ Oran B. *Türkiye’de azınlıklar*. İstanbul, 2010. S. 49.

⁵ *Güsar V. Çerkes kadınları teâvün cemiyeti // Kafkasya Kültürel Dergi*. 1975. № 48. S. 25.

kia was most likely within the framework of an international organization's resettlement program. We may well assume that there were some North Caucasian immigrants among the ten thousand Cossacks and six hundred university and high school students who were said to have been sent to Czechoslovakia by the International Red Cross Committee that supported refugee communities in Istanbul⁶. The ethnic Cossacks members who had taken place in the profile of the future organization named "The Union of the Caucasus Highlanders" also supports this statement. Especially, the ethnic Ossetian group enjoyed this opportunity thanks to the Russian state registration system which recorded most of them as "Ossetian Cossacks". Czechoslovakia was one of the countries that recognized the USSR at the very late stages. President Thomas Masaryk in his speech on the date of independence celebrations on October 28, 1919, was saying: "Lenin is an excellent Russian prototype, and Bolshevism has not overcome the Tsarist regime but has been following exactly the same processes of Ivan the terrible"⁷. The association, called *Soyuz Gortsev Kavkaza* (SGK) (The Union of the Caucasus Mountaineers), was established in Prague by one of the prominent Ossetian members of the political emigration, Ahmed Tsalikov (Tsalikkaty). The Circassian member of the organization and one of the former Circassian members of the Kuban Rada Murat Khatagogu was responsible for managing the association's publication *Kavkazski Gorets* (Caucasian Highlanders). Most of the personalities who took place in the emergence of SGK have enjoyed scholarships given by the Czech Government and attended various universities in Czechoslovakia. Today we still do not have solid information about the exact date when SGK had started to operate. Yet, we know that the first general assembly of the union was gathered in April 1924 and we have seen that the activities of the first 6 months had been evaluated at the assembly. This clue gives us the opinion that SGK might have started activities as of November 1923⁸. One of the basic aims of SGK was to unite the scattered political emigration under a single roof. For this purpose, SGK had not alienated the Cossack émigré groups and stayed in close communication with them. This attitude shows us a significant political paradigm shift in the Union's founder Ahmed Tsallikaty as he was known to be one of the very incurable opponents of the idea of the South-East Union and

⁶ Lykova Y. Russian emigration to Turkey in the 1920's: a case study // Hacettepe University iktisadi ve idari bilimler fakültesi dergisi. 2007. Vol. 25. № 1. S. 335, 340.

⁷ Kohn H. Pan-slavism: its history and ideology. New York, 1960. P. 276.

⁸ Turan M.A. Kuzey Kafkasya mültecilerinin çalışmalarından bir kesit: Kafkasya Dağlıları Birliği (Soyuz Gortsev Kavkaza) // Toplumsal Tarih. 1997. № 40. S.46–47.

Murat Khatagogu. *Ekaterinodar*, 1919

collaboration with the Cossacks during the years of the Russian Civil War.⁹ However, SGK could not even maintain its own integrity, let alone unite the other sides. With the extraordinary general assembly dated August 8, 1924, the administration of the union has been changed completely. While Murat Khatagogu was replacing Ahmed Tsallikaty, Ahmed Nabi Magoma became the vice president of the union¹⁰.

The next charity organization of the North Caucasian émigré groups in Europe was created in Paris in 1925; “comité de Secours des Refugies Circassiens du Caucase du Nord a Paris”. The organization was initiated by an Ingush, Murzala Mussievich Kuriyev, and a Kabardian Konstantin (Edik) Khagandokov¹¹. The word “Circassian” used on the title of the committee was an exonym covering all subjects of the North Caucasus and not to refer to “Adyges” only. The organization had held charity balls at the prestigious Hotel le Claridge in Paris where various Caucasian nationals were performing folk dance shows and musical recreations¹².

⁹ Цалькаты А. Горцы Кавказа и казаки // Кавказский горец. 1924. № 1. С. 71.

¹⁰ Хроника Союза // Кавказский горец. 1925. № 2–3. С. 135.

¹¹ Бабич И.Л. Северокавказская нация в европейской эмиграции (1917–1930-е годы): миф или реальность // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб., 2012. С. 389–390.

¹² Les archives de Ali Mardan bey Topchibachi. Bibliothèque du Centre d'études des mondes Russe, Caucasien et Centre-Européen (CERCEC) de l'École des Hautes Etudes en Sciences Sociales (ERCEC). Carton № 1,2,4,7.

Said Shamil. *Istanbul, 1930s*

Likewise, the other ethnic groups of the emigration, The North Caucasian émigré groups had sought support from the Masonic organizations as well. So, they joined the Masonic lodges after they settled in Paris. However, the aims of the Caucasian freemasons were different than the other ethnic groups. While the other ethnic groups were participating in active works within the lodge, The North Caucasians were purely dealing with their own national causes and could not arrive at a single and masonic philosophical platform within these lodges. Neither the lodge administrations nor the North Caucasians were happy with that situation. As the result, most of the North Caucasian freemasons left lodges and occupied with the Caucasian cause¹³.

While on one hand Haydar Bammat and his group Kavkaz were stiffening in Paris, and The Union of Caucasian Highlanders in Prague, on the other hand, another group was also born in Paris. The Promethean movement was founded in 1926 and included a large variety of the former subjects of the Russian empire except for the Armenians and the Belorussians. Apart from the North Caucasian profiles such as Said Shamil, Vassan Girei Jabagi, Balo Bilatti, Ibrahim Chulikov, Tausultan Shakman, Barasbi Baytugan, Aytek Kundukh, Mehmed Girei Sunch, Bahaeddin Hursh, Kosta Zangi, the Geor-

¹³ Babich I.L. Caucasian Émigrés in the Russian Masonic Lodges in France (1922–1939) // The Caucasus & Globalization. Journal Of Social, Political and Economic Studies. 2014. Vol. 8. № 3–4. P. 92–109.

gian side was represented by Noe Zhordania, Nikolay Chkheidze, Simon Mdivani, Giorgi Nakashidze, Akaki Chenkeli, Alexander Asatiani, Yevgeny Gegeczkori, and the Azerbaijani group was included the names such as Ali Mardan bey Toptchubashi, Mir-Jakub Mekhtiev, and Mustafa bey Wekili. The other Turkic groups were also represented in the organizations by profiles like Ayaz Iskhaki, Djafar Saydahmet, and Mustafa Chokai. The Promethean movement financially and materially was supported by Marshal Jozef Pilsudski who declared his dictatorship in Poland in 1926. For that reason, the movement had found a very convenient climate in Warsaw for its activities and most of the main activists of the organization had moved to Warsaw.

The North Caucasian political immigrants who followed Said Shamil's initiative considered this as a great opportunity and a new horizon for the future and founded "*Narodnaya Partii Gortsev Kavkaza*" (NPGK) (The Peoples' Party of the Highlanders of the Caucasus) on November 18, 1926, in Warsaw¹⁴.

Despite most of the members of SGK in Prag joined to NPGK, SGK had not been liquidated and continued activities under the leadership of Murat Khatagogu. Khatagogu, who has not been invited to the new formation in Warsaw and being isolated from the activities of NPGK, also left his position at SGK to Ahmed Nabi Magoma after a short while¹⁵. In later stages, Ahmed Nabi Magoma also had broken off the relations with NPGK in Warsaw and positioned himself within Bammat's group *Kavkaz*. After SGK had ceased to exist most of the members of the union continued activities within NPGK. Ibrahim Chulikov, Tausultan Shakman, and Mehmed Girei Sunch were the leaders in the administrative window of NPGK. The periodical "*Gortsy Kavkaza*" was the official publication of NPGK in between the years 1929–1934, another publication, "*Severny Kavkaz*" became the flagship from 1934 to 1939.

However, these groups could not perform strong solidarity both in their ideological obsessions and in the insecure political conjunctures of the countries where they found asylum. Said Shamil was clearly admitting that fundamental contradictions had already been arisen among the émigré groups by the early 1920s¹⁶. Barasbi Baytugan on one hand was claiming that there has been no significant class difference and members of each group do not represent any specific social group of the population, so, there should

¹⁴ Байтуган Б. Знаменательная информация // Горцы Кавказа. 1931. № 26. С. 4.

¹⁵ В Союзе цорцев Кавказа в Ч.С.Р. // Вольные горцы. 1928. № 6. С. 25.

¹⁶ Шамиль С. Суть наших разногласий // Горцы Кавказа. 1931. № 25. С. 3–5.

Administrative profiles of NPGK. Standing from left to right: Balo Bilatti, Barasbi Baytugan, Ahmet Djanbek Hovjoko. Sitting from left to right: Kosta Zangi, Mehmet Girei Sunch, Stanislav Siedleski, Bahaeddin Hursh, Ibrahim Chulikov. *Warsaw, 1930s*
(*Birleşik Kafkasya. 1965–1966. № 6. S. 3*)

not be any ideological discord among these groups¹⁷ but on the other hand, he was allegedly and personally attacking Haydar Bammam in his articles in *Gortsy Kavkaza*. In one of his articles, Baytugan was writing that Haydar Bammam's title of Minister of Foreign Affairs was terminated long ago and he was no more than an ordinary emigrant without any special rights and not one of the bearers of national unity¹⁸. The followers of NPGK were accusing Haydar Bammam to run after his personal goals and interests. Bammam against personal offends of Baytugan, was qualifying Baytugan as someone who had his national internship under the wing of Denikin's army. In return, Baytugan was defending himself and the personalities who had taken place in the Volunteer Army of Gn. Anton Denikin as people who had no other option than either the Whites or the Reds. For the sake of justifying his argument, Baytugan was praising the Bolsheviks by saying that those who resisted against Denikin was not the *Majlis* in Tbilisi but he was Gikalo

¹⁷ *Исхаков С.М. "Кристаллизация" горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 17.*

¹⁸ *Байтуган Б. Народная партия как фактор в горском освободительном движении // Горцы Кавказа. 1931. № 25. С. 10.*

in Chechnya, Nazir Katkhanov in Kabarda, and the Kermenists in Ossetia¹⁹. Baytugan had gone even further and claimed that: “The declaration of independence in 1918 was more of an act of “opportunistic approach” than the result of a thoughtful, firm, and deliberate decision. Until 1917, there were no national liberation organizations in the Caucasus in the real sense of the word ... Even the parties in Transcaucasia – Azeri Musavatists and Georgian parties wanted only autonomy within the empire, not independence”²⁰. Indeed, Baytugan was somehow confessing how the monarchist and Bolshevik fractions among the highlanders had undermined the independence struggle during the years of the Russian civil war. V. Olenin, a native Russian member of group *Kavkaz* and a devoted supporter of the independence of the Caucasus was explaining this situation in a very striking way in the first paragraph of his article published in *Journal Kavkaz* in the last days of 1935: “The Caucasian intelligentsia, educated in a Russian school, brought up in constant communication with Russians, on Russian literary models, in the Russian theater, naturally, perceived to a very large extent psychology average Russian intellectual, reflecting his assessments, ideals, and aspirations. Breaking away from its own native soil, it became an all-Russian intelligentsia, that is, groundlessly dreamy, replacing the practical tasks of life, the interests of its local territorial region with talk about world social issues and blessed mankind”²¹.

Balo Bilatti, one of the influential writers of the NPGK, was claiming that “The best form of the political structure for the country is not federalism like some advocate. But perhaps a unitary state system with decentralization and autonomy to be given to some principalities will be the best”²². Political profiles such as Mehmed Girei Sunch, Ibrahim Chulikov, and Tausultan Shakman, together with the Georgian Mensheviks, advocated a centralized state model that would emerge from the union of four Caucasian states, whereas the group *Kavkaz* led by Haydar Bammatt was advocating a cantonal administration model. The model of group *Kavkaz* was aiming to convert the Caucasus to Switzerland of the East. Bammatt and his group described the adherents of the Confederation Pact as a typical Marxist structure contrary to the realities of the Caucasus. Said Shamil himself admitted that a Confederation Pact excluding Armenia was the proof of a dispute

¹⁹ Байтуган Б. Под дымовой завесой демагогии // Северный Кавказ. 1935. № 14. С. 26–28.

²⁰ Байтуган Б. Историю творят люди // Северный Кавказ. 1937. № 38–40. С. 21–25.

²¹ Оленин В. Кавказ и Россия // Кавказ. 1935. № 12/24. С. 9–13.

²² Turan M.A. Balo Bilatti: Kuzey Kafkasya üzerine düşünceler. İstanbul, 2004. S. 3–39.

rather than an agreement, and he had criticized the members of NPGK who undersigned the Pact despite his opposition. Said Shamil was also infuriated with the developments in NPGK. His letter to Yılmaz Nevruz dated June 10, 1980, was a very clear sign of his disappointment. Said Shamil, in that letter, was complaining that during his absence from the Party administration due to his travels in Middle-Eastern countries to find support for the activities of the Party and his father's illness, some groups within the Party were engaged in rhetoric and practices contrary to his ideas. He was expressing that he was extremely uncomfortable with the fact that these people used his name even on the issues that he had seriously been opposed to in the past. Besides, he was mentioning of Haydar Bammât's efforts with appreciation. For these reasons, Said Shamil had resigned from the post of general secretary of NPGK²³. Ali Mardan Topchibashi's attempts to reconcile the parties as a mediator also did not produce any considerable results. As a result of the dissolution of the Pact group due to the Georgian-Armenian and North Caucasus-Azerbaijani factions, group *Kavkaz* had survived as the only tangible structure among the émigré groups.

Understanding the conditions of the North Caucasian political émigré groups in such a chaotic climate and the political maneuvers of the countries drifting towards another world war, by watching Hollywood and Soviet propaganda films cannot be possible. It is necessary to take into account all external factors to understand the political preferences of these groups, the alliances they have formed, and the organizations with which they were involved in the hope of finding support in the anti-Soviet struggle. First of all, we should not forget the role of the groups that took part in the revolutions that destroyed the Ottoman and Russian monarchies in the design of the alliances and hostilities that drove the world into the second great war.

Hence, we can start questioning by asking who were the allies of the Northern Caucasian émigré groups before World War II. The political balances in the world as of the first half of the 1930s do not allow us to give a clear answer to such a question. The capital groups, which were dragging the world towards a new great war, were constantly changing the balance of interests between states and making alliances constantly volatile. For example, France, who officially recognized the independence of the Georgian state during the 1919–1921 period and was one of the most trusted countries for North Caucasian political immigration, signed a non-aggression agreement with the Soviets on May 16, 1933, against the increasing German threat and

²³ Said Şamil'in tarihi mektubu // Birleşik Kafkasya. 1995. № 3. S. 51.

committed that they would not support anti-Soviet activities in their territory. After that date, Caucasian political refugees could never be comfortable in France as they were in the past²⁴. As we analyze the relations of the North Caucasians émigré groups with rival states in this uncertain environment, we can understand better how fragile these relations were.

Looking at the picture of World War II on the Russian front, one may think that Germans have made plans on the riches of the Caucasus and the peoples of the East from the very beginning. However, it is very clear that until the end of 1936 the Caucasus had no priority in the agenda of the Germans. Surprisingly, Japanese interest in the Caucasian cause and her support to the peoples of the Caucasus in the anti-Soviet struggle was very considerable. Due to the fragile relations between the two great allies of the war, Germany and Japan on the eve of the war, we cannot presume that the Germans had also adopted the Japanese attitudes in the Caucasus cause. Under the influence of Marshal Jozef Pilsudski, Poland tried to pave the way for right-wing movements sponsored by Japan and Nazi Germany, while initially embracing all Caucasian political refugees and later supporting the Promethean movement²⁵. Haydar Bammat received considerable financial support from the Japanese and Georgian businessmen such as Alexis Mdivani. He also had a kinship with Abdulmecid Chermoyev by marrying his niece and became the most influential activist of the anti-Soviet movement²⁶. While his group *Kavkaz* found many supporters among the Georgian political immigrants, the Armenian groups remained distant towards his group because of Bammat's ethnic belonging. Haydar Bammat, along with Alikhan Kantemir and Tamby Elekhoti, brought the group *Kavkaz* into an alliance with the Japanese and German states, but no single phrase praise could be found for Japanese imperialism or German Nazism in the group's publication, journal *Kavkaz*. As emphasized in the first issue of the magazine, the group's sole goal was to destroy the Soviet rule in the Caucasus. Alliances made for this purpose were only the tools on the way to achieve their aim. The politics that Bammat followed in the coming years would show that he was in a consistent course of action with his goal. Against all odds, the group *Kavkaz* did not take a radical rejection of Russia. The group was also aware that ignoring the geographical realities and the

²⁴ Mamoulia G. Les combats indépendandistes des caucasiens. Paris, 2009. P. 253.

²⁵ Ibid. P. 145–152.

²⁶ Mühlen P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, 1971. S. 29.

cultural and economic ties of the Caucasus with Russia would not be realistic. Despite Kemalist Turkey's close relationship with the Soviet Union, considering Turkey as a game-changer in the region who can compete with Russia, group *Kavkaz* did not freeze relations with Turkey and spent serious effort to keep contacts always warm. The group, which argued that the Japanese and Germans would not pose a threat to the nations under Soviet yoke, hoped that the British would also form a front with the Germans against the Soviets. Focusing only on the Caucasian issue, the group persistently avoided commenting against Nazi Germany's racist activities. The German press also continued to support the work of émigré politicians and *Deutsche Allgemeine Zeitung*, dated April 13, 1938, wrote praises for *Der Kaukasus*, the German version of journal *Kavkaz*: "connection with the fight against Bolshevism, the Caucasian problem (the dream of the Caucasian peoples to found an independent federal state) has become of the utmost significance... The group that brings out this paper approaches these difficult problems with a correct realization of the great responsibility they entail, as everyone should who realizes the lawfulness of this aim: the aim of these ancient cultured nations to achieve political freedom. This review is for all those who know something of the problems with which it is concerned, and all those who wage war on Bolshevism"²⁷.

In 1936, an anti-Comintern front agreement was signed between Germany and Japan. Thus, break out of a new World War became inevitable. Despite this situation, it was not possible to talk about any solid alliances between the states in question. Therefore, the North Caucasus political immigration was having difficulty in clarifying its preferences in such changing balances²⁸. Following the agreement signed by Germany and Japan, France and England signed a friendship treaty with Turkey in May and June the same year. These agreements frightened the Italians who had secret plans for the Balkans. The French-British-Turkish trilogy became more concrete with an additional agreement signed in October 1939. For that reason, the Germans decided to terminate the cooperation with Bamat's group whom they consider pro-Turkish. However, Turkey, under the heavy pressure of the Soviets, has not given any chance to work to the North Caucasian political immigration in her territory. At that time, Alikhan Kantemir and Osman Guba (Saidnurov) who were carrying on

²⁷ *Tutayev D.* The Soviet Caucasus. London, 1942. P. 165–167.

²⁸ Гайдар Бамат и журнал «Кавказ». Махачкала; Париж, 2010. С. 49, 73, 145–156, 179–181, 276–277, 558–559.

their work in Turkey, together with some other Soviet dissidents in Turkey belonging to other Muslim subjects of the USSR, were stripped of their Turkish citizenship as per the decree published in the *Resmi Gazete* (the Official Gazette) by the government of the Turkish Republic on September 24, 1938, and were deported on the same day. The decree that had been signed by Mustafa Kemal and the entire council of ministers stating that: "It having been ascertained that an attempt is made to use our country as the base for propaganda and for a revolutionary intelligence service directed against a friendly country and in favor and at the instigation of a third country, the Council of Ministers acting in response to proposals submitted by the Minister of the Interior has resolved to deprive the following persons of their Turkish citizenship". Alikhan Kantemir was caught, taken to the train station, and deported in the next two hours of the publication of the decree in the official gazette. The General Consul of the Soviet Union in Istanbul with a mocking smile on his face was among those who came to give farewell to deportees before the train left²⁹. Above all, a non-aggression agreement that was better known as the Molotov-Ribbentrop agreement in history, signed between the Germans and the Soviets in August 1939. After then, the anti-Soviet opposition groups could not perform any activity in Germany. Naturally, Journal *Kavkaz*, which moved its headquarters from Paris to Berlin in April 1939, had to stop its publications in July 1939, after publishing only three issues in Berlin.

World War II had begun on September 1, 1939, as a result, the British and French reacted against the invasion of Poland by the Germans. The North Caucasian political emigrants led by political figures of military origin such as Bahaeddin Hursh showed very strong resistance against the German occupation together with the Poles³⁰. The Soviets also started invading Poland from the east within the framework of the Molotov-Ribbentrop agreement. As per the same agreement, the Soviets were providing fuel and supplies to the Nazis as well. When the Soviets invaded Finland in November 1939, they became enemies with Britain and France. Oil facilities in the Caucasus that were covering 80% of the fuel needs of the Soviets, became the natural target of the British and the French. Britain was even tempting Japan to wage war on the Soviets in the east to break the Soviet combat power in the west. The Japanese were also planning to capture the Uighur region of

²⁹ Tutayev D. Op. cit. P. 174 –175.

³⁰ Çelikpala M. The North Caucasian émigrés between the world wars // International Journal of Turkish Studies. 2003. Vol. 9. No. 1–2. P. 313.

China and keep oil facilities in the Caucasus within direct airstrike range³¹. There were also serious allegations that the Japanese were financing Bammat and his group to organize sabotage actions against oil facilities in the Caucasus³². However, when the Germans captured Paris in June 1940 all these plans became null. The neutrality agreements that the Soviets signed first with Turkey on March 24, 1941, then with the Japanese on April 13, 1941, was a heavy blow to group *Kavkaz*. Stalin knew that conflict with the Germans was inevitable. He sought to delay this conflict as much as possible, to increase the combat capacity of the Soviets, and to expand their borders as much as possible. Although this situation was a great disappointment for the North Caucasian émigré groups, like all other anti-Soviet elements, Bammat, and his group hoped that the Germans would attack the Soviets after capturing Britain and liberate the Caucasus³³.

Adolf Hitler did not disappoint Bammat. On June 22, 1941, without even informing his allies Italy and Japan, he started the Barbarosa operation and entered the Soviet territory. Just 4 days before the Barbarosa operation started, Turkey signed the non-aggression pact with Germany and became a convenient workspace for Caucasian political refugees again. Germany had become the primary ally for the North Caucasian émigré groups as the Japanese war mechanism had concentrated on the USA. This situation served completely to the benefits of the Soviets. Relying on the fact that the Japanese would not pose any threat for the Soviets in the east, Joseph Stalin had the opportunity to take all his might to the west, to the German front.

The uprisings among the North Caucasian highlanders against the Soviet power had begun long before the Germans invaded the North Caucasus. Hasan Israilov (Terloev), a Chechen lawyer rebelled against the regime and took control of mountainous Chechnya. In February 1940, the rebels declared the Provisional Revolutionary State of Chechen-Ingush Peoples. Although the region fell in the hands of the Soviets at the beginning of 1941, three more uprisings occurred in the following six months³⁴. The Red Army had great difficulties in recruiting among the Chechens and the Ingush. Moscow did not trust the North Caucasians and did not want them to

³¹ *Mamoulia G.* Op. cit. P. 223.

³² *Kuromiya H., Mamoulia G.* Anti-Russian and Anti-Soviet subversion: The Caucasian-Japanese nexus, 1904–1945 // *Europe–Asia Studies*. 2009. October. P. 1430.

³³ *Mamoulia G.* Op. cit. P. 385–388.

³⁴ *Kuromiya H., Mamoulia G.* The Eurasian triangle Russia, the Caucasus and Japan, 1904–1945. Warsaw, 2016. P. 183.

Vassan Girei Jabagi. *Warsaw, 1930s*

be sent on strategic missions³⁵. Similar situations occurred frequently also in the Karachay region. World War II was seen as an opportunity for the mountain people living in their homeland, as well as political emigration who wanted to avenge the Bolsheviks for 1921 and get rid of Stalinist terror. So, uprisings against the Soviet power had started long before the Germans came to the region.

Contacts between the Germans and émigré groups to form legions from North Caucasian POWs began in late 1941. Said Shamil made the first contact with the Germans in August. Gn. Giorgi Kvinitadze, one of the Georgian members of group *Kavkaz* also contacted the Germans in October³⁶. The German diplomat Schulenburg, who has closely dealt with the cause of liberation of the Caucasus since World War I, organized a meeting in April 1942 in Berlin's famous Hotel Adlon to evaluate the mutual opportunities in the anti-Soviet struggle. As well as the Georgian, Armenian, and Azerbaijani representatives, Haydar Bammat, Said Shamil, Alikhan Kantemir, Vassan Girei Jabagi, and Ahmed Nabi Magoma had also participated in this meeting, representing the North Caucasian political émigré groups³⁷.

³⁵ *Marshall A.* The Caucasus under Soviet rule. London, 2010. P. 263.

³⁶ *Mühlen P.* Op. cit. S. 105, 121.

³⁷ *Глязов И.* Легион Идель-Урал. М., 2009. С. 213; *Dallin A.* German rule in Russia 1941–1945. Colorado, 1981. P. Viii.

Haydar Bammat demanded that the Germans should recognize the independence of the Caucasus immediately as a precondition for their cooperation. During the meeting, Bammat had whispered in the ears of his Georgian colleague Spiridon Kedia, “The silence of our Caucasian friends surprised me. Why they do not voice the independence demand of the Caucasus more strongly from the Germans? We must categorically demand the recognition of the independence of the Caucasus from the Germans... Otherwise, we cannot cooperate with them”³⁸. The prominent Nazi ideologist Rosenberg, who did not support Schulenburg’s ideas, interpreted Bammat’s attitude as “disloyal”. The two leading political profiles of the North Caucasian émigré groups, Haydar Bammat, and Said Shamil were disappointed because of the Germans’ approach. While Bammat was leaving for Switzerland, Said Shamil had returned to Turkey.

Yet, Alikhan Kantemir and Ahmed Nabi Magoma did not cut the communication off. The representatives of the four Caucasian states were requested to form separate national committees. The North Caucasian national Committee was established in early 1942 in Berlin. Ahmed Nabi Magoma was the chairman, and Alikhan Kantemir was the spokesperson of the Committee³⁹. The names like Vassan Girei Jabagi, Sultan Klych Girei, Kuchuk Ulagai, Tambi Elekhoti, Barasbi Baytugan, Halil-bek Musayassul, Cemaled-din Albogachiev, Said Amin Tukaev, and Lazar Bicherahov (Bicherati) had also fulfilled various responsibilities in the committee. At later stages, in addition to the representatives of the “old” post-revolutionary North Caucasian emigration, Soviet refugees like Abdurahman Avtorkhanov and Ramazan Trakho had joined the Committee as well. The Committee aimed to organize pro-German and anti-Soviet propaganda among POWs of North Caucasian origin, participation in the formation of the North Caucasian Legion, recruitment, and training of agents to be deployed to the rear of the Red Army. The periodicals “*Gorny Orel*” and “*Gazawat*” were published in the Russian and various native Caucasian languages throughout the war. The Germans did not want to lose the support of Bammat, Shamil, and Jabagi. They tried to negotiate with these figures once again in the summer of 1942. However, these attempts to find compromise had also failed⁴⁰. Despite there has been no agreement settled between Nazi Germany and the émi-

³⁸ *Mamoulia G.* Op. cit. P. 233–234.

³⁹ *Mühlen P.* Op. cit. S. 125–129.

⁴⁰ *Hoffmann J.* *Kaukasien 1942/43: Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion.* Freiburg, 1991. S. 186.

gré groups, the allies, who failed to support Caucasians in the anti-Soviet struggle, at the first opportunity labeled the Caucasian cause as “Hitler’s Caucasian Allies” and tried to portray the Caucasian émigré groups as Nazi propagandists⁴¹.

For the members of the émigré groups who preserved contacts with the Nazis, Germany seemed to be the only option for the liberation of the Caucasus.

After the meeting held in the summer of 1942, the principles of the policies to be implemented in the Caucasus were discussed and the basic principles of German propaganda in the Caucasus were determined:

“1. The German Empire considers the Caucasian peoples as friends and allies.

2. The German armed forces will protect the Caucasian peoples and save them from Bolshevik persecution.

3. Without German help, the peoples of the Caucasus cannot exterminate the oppressive imperialism of the Bolshevik, the Russian, and the British.

4. All national, cultural, and economic freedoms are guaranteed. German protectionism is required to secure these freedoms. Traditions of the natives will be respected. Caucasian peoples will speak their mother tongue and receive education in their language. Unlimited freedom of worship will be given. Churches and mosques will reopen.

5. The right to self-government will be given and this right will be under German guarantee.

6. Kolkhozes will be abolished.

7. Unlimited commercial freedom will be introduced.

Take the ranks of the Germans with whom your brothers are already cooperating and support the German troops!

Ally with Germany and live under the protection of the Great German Empire and Adolf Hitler.

Long live the Free Caucasians!”

Especially the last sentence of this propaganda text caused Alfred Rosenberg’s reaction. In this text, the Caucasians were promised freedom, and that shouldn’t be the case. Eventually, Rosenberg managed to persuade Hitler of the inaccuracies of this text. The text was revised and objectionable parts were removed. Despite this censorship, we witness in the written communi-

⁴¹ *Kalmer J.* Hitler’s Caucasian ‘allies’ // *Free Europe-Fortnightly Review Of International Affairs.* 1942. Vol. 6. No. 79. P. 172.

German Occupation Zone. November 1942

(Dallin A. German rule in Russia 1941–1945. Colorado, 1981. P. 245)

cations between Ernst von Weizsaecker and Joachim von Ribbentrop dated April 17, 1942, that Berlin decided to establish puppet governments in the region in September 1942 and allowed the use of wordings such as “freedom” and “independence”⁴².

The statements of General Heinz Hellmich, the commander of the Eastern Forces, clearly demonstrated the German perspective on the legions: “Let them sacrifice their blood for us, which is the best they have to give. That is all they are good for”⁴³.

In the first place, the North Caucasians, who took part in these German legions, were mostly Soviet POWs. Compared to other Caucasian peoples, especially Armenians and Georgians, the number of North Caucasian POWs who joined the German legions was very small in quantity. There were two main reasons for the POWs to join these legions: 1. Instead of remaining among the Soviet POWs and dying disgracefully in German death camps, fighting for the ideal of the free Caucasus was a more honorable choice. 2. They all knew well that the NKVD would not let them survive even if they would survive the war.

German troops and legionnaires reaching the gates of the North Caucasus in August 1942, managed to control completely the line from Anapa to Malgobek in a short period of 3 months.

⁴² Archiv des Auswärtigen Amts. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918–1945. Notes of Weizsaecker for Ribbentrop. Serie E. Vol. II. Doc. No: 147. L. 246–247.

⁴³ *Abramyan E.* Forgotten legion: Sonderverbaende Bergmann. New York, 2007. P. 11.

In the early stages of the war, the Moscow administration kept the North Caucasians away from strategic missions because they did not trust them. However, in August 1942, the Red Army, unable to resist the German attacks, decided to enroll Chechens and Ingush into the military service, and 40% of the total population had forcibly been recruited⁴⁴. Similar practices were also valid for the other regions of the North Caucasus. While the number of highlanders who came as legionnaires with the German troops was limited to a few hundred people, because of these communist practices that justified German propaganda and to rescue from the Stalinist terror, the people turned to the Germans and the number of legionnaires increased significantly with the participation of the local people. In one of those cases, despite he was at the commanding post of legionnaires, Gn. Sultan Klych Girei addresses the local people who wanted to join the Germans and said: “Don’t put yourselves in an adventure by relying on the Germans and don’t be enemies with your neighbors. In the end, you will have to continue to live with them in these lands”⁴⁵.

Klych Girei was right. The Germans had to return as fast as when they came. By the beginning of 1943, the Red Army managed to oust the Germans from the areas they occupied one by one. After the defeat of Stalingrad in February, the discipline of the German armies was completely dissolved and the armies began to flee irregularly westward, deep into Europe.

As soon as the German troops left the country, in November 1943, first the Karachay and then the Chechen and the Ingush people on February 23, 1944, finally, by driving the Balkars on March 8, 1944, en masse to concentration camps in Central Asia, “traitors” were punished⁴⁶. Although the number of other Soviet subjects in the German legions were much higher than the North Caucasians, Moscow did not commit a similar punishment against them. While tens of thousands of people perished on the roads, approximately 100,000 people died in the first three years of the exile⁴⁷. The exile of the Vainakhs with the allegations of cooperation with Germans and

⁴⁴ Филькин В.И. Партийная организация Чечено-Ингушетии в годы борьбы за упрочение и развитие социалистического общества (1937 — июнь 1941 г). Грозный, 1963. С. 42.

⁴⁵ Notes taken by the author during his interview with Khanyko Bore in Maikop, the capital of the Adygea Autonomous Republic in 1996.

⁴⁶ Nekrich A.M. The punished peoples. London, 1976. P. 103–105; Kolarz W. Russia and her colonies. London, 1953. P. 193; *Conquest R.* The nation killers — the Soviet deportation of nationalities. London, 1960. P. 87–98.

⁴⁷ Naimark N.M. Fires of hatred: ethnic cleansing in twentieth-century Europe. Boston, 2001. P. 96–97.

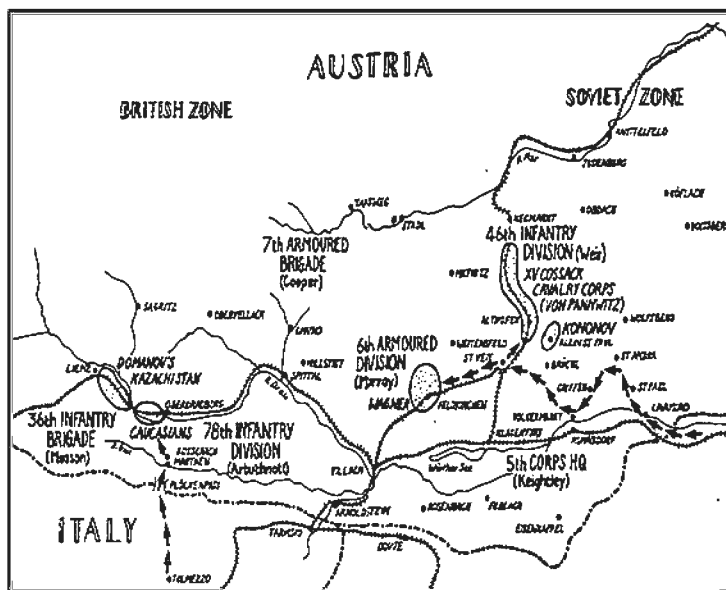
North Caucasian Volunteers in German legions. *Kislovodsk*, 1942

treason was the greatest evidence of the Stalinist regime's shift from the class punitive system to the ethnic punishment system⁴⁸. Because the German occupation has not gone beyond Malgobek and there had been no German occupation in Chechen-Ingush territory. Apart from the small number of Chechens and Ingush in the German legions in occupied regions, the Vainakhs as a whole has never had a decisive role to facilitate the occupation. If the punishment was based on the rate of joining the German legions, then other Soviet subjects should have been punished according to the proportion of their personnel they gave to these legions.

When it became clear that the Germans would lose the war, the notable figures of the North Caucasus political immigration began to contact the US officials. Since the USA has always considered the Soviet Union as a rival and potential enemy, the idea of taking advantage of such nations was extremely favorable⁴⁹. Turkey had also understood that the war would result in the victory of the Allies, and on February 23, 1945, had declared war on Germany. As of February 1945, members of the North Caucasus political emigration contacted the Red Cross officials in Geneva to ensure the safety of the North Caucasian refugees fleeing into Europe with the German legions. But the fate of those refugees had already been determined in Yalta in

⁴⁸ Terry M. The origins of Soviet ethnic cleansing // *Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70. No. 4. P. 820–859.

⁴⁹ Burds J. The Soviet war against fifth columnists // *Journal of Contemporary History*. 2007. Vol. 42. No. 2. P. 311–338.

Settlements of Soviet refugees in the Drau Valley
(Tolstoy N. Victims of Yalta. New York, 1977. P. 4)

the first half of February, by collusion between Franklin Roosevelt, Winston Churchill, and Joseph Stalin.

Gerhard von Mende, responsible for Caucasians in the Ministry of Eastern affairs of the Nazi administration, states that approximately 100,000 Caucasians were returned to the Soviet Union. Most of the prominent historians consider this number is quite low⁵⁰. Gn. Koestring, who replaced Gn. Hellmich in 1944, and was appointed as the commander of the Eastern Front when the war has already been lost, made the following statements in a speech with a Colonel from the US army regarding the victims who were returned to the Soviet Union: "It may easily happen that in the near future, you will be calling for what is now perishing..."⁵¹

The massacre in Drau could not be voiced and understood in the international community for many years due to the accusations that the people who lost their lives in this tragedy were Nazi collaborators. The historical development of the events that forced these people to become Nazi collaborators was not adequately analyzed. With concerns of writing popular historiography and the efforts of states who try to construct biased official historical theses, it has always been missed from the attention that these "collaborators" were purely anti-Stalinist patriots. Indeed,

⁵⁰ Mühlen P. Op. cit. S. 227.

⁵¹ Abramyan E. Op. cit. P. 11.

Ramazan Trakho, an Adygean prominent linguist who accompanied the retreating Germans in 1943 was writing the very clear explanation about the view of the refugees: "Citizens of the Soviet "paradise", exhausted by the weight of the working conditions and tired of the terror; the workers and peasants had been waiting for the war for years that would save them and give them freedom. Who will start the battle, who will come from, and where did not matter for them. That day, when they had been waiting for years, finally came. The Germans declared war on the Soviets. Worried, but also joyful, this news quickly spread over the vast territory of the Soviet Union. What kind of people Germans are, what they will do after they arrive, nobody knew or even thought about it... But despite this, everyone took a deep breath"⁵².

After the Stalingrad defeat in February 1943 on the Eastern Front of World War II, the German troops in the North Caucasus began to retreat, likewise all other German troops within the USSR territory.

The legions that were formed in the earlier stages of the war from the captured Soviet soldiers, joined the retreat along with the Germans. Among these, there were legions from the peoples of the East, as well as soldiers from the Georgian, Armenian, and North Caucasus peoples. Soviet opponents, who joined the Germans during the occupation of the North Caucasus, also took part in this retreat with their families. The grueling flight of this group of approximately 35,000 people, consisting of diverse Soviet subjects, from the Red Army in their pursuit took more than two years. With the fall of Berlin and the announcement of the end of World War II, the group took refuge in the Drau valley, located between the Austrian cities of Linz and Oberdrauburg. Refugees were deployed in separate camps according to their ethnic belongings. A group of about seven thousand North Caucasians gathered in a camp in Oberdrauburg, adjacent to Dumanov's Cossacks⁵³.

There were only six hundred men in the group who were carrying arms. All the rests were women and children⁵⁴. The Germans command left the group to their fate and escaped. The North Caucasians were led by Sultan Klych Girei, one of the prominent commanders of the «Wild Division», and the Volunteer Army, and the Union of the Highlanders of the North Caucasus during the 1916–1921 period. Besides Sultan Klych Girei, many mili-

⁵² *Trakho R.* From Stalingrad to Berlin // *Kafkasya (Der Kaukasus)*. 1951. No. 2–3. S. 31.

⁵³ *Ботани Х.* Проклятая поляна. М., 1993. С. 145–147.

⁵⁴ *Краснов Н.* Незабываемое. 1945–1956. Сан-Франциско, 1959. С. 23.

The weapons confiscated from the Soviet refugees.

Oberdrauburg, May 28, 1945 (Науменко В.Г. Великое предательство. Нью-Йорк, 1962)

tary and political figures like Gn. Kuchuk Ulagai who had to emigrate West after the 1921 Bolshevik invasion, had become a part of this tragedy⁵⁵.

During the meetings in the village Spittal, the British command had promised Gn. Klych Girei that the North Caucasians will be released, and sent to the Middle Eastern countries. They had also promised to provide material and food aid. Though the area where they took refuge was in the British occupation zone, they felt the breath of the Red Army troops, who had advanced to Slovenia, behind their backs. All of a sudden, The British forces surrounded the camps with barbed wires and collected the weapons from the refugees⁵⁶.

The refugees, who hoped that they would survive this dirty war by surrendering to the British, were unaware of the secret agreement between Joseph Stalin, Franklin Roosevelt, and Winston Churchill at the Yalta Conference in February the same year⁵⁷. As per the deal, Soviet citizens captured in the German ranks were to be returned to the Soviet Union. Soviet anthems were echoed through loudspeakers of the Red Army vehicles approaching the camps on the morning of May 25, 1945, and made an announcement: "Soviet Citizens! All necessary preparations have been made to return you to the homeland. Get prepared as soon as possible!"

⁵⁵ *Ramazan M.* Bir Kafkas göçmeninin anıları. İstanbul, 1997. S. 76.

⁵⁶ *Науменко В.Г.* Указ. соч. С. 256–257.

⁵⁷ *Bethell N.* The last secret. New York, 1975. P. 62.

General Sultan Klych Girei. *Germany, 1942*

Immediately after that, the officers of the North Caucasian command led by Sultan Klych Girei were driven to the British headquarters in Spittal. There they were informed about the terms of the Yalta treaty and offered an evil deal. Gn. Kuchuk Ulagai had previously received the Albanian citizenship. So, he avoided extradition because he was not a citizen of the USSR. The British made a similar offer to Sultan Klych Girei because he has also never been a citizen of the USSR. They asked him to serve the United Kingdom after the war. There Sultan Klych Girei made a historic speech to the British: “My men are brave soldiers. They are ready to sacrifice their lives for the freedom of the Caucasus. My ancestors were martyred while fighting against the yoke of the Tsars. These friends of mine fought day and night for the same purpose as me. Their blood is my blood. We shared that honor when we fought together. Now I will share the same fate with them. I cannot live here like a coward and betray my nation while they are executed by Red death squads. One day you will realize that the Soviets are not your true friends. But it will be too late. While committing this crime today, you are becoming as guilty as the Soviets. We were always together with my men in the days when we triumphed against Bolshevism. Now I can’t leave them alone as they go to die. I will march towards the Red executioners in their front again. I cannot grant this honor to anyone”, and marched to death in front of the group handed over to the Soviets⁵⁸.

⁵⁸ *Hızal A.H. Kuzey Kafkasya hürriyet ve istiklal davası. Ankara, 1961. S. 119.*

Gn. Klych Girei gave very strategic documents to his nephew Khanyko Bore in a suitcase and organized his escape from the camp. But Bore was immediately caught, and he accompanied Klych Girei on his death journey. Bore, who lived in captivity in Siberia for many years, managed to survive in difficult conditions and returned his homeland, Adygea in the late 1980s. I had the opportunity to listen to his story in Adygea in the early 1990s⁵⁹. Unfortunately, the suitcase full of strategic documents was lost eternally in the waters of the Drau river.

The images of people who are dragged towards Soviet trucks by bayonet were inhumane. Children and women crying and hugging each other, those who chose death by cutting their veins or jumping into the Drau River instead of being handed over to the Reds were creating scenes of shame for humanity. In this chaotic environment, some refugees managed to escape to the woods. After the camp was evacuated, the looted belongings of the refugees remained on the ground⁶⁰. Most of those who were returned to the USSR were executed after being tried in fake courts of the Communists.

Those who avoided the executions had to live in the deadly living conditions in the Gulags⁶¹. Based on the court decision dated April 19, 1943, Gn. Sultan Klych Girei, Gn. Shkuro, Gn. Krasnov, Gn. Dumanov, some of the prominent Cossack commanders, and German SS officer Gn. Helmuth von Panwitz was hanged and executed in Moscow on January 16, 1947⁶². The appeal for the rehabilitation of Sultan Klych Girei was discussed at the session of the Supreme Military Court of the Russian Federation on December 25, 1997, and the request was rejected.

According to the “Great Patriotic War” teachings of the Soviets, hundreds of thousands of people, like the North Caucasians in Drau, were accused of being collaborators of the fascist German Nazis and being the enemies of the nation and were punished with the most brutal methods that the humanity has ever seen. Among the North Caucasians, those who survived lived difficult lives in refugee camps until they find refuge in countries like Turkey and Jordan⁶³. However, they could not find any kind of peace in the countries they took refuge in. They became subjects of a relentless manhunt

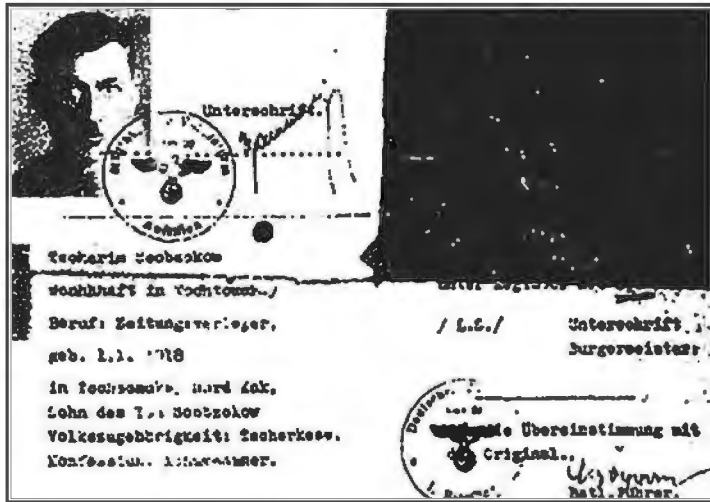
⁵⁹ Notes taken by the author during his interview with Khanyko Bore in Maikop, the capital of the Adygea Autonomous Republic in 1996.

⁶⁰ *Аслан-Бек. Выдача горцев Кавказа // Часовой. 1978. № 613. С. 11–13.*

⁶¹ *Tolstoy N. Op. cit. P. 450.*

⁶² *Правда. 1947. 17 января; Беджанов М. Генерал Султан-Гирей Клыч. Краснодар, 1999. С. 362–363.*

⁶³ *Ramazan M. Op. cit. S. 113–144.*

The ID card of Tschirim Soobzokov issued by German Army officials.
(Records of the Central Intelligence Agency. RG 263. Entry ZZ 16. Box 49. Vol. 1. File 5. L. 3)

for years in the post-war period and some of them were hunted by paramilitary revenge groups although there has been no single evidence that they committed any war crimes.

One of the most striking of these figures was Tschirim Soobzokov. When we followed the footprints of Tschirim Soobzokov, we found slightly varying stories about his past. The reports that were written about him by the third bodies in periods November 1947 and July 1949 consisted of contradictory information with his biographical testimony that he had given to the US officials in 1958⁶⁴. Thinking of his mood in post-war syndrome, I doubted that the reports kept in the late 1940s may be erroneous. So, I considered his biographical testimony as a reliable source that was directly penned by him and dated October 22, 1958.

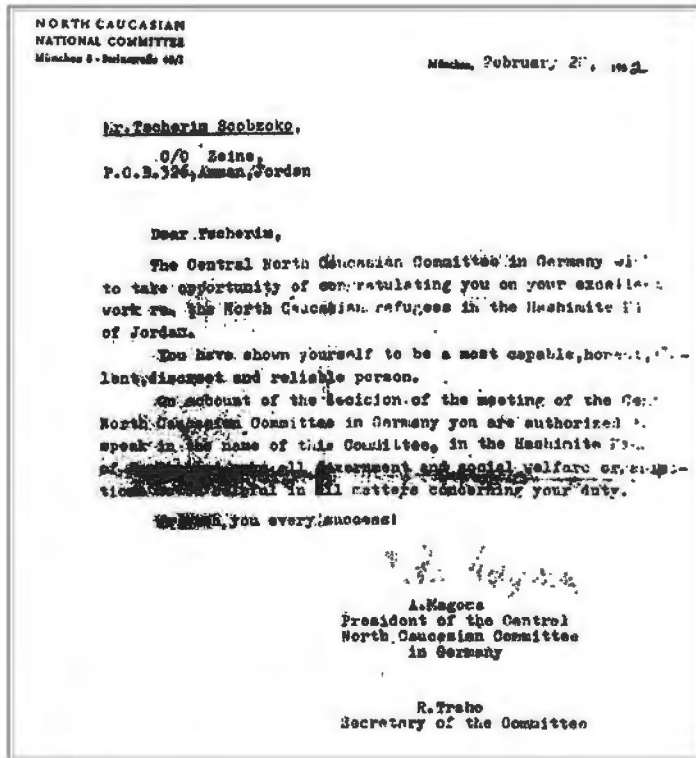
Tschirim Soobzokov (Soobzokov is the Russified version of his surname; the original family name in Circassian Language is Shaopt's'akho) was an ethnic Circassian, born on August 24, 1924, in the village of Takhtamukay in Adygea in the North Caucasus. He had six sisters and four brothers. Only one of his sisters and brothers, Suret and Mos Soobzokov had survived. While one of his sisters died during the birth, the rest died cholera Epidemia in 1921. His father, Hamisyko Tu belonged to the "kulak" class according to the Soviet standards. As a result of the collectivization, their property was

⁶⁴ A written communication among the US officials including a report about Kerim Soobzokov, stamped with the date October 25, 1947 in Rome and May 24, 1948 Amman; The Report issued by The US officials in Beirut – Lebanon on July 28, 1949 with number RLB 1381. The copies of the reports are present in the author's personal archive.

confiscated, and transferred to a *kolkhoz*. After having heard of the outbreak of the war on June 22, 1941, he was ordered to go to Smolensk to present himself to the drafting board (*voenkomat*). Instead, Tscherim went to his hometown where he stayed until fall 1941. There he had been taken into a labor battalion and worked for digging trenches and building fortifications. When he heard that they will be transferred to Crimea, he deserted from the labor battalion and started to hide in the woods near his hometown. The Germans seized Adygea in August 1942. He joined to local militia against the Red Army and served there for the Germans until January 1943. Then, he joined the German Army as a lieutenant (see image).

Tscherim had exaggerated his former experience in the Soviet army and convinced the Germans to appoint him as a platoon commander. When the Germans started to retreat, Tscherim was fighting for the defense of the Kuban bridgehead. He was wounded in August 1943 and taken to a German military hospital in Melitopol – Ukraine where he stayed until November. In the last quarter of 1943, the Soviets occupied his hometown after the retreat of the Germans. A group of Soviet partisans who entered the village executed Tscherim's father, with false allegations of collaborating with the Germans. Tscherim was not there at the time that his father was executed and could not learn this tragic event for a long time.

After Tscherim had recovered, he was sent to a special military formation called "*Bergmann*" near the city Nikolaev, where the other North Caucasian volunteers were gathering as well. In the same period about three thousand civilians mostly consisting of Circassians who were fleeing from the Red Army, gathered around Odessa and they were hoping to go West. Tscherim had been appointed by the Germans to lead the masses. They traveled together up to Ploesti – Romania all along the first half of 1944. During this trip, Tscherim got married to Hoshnasho Dzhamirze originally from the town Pchegatlukuay in Adygea which was very close to his hometown. In Ploesti, the Germans abandoned their train from traveling as they needed the wagons for themselves. So, all refugees scattered around and were trying to find ways to save their lives. Tscherim, together with his wife, brother, and three friends from his hometown managed to reach Berlin, where he reported himself to North Caucasian National Committee. He could have shelter for his travel companions in Berlin while he was given a mission by the headquarters of the Caucasian Volunteer Units to fetch volunteers among the Caucasian origin POWs in July 1944. After spending one and a half months between the camps, he returned to Berlin without any success. It had become apparent that Germany was about to lose the war and nobody

The letter of North Caucasian national Committee. *Munich, February 1952*

wanted to join the legions anymore. He then contacted Gn. Kuchuk Ulagai who was serving in Waffen SS as a Colonel, commanding the North Caucasian Division under the formation process and arrived in Austria in March 1945. There his wife gave birth to their first baby. In the meantime, the refugee group including his father-in-law which scattered around Ploesti had also managed to reach Austria. At the end of April 1945, they all gathered in Oberdrauburg on the banks of the river Drau. When the camps were surrounded by the British troops and it had become evident that they would be handed over to the Soviets, Tscherin, his family, and about 40 compatriots managed to escape from the camp of the North Caucasians and found shelter in the camp of the Greeks in Villach, where they disguised themselves as Greeks. Thus, other than his father-in-law, they managed to rescue themselves from the massacre in Oberdrauburg. His father-in-law was among the ones extradited to the Soviets.

However, this escape did not mean complete salvation. They went to south Italy and applied to the Greek consulate. Their application was refused by the Athens administration. Then, they tried their chance with the Turkish consulate in Naples, but they were even not able to see the consul. The consul was tired of listening to people who wanted to go to Turkey.

During the time they stayed in Italy, they earned their lives with black-marketeering.

Italy also became an insecure place for them when communists became the strongest political group in 1947. Finally, with the permission obtained from King Abdullah of Jordan thanks to the members of the Circassian community there, a group that consisted of 57 people, traveled to Jordan in December⁶⁵. He went through many jobs and spent quite a long time jobless in Jordan. The CIA first contacted Soobzokov for employment in December 1950 and began screening him as a potential agent. The North Caucasian Committee in Munich with a letter dated February 1952, was congratulating T. Soobzokov for his excellent work to save the lives of a refugee group by achieving to transport them from Italy to Jordan. Committee also had authorized T. Soobzokov to represent North Caucasian National Committee in Jordan officially⁶⁶ (see image).

This made T. Soobzokov a more attractive profile for the CIA who was aiming to manipulate the North Caucasian diaspora against USSR and looking for leader profiles to mobilize the masses for this cause.

In December 1952, Soobzokov, under the cryptonym, “*Nostril*” completed a recruiting exercise in which he was unknowingly being evaluated. Soobzokov continued to run contact and recruitment operations for the CIA in Jordan up to 1955 and expected to perform anti-Soviet activities among the Circassian diaspora and middle-eastern countries. At the end of 1955, he moved to the USA with his family and settled down in Paterson where a large Circassian community was living. He also had difficulties finding a job in the USA. When the CIA approached him in 1956 and offered him to be an agent, Tscherim did not have other options and had to accept the proposal⁶⁷. However, some people continued to dig the past of Tscherim Soobzokov in the CIA by using his controversial statements about his life story against him. Interrogators started to apply lie-detector tests on him. According to the CIA documents dated February 23, 1956, Soobzokov persistently refused that though he had served under the Germans, he had not harmed anyone who was not a communist. He committed no war crimes⁶⁸. When the CIA offered him a job, they already knew his

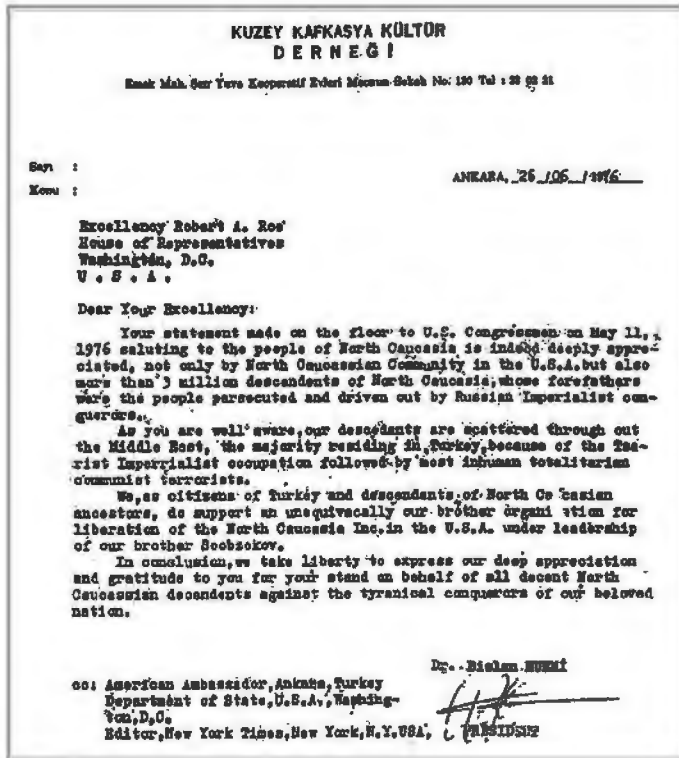
⁶⁵ The dispatch of British Legation in Amman. No: 117 (G/7058/47), dated 26 November 1947. The copies of the dispatch are present in author's personal archive.

⁶⁶ Records of the Central Intelligence Agency. RG 263. Entry ZZ 16. Box 49. Vol. 1; Files 30–34, 35. L. 1.

⁶⁷ *Lichtblau E.* The nazis next door. Boston, 2014. P. 41.

⁶⁸ Records of the Central Intelligence Agency. RG 263. Box 123. Vol. 1.

The letter of Kuzey Kafkasya Kültür Derneği. Ankara, June 26, 1976

wartime connections with the Germans very well. But now some people were looking for a scapegoat and Tschirim seemed to be the most suitable profile for this.

As expected, the information leaked to the media, and reporters had come knocking on Soobzokov's door in Paterson to ask him whether the allegations were true. Then, the Jewish Defense League appeared on the stage and started demonstrations, wielding placards outside Soobzokov's home and his office. Death threats to his home and office became a daily routine. Then, someone mailed Soobzokov a package of a cigar box. Inside a note read, "Buddy, you didn't kill enough of them". It was a homemade bomb. The situation was growing more volatile by the day. After four years of fits and starts in the case, the Justice Department was facing intense pressure from all sides to do something. A grand jury in New York had already declined to bring criminal charges against Soobzokov, but prosecutors in Washington brought a civil lawsuit seeking to strip him of his citizenship and deport him from the country. The Justice Department charged Soobzokov with "willfully concealing his membership in the German SS during the war from the authorities." During this time, a book by Howard Blum, "Wanted", was published from a publisher owned by the New York Times Company. In a note

Tschirim Soobzokov.
Paterson, New Jersey, USA, January 1985
 (Image courtesy of Soobzokov family)

on the first page of the book, Blum was emphasizing that “It’s a true story” without waiting for the result of the court cases⁶⁹. So, Tschirim Soobsokov has already been convicted in the conscience of the public.

The letter that was written by the president of the North Caucasian Cultural Association in Turkey to Robert Aloysius Roe, a member of the U.S. House of Representatives, and to the Ambassador of USA in June 1976 has been showing us clearly that the CIA was aiming to gain the support of the Turkish diaspora to North Caucasian Liberation Committee in the USA under the leadership of T. Soobzokov⁷⁰ (see image).

So, the CIA had already known that T. Soobzokov was a well-proven North Caucasian patriot with anti-Communist sentiments rather than a Nazi war criminal.

Finally, on December 5, 1979, twenty-four years after he had come to the USA, prosecutors were ready to move ahead⁷¹. They even looked to bogus Soviet documents to condemn him. They officially demanded shreds of evidence against him from the Soviets. It was not hard for the Moscow ad-

⁶⁹ *Blum H.* Wanted, the search for Nazis in America. New York, 1977. P. 1.

⁷⁰ Records of the Central Intelligence Agency. RG 263. Entry ZZ 16. Box 49. Vol. 3. File 62. L. 1.

⁷¹ *Lichtblau E.* Op. cit. pp. 110–112.

Opening of Memorial of the Drau Massacre.
From left to right: President of the Associations of Muslims of Western Europe
Ibrahim Gacaoglu and the Mayor of Irshen.
Irshen (Spittal, Austria), October 24, 1960 (Birleşik Kafkasya. 1965. № 5. S. 44)

ministration to obtain testimonies against him signed even by his relatives. So, it happened. His father-in-law and his nephew had to sign testimonies with fake accusations against him. When Tscherim was about to kneel, CIA's last-minute discovery of the records showing he had admitted his Waffen SS membership when he came to the USA, proved his innocence. After being freed of his troubles, Tscherim declared a legal war against his accusers. He won the libel lawsuit against the publishers and he received a check for US\$ 450.000 on June 14, 1983⁷². Nevertheless, his hunters never gave up.

On August 15, 1985, around 4:30 a.m., Tscherim's neighbors figured out that his car was burning in front of his house, and warned him about it. When Tscherim rushed outside to see what was going on a massive explosion of a pipe bomb echoed through the night. An ambulance rushed him to a nearby hospital. Somehow, he had survived the bombing but he had deadly wounds. Twenty-two days after the bombing, on September 6, 1985, at 9:21 a.m., Tscherim Soobzokov died at the age of sixty-one⁷³.

Although all the accusations were based on abstract, conceived, and bi-ased allegations, even though 35 years have passed since the court's acquittal

⁷² The Record (New Jersey). 1983. 28 June.

⁷³ The murder of an innocent // Instauration. 1986. Vol. 11. No. 9. P. 7; *Lichtblau E.* Op. cit. P. 174–176.

verdict some scholars have still been trying to present these false accusations as evidence against Tscherim Soobzokov, in their so-called “academic” and “scientific” theses⁷⁴. Ironically, Tscherim’s struggle for freedom, which could not be suppressed by either Stalin’s NKVD or the World War, was crushed by the “Free World”.

Thanks to the great efforts of the leaders of the émigré groups in Europe and the diaspora NGOs in countries like Turkey and Jordan, many people who had shared the same fate with Tscherim Soobzokov were saved. Unfortunately, the success rates were far below the number of people who were extradited. Nevertheless, some of the people who were saved from extradition in the first hand were also handed over to the Soviets as a result of the secret deals behind the doors in the later stages. Likewise, Drau, similar tragedies had been experienced even in a country like Turkey where the Caucasian diaspora had always been very influential in governmental bodies. With the decree signed by the Turkish Government on May 21, 1945, the two hundred and forty-three refugees who thought that they found the safe-heaven for themselves in Turkey, had also been returned to the Soviets in August of the same year⁷⁵. These tragedies caused fatal traumas in the public memory of the North Caucasian diaspora. Besides, the diaspora had learned many unknown details about the forced deportations of the Caucasian nations en mass in 1943–1944 from these refugees. So, the refugees were like the symbols of the victims of the whole Stalinist violence. However, the stimulative factor of this tragedy soon faded away. The emigre groups could not be organized well and become one voice during the cold war period either. The chaotic structure of the Caucasian diaspora organizations also caused reluctance in the anti-Soviet block to cooperate with the Caucasian diaspora at the institutional level. Although many Caucasians occupied important posts in the intelligence services of countries like Turkey, Jordan, Syria, and the USA, their services for the anti-communist block did not produce any remarkable results for the unity of the Caucasian nations and saving their compatriots from the Soviet yoke. On the contrary, the Soviet propaganda machine had managed to penetrate the diaspora through the Soviet institutes like *Rodina* and some radio broadcasts for the diaspora elements during the 1960s and 1970s.

⁷⁴ *Albanese D.C.S.* In search of a lesser evil: anti-Soviet nationalism and the Cold War. Doctoral dissertation. Northeastern University. 2015. P. 157, 167, 170–172.

⁷⁵ Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık Cumhuriyet Arşivleri. Sovyet Rusya’ya iade edilecek mülteciler hk. karar. İçişleri Bakanlığı, 30/07/1945 tarih, 874/1416 dosya, 40125 no’lu karar. Fon 0301000 Kutu 117, Defter. 815, S.20.

The acute Soviet opposition was replaced with Soviet friendly groups also in the diaspora who were illusioned with the false propaganda claiming that the Soviet regime has had a progressive influence in the lives of the Caucasian highlanders.

The image of these victims was quite different for many people in the North Caucasus. Because throughout the Soviet regime it was strictly ordered to forget. So, even today there are still many people in the North Caucasus who are unaware of these tragedies.

Intellectuals who knew about it, prefer to keep silent for the time being..

REFERENCES

1. *Abramyan Ed.* Forgotten legion: Sonderverbaende Bergmann. New York: Bayside, 2007. 140 p.
2. *Albanese D.C.S.* In search of a lesser evil: anti-soviet nationalism and the Cold War. Doctoral Dissertation. Northeastern University. 2015.
3. *Avcioğlu D.* Milli kurtuluş tarihi. Vol. 2. İstanbul: Tekin Yayınevi, 1978. 896 p.
4. *Babich I.L.* Caucasian émigrés in the Russian masonic lodges in France (1922–1939) // *The Caucasus & Globalization. Journal Of Social, Political, and Economic Studies.* 2014. Vol. 8. № 3–4. P. 92–109.
5. *Babich I.L.* Severokavkazskaya naciya v evropejskoj emigracii (1917–1930-e gody): mif ili real'nost' [The North Caucasian Nation in European Migration (1917-1930s): Myth Or Reality] // *Obshchestvo rak ob'yeht i sub'yeht vlasti. Ocherki politicheskoy antropologii Kavkaza.* [Society as an object and subject of power. Essays on the political anthropology of the Caucasus]. Sankt-Peterburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye, 2012. 376–402 p.
6. *Bethell N.* The last secret. New York: Futura Publications, 1975. 287 p.
7. *Blum H.* Wanted, the search for Nazis in America. New York: Quadrangle, 1977. 241 p.
8. *Burds J.* The Soviet war against fifth columnists // *Journal of Contemporary History.* 2007. Vol. 42. No. 2. P. 267–314.
9. *Conquest R.* The nation killers. London: Macmillan & Co, 1970. 222 p.
10. *Çelikpala M.* The North Caucasian émigrés between the world wars // *International Journal of Turkish Studies.* 2003. Vol. 9. No. 1–2. P. 287–314.
11. *Dallin A.* German rule in Russia 1941–1945. Colorado: Westview Press, 1981. 707 p.
12. *Gilyazov I.* Legion Idel'-Ural [Idel-Ural Legion]. Moscow: Veche, 2009. 299 p.
13. *Hızal A. H.* Freedom and independence struggle of the North Caucasus. [Kuzey Kafkasya hürriyet ve istiklal davası]. Ankara: Orkun Yayinlari, 1961. 163 s.

14. *Hoffmann J.* Caucasus 1942/43: The German army and the eastern peoples of the Soviet Union. [Kaukasien 1942/43: Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion]. Freiburg: Rombach, 1991. 534 s.
15. *Filkin V.I.* Partiy'naya organizatsiya Checheno-Ingushetii v gody bor'by za uprocheniye i razvitiye sotsialisticheskogo obshchestva (1937 iyun' 1941 g) [Party organization of Checheno-Ingushetia during the struggle for the consolidation and development of socialist society (1937 June 1941)]. Grozni: Checheno-Ingushskoye knizhnoye izd-vo, 1963. 146 p.
16. *Kalmer J.* Hitler's Caucasian 'allies' // Free Europe-Fortnightly Review of International Affairs. 1942. Vol. 6. No. 79. P. 172.
17. *Kohn H.* Pan-slavism: its history and ideology. New York: Vintage Books, 1960. 468 p.
18. *Kolarz W.* Russia and her colonies. London: Archon Books, 1953. 335 p.
19. *Kumuk C.* Neredesin Prometheus? [Where are you Prometheus?]. İstanbul: Alfa Yayinlari, 2004. 344 s.
20. *Kuromiya H., Mamoulia G.* Anti-Russian and Anti-Soviet subversion: The Caucasian-Japanese nexus, 1904–1945 // Europe-Asia Studies. 2009. October. P. 1415–1440.
21. *Kuromiya H., Mamoulia G.* The Eurasian triangle Russia, the Caucasus and Japan, 1904–1945. Warsaw: De Gruyter, 2016. 240 p.
22. *Lichtblau E.* The Nazis next door. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2014. 271 p.
23. *Lykova Y.* Russian emigration to Turkey in the 1920's: a case study // Hacettepe university iktisadi ve idari bilimler fakültesi dergisi. 2007. Vol. 25. № 1. P. 323–341.
24. *Mamoulia G.* The independence struggles of the Caucasians. [Les combats indépendantistes des caucasiens]. Paris: L'Harmattan, 2009. 448 p.
25. *Marshall Al.* The Caucasus under Soviet rule. London: Routledge, 2010. 387 p.
26. *Mühlen P.* Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. [Between the swastika and the Soviet star]. Dusseldorf: Droste Verlag, 1971. 256 s.
27. *Naimark N.M.* Fires of hatred: ethnic cleansing in twentieth-century Europe. Cambridge, Harvard University Press, 2001. 248 p.
28. *Nekrich A.M.* The punished peoples. London: Norton, 1976. 238 p.
29. *Oran B.* Türkiyede azınlıklar. İstanbul: İletişim Yayınları. 2010. 280 p.
30. *Şimşir B.* Bizim diplomatlar. İstanbul: Bilgi Yayınevi. 1996, 570 p.
31. *Terry M.* The origins of Soviet ethnic cleansing // Journal of Modern History. 1998. Vol. 70. No. 4. P. 813–861.

32. *Tolstoy N.* Victims of Yalta. New York: Hodder and Stoughton, 1977. 608 p.
33. *Tutayev D.* The Soviet Caucasus. London: George G. Harrap, 1942. 208 p.
34. *Turan M.A.* Balo Bilatti: Kuzey Kafkasya üzerine düşünceler. İstanbul: Birleşik Kafkasya Derneği, 2004. 39 s.
35. *Turan M.A.* Kuzey Kafkasya mültecilerinin çalışmalarından bir kesit: Kafkasya Dağlıları Birliği (Soyuz Gortsev Kavkaza) // Toplumsal Tarih. 1997. № 40. S. 44–52.

Keywords:

North Caucasus, World War II, Nazi Germany, Collaborators, Bergmann Battalion, Yalta Conference, Drau Massacre, Haydar Bammat, Sultan Klych Girei, Tschirim Soobzokov

Дж. Кумук

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАГЕДИИ: КРОВОПРОЛИТИЕ В ДОЛИНЕ ДРАУ 28 МАЯ — 1 ИЮНЯ 1945 ГОДА

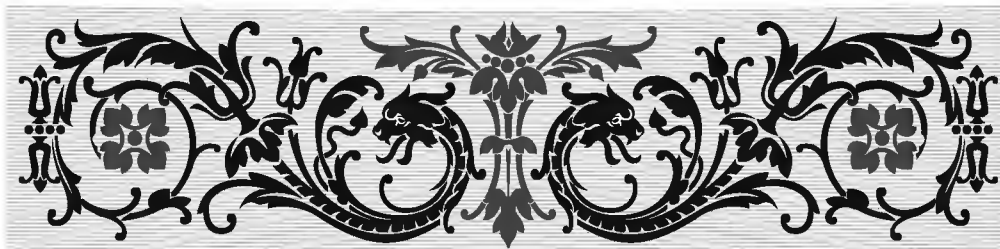
В статье рассматривается национальное и общественно-политическое противостояние северокавказских горцев большевистскому нашествию, проявившееся в антисоветской борьбе горской интеллигенции в европейских столицах в межвоенный период, массовом убийстве тысяч ни в чем не повинных людей в долине

Драу в 1945 году, трагической истории жизни одного из беженцев по имени Черим Сообцоков, пережившего мировую войну.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Вторая мировая война, нацистская Германия, коллаборационисты, батальон «Бергманн», Ялтинская конференция, массовые убийства в долине Драу, Гайдар Баммат, Султан Клыч-Гирей, Черим Сообцоков.

 Cem Kumuk

The Expert of the History of the Caucasus
Istanbul – Turkey

DOI: 10.35549/HR.2021.2020.34.006

В.А. Невежин, Е.С. Сапрыкина

ФАКТОРЫ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ:

новейшие оценки российской историографии
(2015–2020 гг.)

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне — многофакторное явление. Цель нашей статьи — определить, какие тенденции появились в российской историографии этой фундаментальной проблемы в период между 70-летним и 75-летним юбилеями данного события.

Попытки комплексного изучения каждого из факторов, предопределивших победоносное окончание войны, были отражены в обобщающих трудах. Так, к 75-летию Победы при активном участии МГИМО был осуществлен трехтомный издательский проект «История Великой Победы»¹. Естественно, внимание историков привлекли решающие сражения, приведшие к перелому в боевых действиях (Московская, Сталинградская, Курская битвы). В 2016–2018 гг. в нашей стране отмечались годовщины

¹ История Великой Победы. В 3 т. Т. 1. Канун трагедии. Кн. 1. История как поле битвы. Кн. 2. Истоки мировой войны. Кн. 3. Реалии европейской политики. Кн. 4. «Вероломное» нападение. Кн. 5. Антигитлеровская коалиция; Т. 2. Изгнание и освобождение. Кн. 6. Битва за Москву. Кн. 7. Сталинград. Кн. 8. Курская битва. Кн. 9. Изгнание врага. Кн. 10. Освободительная миссия. Кн. 11. На Дальневосточном театре; Т. 3. Кн. 12. Борьба за создание военной коалиции. Кн. 13. В поисках будущего мироустройства. М., 2020.

упомянутых сражений. Они сопровождались выходом в свет ряда монографий² и статей³, в которых даны описания связанных с ними событий. Так, Курская битва оказалась в центре внимания на Международной научно-практической конференции «1943 год. От Курска до Днепра», проведенной в Москве 21 августа 2018 г. По итогам этой конференции был издан сборник научных статей⁴.

Публикации о решающих битвах Великой Отечественной войны, как правило, выдержаны в традиционном ключе, который можно условно назвать эпическим. Как отмечал М.Ю. Мягков, Сталинградское сражение имело для Германии катастрофические последствия. Вермахту был нанесен невосполнимый урон силами Красной армии. Эта советская победа «решающим образом воздействовала на потенциал Германии». В то же время, указывая на переломный, победный характер Сталинградской битвы, он писал: «Сталинградом Советский Союз продемонстрировал свое полное право называться победителем. Но за науку побеждать была заплачена страшная цена. Только безвозвратные потери Вооруженных Сил СССР составили в 1942 году 3,25 млн. человек — больше, чем за любой другой год войны»⁵. Высокие оценки историками значения побед под Москвой, Сталинградом и Курском не дают оснований скрыть ту непомерно высокую цену, которая стояла за победными реляциями.

В течение ряда десятилетий с боем под Прохоровкой, имевшим место во время Курского сражения, был связан один из главных мифов Великой Отечественной войны. Советская пропаганда представляла его как

² История Великой Победы. Т. 2. Кн. 6–8; Мягков М.Ю. Вермахт у ворот Москвы: взгляд из немецких штабов. М., 2016.

³ Мягков М.Ю. «И врагу никогда не добиться...» // История Великой Победы. Т. 2. Кн. 6. С. 5–45; Маковский В.Б. Оборонительные операции советских войск в Битве за Москву (30 сентября — 5 декабря 1941 г.) // История Великой Победы. Т. 2. Кн. 6. С. 46–70; Борисов А.Ю. Сталинград — момент истины // История Великой Победы. Т. 2. Кн. 7. С. 71–94; Пархитько Н.П. Сталинградская битва // Великая Победа. В 15 т. Т. 7. Кн. 22. М., 2015. С. 287–297; Мягков М.Ю. Сталинградская битва в контексте современной истории // Там же. С. 95–110; Ахтамзян А.А. Международное значение Сталинградской победы // История Великой Победы. Т. 2. Кн. 7. С. 137–156; Мониин С.М. Курская битва и коренной перелом во Второй мировой войне // Там же. Т. 2. Кн. 8. С. 157–179; Маковский В.Б. Ход и основные итоги Курской битвы // Там же. С. 180–194.

⁴ 1943 год. От Курска до Днепра. Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию разгрома немецко-фашистских войск в Курской битве (Москва, 21 августа 2018 года). М.; СПб., 2018.

⁵ Мягков М.Ю. Сталинградская битва в контексте современной истории // История Великой Победы. Т. 2. Кн. 7. С. 109, 110.

«величайшее танковое сражение», в котором Красная армия одержала безусловную победу над противником. Однако реальность оказалась более горькой, чем парадная «генеральская правда». Об этом повествовал в своих книгах В.Н. Замулин⁶. Основываясь не на идеологических мифах, а преимущественно на архивных документах (в том числе — германских), он, в частности, постарался разобраться в событиях, происходивших 12 июля 1943 г. под Прохоровкой. Замулин пришел к выводу, что здесь имело место не «встречное танковое сражение», как утверждали в своих трудах советские историки, а лобовая атака на прочную оборону противника. В результате не подготовленного в достаточной степени контрудара 5-й гвардейской общевойсковой и 5-й гвардейской танковой армий были понесены неоправданно большие потери, а за последовавший триумф Красной армии на Курской дуге пришлось заплатить высокую цену.

Хотя битвы завершающего этапа Великой Отечественной войны (1944–1945 гг.), даже Берлинская операция, по своему масштабу и продолжительности несравнимы с переломными битвами на советско-германском фронте 1942–1943 гг., они не менее важны для понимания вклада Красной армии в Победу, а внимание к ним профессиональных историков не иссякает⁷. Специфика периода 1944–1945 гг. состояла не только в том, что Красная армия провела ряд успешных сражений⁸. Российскими историками неоднократно подчеркивался ее большой вклад в освобождение народов Европы⁹, что особенно актуально в современных

⁶ Замулин В.Н. Курская битва: 70 лет мифов и легенд. М., 2016; Он же. Прохоровка. Неизвестное сражение Великой войны. М., 2017; Он же. Мифы и легенды Огненной дуги. М., 2018; Он же. Курский излом. М., 2020.

⁷ Васильев Н.М. Крымская наступательная операция (8 апреля — 12 мая 1944 г.) // История Великой Победы. Т. 2. Кн. 10. С. 289–308; Маковский В.Б. Выборгско-Петрозаводская наступательная операция (10 июня — 9 августа 1944 г.) // Там же. С. 309–329; Абатуров В.В. Белорусская наступательная операция «Багратион» (23 июня — 29 августа 1944 г.) // Там же. С. 330–350; Курашов В.И. Прибалтийская наступательная операция (14 сентября — 24 ноября 1944 г.) // Там же. С. 351–374; Улизко П.В. Петсамо-Киркенесская наступательная операция (7–29 октября 1944 г.) // Там же. С. 375–398.

⁸ Посуныко А.В. «Яско-Кишиневские Канны» и переход Румынии на сторону антигитлеровской коалиции // Там же. С. 461–488; Азяский Н.Ф. Белградская наступательная операция Красной армии и освобождение Югославии // Там же. С. 512–533; Васильев Н.М. Восточно-Карпатская наступательная операция и освобождение Чехии и Словакии // Там же. С. 534–562; Улизко П.В. Львовско-Сандомирская операция Красной армии и начало освобождения Польши // Там же. С. 563–597; Мягков М.Ю. Берлинская наступательная операция (16 апреля — 8 мая 1945 г.) // Там же. С. 629–634.

⁹ Сенявский А.С., Сенявская Е.С., Сдвижков О.В. Освободительная миссия Красной Армии в 1944–1945 гг.: гуманитарные и социально-психологические аспекты. Историче-

условиях, когда этот вклад замалчивается либо фальсифицируется в Европе, в том числе в странах, освобожденных во время войны от германского ига. За границей, преимущественно в Германии, предпринимаются, например, попытки обвинить солдат и офицеров Красной армии в том, что они вели себя на освобождаемых землях европейских стран как захватчики, «новые оккупанты», совершая насилие над мирным населением¹⁰. Распространяющийся в исследовательской литературе тезис об изнасилованных красноармейцами и командирами немках (количество которых задним числом растет как снежный ком) остается лишь мифом и не находит подтверждения в документах.

История грандиозных сражений периода Великой Отечественной войны, заложивших фундамент Победы, неразрывно связана с деятельностью известных советских полководцев и военачальников. 30 сентября 2015 г. Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации провел научную конференцию: «Военная деятельность Маршала Советского Союза А.М. Василевского. К 120-летию со дня рождения». В ходе конференции был отмечен его вклад в решение задач стратегического характера и совершенствование форм и методов работы Генерального штаба в годы Великой Отечественной войны. К 120-летию Василевского вышло в свет издание его биографии¹¹.

Одним из самых знаменитых советских полководцев Великой Отечественной войны является маршал Г.К. Жуков. К его 120-летию было приурочено издание сборника, основанного на солидной источниковой базе: воспоминаний, уникальных архивных документов, произведений монументального искусства, кинематографа, филателистических материалов¹².

В советской историографии много внимания уделялось доказательству единства целей и действий советского государства и общества в усло-

---

ские очерки и документы. М.; СПб., 2015; *Марьина В.В.* Красная армия в Восточной Европе: реакция населения (1944–1945 гг.) // История Великой Победы. Т. 2. Кн. 10. С. 399–434; *Сенявская Е.С.* Освободительная миссия Красной Армии в Европе в 1944–1945 гг. в контексте исторической памяти: новые архивные документы и их интерпретация // *Метаморфозы истории*. Научный альманах. Вып. 19. Псков, 2019. С. 206–237.

¹⁰ *Маковский В.Б.* Красная армия за пределами СССР: освободители или оккупанты? // История Великой Победы. Т. 2. Кн. 10. С. 435–460; *Сенявская Е.С.* «Вас соблазняют немки, мужа которых обошли все публичные дома Европы...» Освобождение Европы от фашизма Красной Армией в 1944–1945 гг. в свете интерпретации новых архивных документов // *Уральский исторический вестник*. 2020. № 3(68). С. 101–108.

¹¹ *Дайнес В.О.* Маршал Василевский. М., 2015.

¹² Маршал Г.К. Жуков в исторических оценках, документах и воспоминаниях. Екатеринбург, 2016.

виях небывалой по жестокости и кровопролитию смертельной схватки с сильным и коварным противником — Германией и ее сателлитами. Хотя данная проблема довольно хорошо изучена, по-прежнему актуальной задачей остается выявление и анализ политических и идеологических факторов, которые способствовали достижению Победы.

В первой обобщающей работе по истории Великой Отечественной войны, вышедшей в постсоветский период, отмечалось: «Вопрос о роли Коммунистической партии в войне очень “неудобный” ... для современного исследователя, ибо он подвергался и подвергается изменениям конъюнктурного характера. Амплитуда оценок колеблется от сведения всех истоков народной силы к одному фактору — организующей, мобилизующей, руководящей деятельности партии — до заявлений о ее негативном влиянии на ход войны, поскольку-де она была антинародной, преступной, являясь опорой деспотической власти Сталина. Совершенно очевидно, что, исследуя историю Великой Отечественной войны, “не замечать” проблему, связанную с деятельностью Коммунистической партии, нельзя. Это было бы и антиисторично и просто несправедливо»¹³.

Однако подобного рода призывы к сохранению прежних позитивных оценок роли большевистской партии в целом не возымели действия. В российской историографии превалирующей стала тенденция поиска других истоков Победы, чем одна лишь интегрирующая функция правящей партии. На первый план выдвигаются духовные аспекты: стремление советских граждан отстаивать свою родину, сохранить ее независимое существование и воспрепятствовать планам Третьего рейха. Принимается во внимание «великое терпение народа» (отмеченное И.В. Сталиным в знаменитом тосте, провозглашенном 24 мая 1945 г.)¹⁴, способность населения преодолевать все лишения войны. Советская страна ко времени начала войны была в основе крестьянской, а крестьянин со своим клочком земли мог выжить в самых трудных условиях, даже при разрушении значительной части инфраструктуры страны в результате военных действий.

Стремление отстаивать свою родину в вооруженном столкновении с сильным врагом, готовность к лишениям и потерям считаются важными компонентами Победы. В то же время в сознании людей присутство-

¹³ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. Народ и война. М., 1999. С. 19.

¹⁴ *Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. В 3 кн. Кн. 1. Большие кремлевские приемы 1930–1940-х годов. М., 2019. С. 339–384.

вала вера в Сталина как великого вождя в сочетании со страхом перед действиями карательных органов на фронте и в тылу¹⁵.

Главная особенность настроений военного времени, преобладавшая у подавляющего большинства граждан СССР «независимо от национальности, вероисповедания и политических взглядов», видится некоторым авторам в сочетании «глубокого патриотизма и ненависти к агрессорам, волна которой до самого конца войны нарастала под воздействием целенаправленной агитационно-пропагандистской работы партийных комитетов и организаций, профсоюзов и комсомола». Этому способствовали сообщения печати и радио «о беспощадной жестокости оккупантов, насаждавших массовый, ничем не ограниченный террор, осуществлявших грабительские замыслы правителей нацистской Германии». Здесь и выявляется «источник того невиданного массового героизма, который стал решающей движущей силой в войне, важнейшим фактором будущей победы в ней»¹⁶.

В целом, в российской историографии не ослабевает интерес к деятельности партийных и государственных структур периода Великой Отечественной войны, который в конечном счете мотивируется поиском ответа на вопрос об истоках Победы. Введение в научный оборот новых массивов документов, в первую очередь материалов Государственного Комитета Оборона (ГКО), дает возможность для значительного продвижения в данном направлении. Историки отмечают, что во время войны сложилась новая модель взаимоотношений между Сталиным и его соратниками по высшему руководству. Сделан вывод, что создание ГКО свидетельствовало о формировании нового политического компромисса в Политбюро ЦК ВКП(б). Система высшей власти пыталась консолидироваться на основе заметного усиления управленческих полномочий высших советских руководителей. Одни и те же функционеры (И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.П. Берия, К.Е. Ворошилов, А.М. Каганович, А.И. Микоян) были одновременно членами Политбюро, Бюро СНК, ГКО и Ставки. Деятельность этих властных структур тесно переплеталась, что обеспечивало соединение задач военно-стратегического и экономического управления. Отмечается также, что ГКО не имел собственного сколько-нибудь значимого аппарата. Поэтому руководство страной осуществлялось посредством партийного, советского и хозяйственного управленческих ме-

¹⁵ Наринский М.М., Мунтян М.А. Победа была абсолютно закономерна // Великая Победа. Т. 7. Кн. 21. С. 211.

¹⁶ Падерин А.А. Советское общество до и после начала Великой Отечественной войны // Великая Победа. Т. 7. Кн. 20. С. 118.

ханизмов в центре и на местах. Система «партии-государства» достигла своей высшей точки в процессе своего функционирования. В то же время за счет делегирования Сталиным полномочий другим членам ГКО и Политбюро созданная конфигурация оказалась более гибкой, лучше приспособленной для решения управленческих задач военного времени¹⁷.

В военные годы численность большевистской партии быстро росла (членами партии стали 3,3 млн человек, а кандидатами — более 5 млн человек). Это дало основание одному из российских историков сделать следующий вывод: «Пропагандистские клише — “воюющая” и “сражающаяся” партия — в тот драматический период были как никогда близки к истине»¹⁸.

Важным фактором Победы, несомненно, являлось развитие оборонно-промышленного комплекса, который позволил обеспечить вооруженное сопротивление с Германией, использовавшей не только свой экономический потенциал, но и ресурсы покоренных ею европейских государств¹⁹.

Успешное продолжение разработки данной проблемы невозможно без введения в оборот новых массивов ранее не доступных для исследователей архивных материалов. Была опубликована первая часть пятого тома серии «История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963 гг.». В сборнике собраны документы, относящиеся к двум первым годам Великой Отечественной войны²⁰. Они иллюстрируют процессы мобилизации, размещения, организации производства на новых местах, показывают результаты деятельности «поставленного на военные рельсы» производственного сектора, нормативные изменения в организации труда и государственной кадровой политике. Благодаря этому источнику имеется возможность выявить различные направления сотрудничества со странами антигитлеровской коалиции, прежде всего в производственно-технической сфере.

¹⁷ Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015. С. 278–284; Лившин А.Я. Коммунистическая партия в системе власти СССР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 3. С. 25.

¹⁸ Цит. по: Лившин А.Я. Указ. соч. С. 26.

¹⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 7. Экономика и оружие войны. М., 2013; Киличенков А.А. Испытание войной. Отечественная промышленность в условиях военного времени: все для фронта // Дорога длиною в век. История управления отечественной промышленностью и торговлей в документах и фотографиях. М., 2016. С. 308–320 и др.

²⁰ Оборонно-промышленный комплекс СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1942). М., 2020.

В состав сборника вошли документы из Российского государственного архива экономики, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива новейшей истории, Архива Президента РФ, Центрального архива Министерства обороны РФ, Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ и др.

Авторами-составителями отбирались материалы, обобщающие сведения как по военному производству в целом, так и по отдельным отраслям, предприятиям, выпуску конкретных видов вооружений. Тематически сборник разделен на две группы: 1) документы, относящиеся к развитию оборонного комплекса и военной промышленности; 2) документы, касающиеся деятельности отдельных отраслей военной промышленности (производство вооружения, боеприпасов, авиационная промышленность, судостроение и др.)²¹.

К числу важных сюжетов, связанных общей проблемой взаимоотношений государства и общества как одного из факторов Победы, относится финансовая политика советского государства. По мнению О.В. Хлевнюка, история советских финансов периода Великой Отечественной войны является традиционной темой. Он отмечал, что в основном в историографии анализировались общие тенденции развития советской мобилизационной системы, в том числе — ее финансовая составляющая. Хлевнюк предпринял попытку проанализировать не только результаты, но и процесс формирования бюджета СССР в военный период. В отличие от преобладающей тенденции общего анализа бюджетных показателей, объектом его исследования явились вопросы финансирования войны. Особое внимание автор уделил динамике бюджета, тенденциям, определявшим его состояние на различных ее этапах, механизму согласования финансовой политики.

На основании тщательного анализа привлеченных архивных документов историк пришел к выводу о том, что мобилизация финансовых ресурсов на ведение войны была одной из важнейших задач, которые решало советское руководство в 1941–1945 гг. Огромный рост расходов на армию (в среднем за военный период их удельный вес составлял 60% от всего государственного бюджета СССР) потребовал максимального сокращения вложений в социально-экономические отрасли, которые не были непосредственно связаны с ведением боевых действий. Это происходило на фоне резкого уменьшения доходной части бюджета. Рост во-

²¹ Антоненко Н. О войне и Победе // Воронцово поле. 2020. № 3. С. 36.

енных расходов в условиях сокращения традиционных доходов привел к значительному дефициту бюджета в 1941–1943 гг. В целом, финансовая политика военных лет имела результатом существенное понижение «уровня жизни народа, выносившего на своих плечах тяготы войны во всех их проявлениях». Значительным оказался рост цен: только в государственной торговле они возросли вдвое²².

В исследовательской литературе также отмечено, что в период Великой Отечественной войны банки решали две стратегические задачи: сокращение расходов, не связанных с деятельностью фронта, и поиск финансовых средств для ведения боевых действий. Каждый из них отвечал за определенное направление экономической деятельности, что позволяло государству успешно координировать финансовую работу всех отраслей экономики, перераспределяя в случае необходимости финансовую нагрузку²³.

Активные исследования велись в период между 70-летием и 75-летием Победы по проблематике, которая по объективным причинам в течение длительного времени являлась «закрытой» для историков. Речь идет об анализе всесторонней деятельности органов государственной безопасности, которые внесли посильный вклад в достижение Победы. В ряде публикаций рассматривалось участие чекистов в организации вооруженного сопротивления противнику на оккупированных территориях²⁴.

В этих публикациях на основании ранее строго засекреченных, а ныне введенных в научный оборот архивных материалов рассмотрена деятельность сотрудников советских органов государственной безопасности, ареной которой являлся «фронт за линией фронта». Они собирали сведения, необходимые как для осажденного Ленинграда, так и для Москвы. С самых первых дней своей разведывательной деятельности на оккупированной территории чекисты столкнулись с многочисленными трудностями, о которых не было принято упоминать после войны.

²² Хлевнюк О.В. Финансируя войну. Формирование государственного бюджета СССР в 1941–1945 гг. // Российская история. 2020. № 3. С. 21–35.

²³ Зотова А.В. Советские банки в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2016. № 5. С. 103–112.

²⁴ Ковалев Б.Н. Работа советских органов безопасности на оккупированной территории Ленинградской области (1941–1944 гг.) // Вопросы истории. 2020. № 3. С. 32–41; Греков Н.В. Организация агентурной разведки спецгрупп НКВД–НКГБ в тылу противника. 1941–1944 гг. // Вопросы истории. 2017. № 2. С. 54–73; Он же. Перевербовка и использование агентуры противника контрразведкой Красной армии в 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2019. № 1. С. 43–67.

Сотрудникам органов государственной безопасности доводилось заниматься и такой специфической работой, как перевербовка вражеских агентов. В российской историографии по существу впервые рассматриваются вопросы эффективности работы двойных агентов, успехи и трудности контрразведки в связи с использованием данного вида агентуры.

Новым направлением в отечественной историографии является ведающееся с привлечением архивных документов (в частности, архива Федеральной службы охраны РФ) исследование вклада в Победу органов государственной охраны и связи. В ряде публикаций освещаются такие сюжеты, как обеспечение безопасности Московского Кремля, его обитателей и посетителей (в том числе — высоких иностранных визитеров, лидеров и представителей стран антигитлеровской коалиции)²⁵. Приводятся сведения об организации охраны участников Ялтинской межсоюзнической конференции²⁶.

К 75-летию Победы Федеральной службой охраны РФ был издан фундаментальный, богато иллюстрированный труд, в котором обобщены сведения о боевой деятельности 1-го отдела НКВД — НКГБ СССР (позднее — 6-го управления НКГБ СССР) в период Великой Отечественной войны²⁷.

Авторский коллектив подробно рассмотрел деятельность одного из важнейших структурных подразделений силового ведомства по обеспечению безопасности и транспортного обслуживания советского государственного руководства, а также представителей стран антигитлеровской коалиции (У. Черчилля, Э. Бенеша, Ш. де Голля, И.Б. Тито и др.) в ходе их официальных визитов в СССР. В книге также повествуется об участии 1-го отдела — 6-го управления НКВД—НКГБ СССР в осуществлении эвакуации (резэвакуации) промышленных мероприятий. Уникальный фактический материал представлен в той части фундаментального труда, где рассказывается об обеспечении охраны и специальной связи при подготовке и проведении Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской межсоюзнических конференций.

²⁵ Девятков С.В. Московский Кремль в годы Второй мировой войны // Вторая Мировая война в истории человечества 1939–1945 гг.: Материалы международной научной конференции. Труды исторического факультета МГУ. Т. 34. М., 2016. С. 458–472; Жилев В.И., Клочков Д.А., Кондратьев И.И. и др. На страже главной цитадели России. К 100-летию службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации. М., 2018.

²⁶ Девятков С.В., Кайкова О.К. Обеспечение безопасности во время проведения Крымской (Ялтинской) конференции // Кремль-9. Альманах. Т. 2. М., 2018. С. 310–324.

²⁷ Государственная охрана и специальная связь в годы Великой Отечественной войны. М., 2020.

Анализ тех факторов, которые обеспечили Победу в войне, через призму взаимоотношений советского государства и общества, требует рассмотрения еще одного аспекта — общественной реакции на информацию, распространявшуюся по каналам официальной пропаганды. О.А. Баландина и А.Ю. Давыдов, авторы монографии, посвященной деятельности Совинформбюро, предприняли попытку проследить, каким образом пропагандистские установки, формулировавшиеся высшим советским руководством, трансформировались в деятельности этого органа пропаганды и какой отклик имели в общественном сознании²⁸.

Несомненный интерес представляет вопрос о специфике сводок Совинформбюро, названных Баландиной и Давыдовым «атрибутами советской мифологии», в которых «о правде речи быть не могло». По мнению историков, официальная система информирования населения в военные годы в полной мере соответствовала канонам советской мифологии и в этом смысле была лживой. Вместе с тем они задавались вопросом: так ли порочна она была в катастрофических обстоятельствах? Большевики якобы не забывали времена Первой мировой войны, когда в условиях вражеского наступления российская интеллигенция жестко и порой несправедливо критиковала верховную власть. Эти воспоминания и подталкивали руководство Совинформбюро к проведению единообразной политической линии. Не случайно все его сводки и вообще материалы советской прессы военных лет были выдержаны в неизменном оптимистическом тоне.

В то же время доведение «до народа» единообразной и непротиворечивой информации в чрезвычайных военных условиях, как отмечали Баландина и Давыдов, сыграло определенную роль в осуществлении социальной мобилизации.

История взаимоотношений СССР с союзными странами в рамках антигитлеровской коалиции является одним из традиционных направлений в отечественной историографии, которое ведет начало еще с 1950–1960-х гг. Сотрудничество с западными державами (Великобританией и США), их помощь, оказанная советскому государству по программе ленд-лиза, рассматривается как один из немаловажных факторов достижения совместной Победы над гитлеровским блоком.

Источниковая база по данной проблематике значительно расширилась в первую очередь за счет ранее неизвестных материалов Архива

²⁸ Баландина О.А., Давыдов А.Ю. Власть, информация и общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны. СПб., 2020.

внешней политики Российской Федерации²⁹. Примечательно, что в документальных сборниках, приуроченных к 75-летию Победы, помимо публикации копий архивных материалов (делопроизводства внешнеполитических ведомств и дипломатов союзных стран, их переписки и др.), в научный оборот активно вводятся визуальные источники (фотографии хода разного рода встреч, визитов, переговоров, дипломатических приемов)³⁰.

На сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации еще в 70-летнюю годовщину Победы была размещена фундаментальная публикация «СССР и союзники. Документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции» (URL: agk.mid.ru). Главная цель публикации состоит в том, чтобы напомнить об уроках истории, сохранить историческую правду для будущих поколений. Специалистам-историкам, интересующимся эпохой Великой Отечественной и Второй мировой войн, теперь предоставляется широкий доступ к материалам АВП РФ.

Для публикации отобраны несекретные и рассекреченные документы 1941–1945 гг. из фондов народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова, отделов (референтур) Народного комиссариата иностранных дел, в ведении которых находились отношения Советского Союза с Великобританией, США и Францией, посольств СССР в Лондоне, Вашингтоне и Париже. Оцифровано более 3900 архивных дел общим объемом более 370 тысяч листов. Этот огромный документальный массив воссоздает картину становления и развития антигитлеровской коалиции — уникального явления в истории международных отношений периода Второй мировой войны. С его помощью можно осознать ту весомую роль, которую сыграл Советский Союз в объединении народов мира в борьбе против агрессоров.

Министерство обороны России к 75-летию Ялтинской конференции поместило на своем сайте рассекреченные документы, связанные с подготовкой и проведением этого представительного саммита трех союзных держав: СССР, Великобритании и США (yalta-conf1945.mil.ru). Публикация материалов из фондов архива этого ведомства явилась ценным

²⁹ Документы внешней политики СССР. 1943. Т. XXVI. В 2 кн. Кн. 1. Январь–август. Кн. 2. Сентябрь–декабрь. Майкоп, 2016; *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны: документальное исследование. В 2 т. М., 2017.

³⁰ На дипломатических фронтах. 1941–1945. М., 2020; Сталин, Черчилль, Рузвельт: совместная борьба с нацизмом. Каталог историко-документальной выставки. М., 2020.

вкладом в борьбу за охрану и защиту исторической правды, противодействием фальсификации истории и попыткам пересмотра итогов Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Межсоюзнические отношения периода Великой Отечественной войны нашли отражение в ряде коллективных трудов³¹, авторских монографий³² и статей³³.

Всего за годы войны по Северному морскому пути в составе союзнических конвоев было проведено более 700 судов. Они доставили в советские порты средства связи, танки, самолеты, промышленное оборудование, металлы, нефтепродукты, продовольствие, автомобили, локомотивы и вагоны. Тому, как отражалась в историографии тема ленд-лиза, посвящен обзор А.Ю. Комаркова³⁴.

³¹ *Борисов А.Ю.* Размышления о Потсдаме (К 70-летию Берлинской конференции глав СССР, США и Великобритании) // Великая Победа. Т. 14. Кн. 41. С. 103–136; *Магадеев И.Э.* От Москвы до Тегерана: дипломатия СССР на международных конференциях второй половины 1943 г. // История Великой Победы. Т. 3. Кн. 12. С. 63–198; *Он же.* Дипломатия СССР на международных конференциях второй половины 1943 г. // Великая Победа. Т. 13. Кн. 39. С. 260–266; *Он же.* Советская дипломатия на Московской конференции союзной тройки (19–30 октября 1943 г.) // Там же. С. 267–300; *Он же.* Дипломатия Советского Союза на Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) // Там же. С. 301–323; *Он же.* Французский вектор внешней политики СССР (февраль 1943 г. — февраль 1945 г.) // История Великой Победы. Т. 3. Кн. 12. С. 243–284; *Носкова А.Ф.* Восточная Европа в советской политике в годы Великой Отечественной войны // Великая Победа. Т. 13. Кн. 38. С. 44–56; *Она же.* СССР — Польша и западные союзники: интересы, противоречия, результаты (1941–1944 гг.) // Там же. С. 145–158; *Она же.* По пути к Тегерану: дипломатический разворот Москвы // Там же. Кн. 39. С. 249–259; *Она же.* Польская проблема в решениях «Большой Тройки» // Там же. Т. 14. Кн. 41. С. 145–160; *Обичкина Е.О.* Идеология и геополитика в советской дипломатии периода освобождения // Там же. Т. 13. Кн. 38. С. 201–248; *Печатнов В.О.* Сталин и Рузвельт — союзники в войне // Там же. Т. 9. Кн. 26. С. 27–50; *Он же.* Коренной перелом в ходе войны и внешняя политика СССР // История Великой Победы. Т. 3. Кн. 12. С. 3–62; *Ревякин А.В.* Ялтинская конференция: дипломатия и политика // Там же. Кн. 13. С. 373–494; *Терехов В.П.* Потсдамский финиш // Великая Победа. Т. 14. Кн. 41. С. 137–144 и др.

³² *Голубев А.В., Неужин В.А.* Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии. 1920-е — первая половина 1940-х гг. Глава 4. Межсоюзнические отношения и советская культурная дипломатия (1941–1945 гг.). М., 2016. С. 173–214; *Мяжков М.Ю.* Европа между Рузвельтом и Сталиным. М., 2017; *Неужин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. В 3 кн. Кн. 3. Дипломатические приемы 1939–1945 гг. М., 2020.

³³ *Марьина В.В.* СССР и Чехословакия в 1944–1945 гг.: проблемы, противоречия, договоренности // Великая Отечественная война. 1945 год: Исследования, документы, комментарии. М., 2015. С. 53–102; *Хахалкина Е.В., Жигалов Б.С.* «Звездный час» посла И.М. Майского (июнь–июль 1943 г.) // Вопросы истории. 2019. №12 (2). С. 27–43.

³⁴ *Комарков А.Ю.* Военно-морской ленд-лиз и союзнические поставки флоту 1941–1945 гг. в отечественной историографии // Вопросы истории. 2017. № 5. С. 160–171.

Многогранный процесс организации и практического осуществления программы союзнических поставок в СССР в период Великой Отечественной войны раскрыт в основательно фундированной монографии И.В. Быстровой³⁵, основанной преимущественно на ранее не известных архивных материалах. В центре внимания Быстровой — деятельность Правительственной закупочной комиссии СССР, начавшей свою деятельность в 1942 г. Этой Комиссией была проделана поистине титаническая работа по организации размещения советских военных заказов, доставки и отгрузки товаров из США в СССР по программе ленд-лиза, их сопровождению по различным маршрутам, транспортированию к местам назначения. В книге впервые показаны направления, динамика, номенклатура и значение ленд-лизинговых поставок.

Внимание автора было сосредоточено не только на технических и информационных аспектах межсоюзнического сотрудничества по претворению в жизнь обширной и сложной программы ленд-лиза, но и на специфике человеческого общения союзников в процессе ее реализации.

Таким образом, Быстрова продолжила исследование начатой ею ранее проблемы межличностного общения лидеров и представителей стран антигитлеровской коалиции³⁶.

Если внимательно приглядеться к тому, как за период со времени 70-летнего юбилея Победы до ее 75-летия в исследовательской литературе интерпретируется роль Сталина в Великой Отечественной войне, то можно выявить следующие тенденции. В большинстве научных публикаций сталинский вклад в Победу анализируется неоднозначно. При нынешнем уровне знаний о событиях 1941–1945 гг. вряд ли кто-либо из профессиональных исследователей решится отрицать ошибки и упущения, граничащие с преступлениями, которые были допущены Сталиным накануне и во время Великой Отечественной войны. Это и политические репрессии (продолжавшиеся и после нападения Германии на СССР), и неудачи на фронте, сопровождавшиеся большими людскими потерями, связанные во многом с недостаточной подготовкой страны и Красной армии к обороне, и временная утрата значительных территорий, оккупированных врагом, и депортации целых народов внутри Советского Союза.

³⁵ Быстрова И.В. Ленд-лиз для СССР: Экономика, техника, люди (1941–1945 гг.). М., 2019.

³⁶ Быстрова И.В. Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945 гг.). М., 2011; *Она же*. Документы Архива У. Черчилля в Кембридже как источник по истории советско-британских отношений в годы Второй мировой войны // Труды Института российской истории. Вып. 15. М., 2019. С. 155–178.

Нужно ли судить за все это Сталина-победителя? Ведь факт остается фактом: советский народ и Красная армия при поддержке союзников по антигитлеровской коалиции одержали Победу в 1945 г. все-таки *не вопреки* Сталину (как было модно утверждать в период горбачевской «перестройки»), а во многом *благодаря* тому, что он стоял у власти в СССР в ту суровую пору.

Помимо этого, следует помнить, что Сталину противостоял дерзкий и сильный противник в лице Гитлера, который располагал не только отлаженной и хорошо подготовленной военной машиной, но и промышленным потенциалом побежденных и захваченных Германией в 1939–1941 гг. европейских государств.

Аргументы, которые приводят профессиональные историки в обоснование несомненного вклада Сталина в дело Победы над врагом, состоят в следующем. Прежде следует напомнить, что в 1941–1945 гг. в руках Сталина сосредоточилась поистине неограниченная власть. Он занимал одновременно шесть высших партийных и государственных должностей: генерального секретаря (точнее, секретаря) ЦК ВКП(б), председателя Совета народных комиссаров СССР, председателя ГКО, председателя Ставки Верховного главнокомандования, Верховного главнокомандующего советскими вооруженными силами, народного комиссара обороны СССР.

В исследовательской литературе одновременно утверждается, что деятельность Сталина в предвоенный период и в два первых года войны была наиболее неудачной, что и предопределило многие просчеты и ошибки. Его военно-стратегические взгляды, основанные, главным образом, на опыте Гражданской войны, были излишне политизированными и идеологизированными. Исходя из правильного в принципе утверждения, что военная стратегия подчинена политике и вытекает из политических целей, он в конечном счете и превращал политику в самоцель. Однако Сталин не до конца учитывал, что политики в чистом виде не существует, и она жизненна лишь тогда, когда в совокупности учитывает многие факторы, в том числе — военно-стратегические соображения. Он не представлял реально, что стратегическое развертывание вооруженных сил — такой сложнейший и внутренне взаимосвязанный процесс, когда, например, бессмысленно наращивать силы в глубине, оставляя части первого эшелона небоготовыми.

Многие упущения 1941 г. объясняются совершенно неоправданной, невероятной централизацией руководства всех сторон жизни и деятельности государства, обороны страны, строительства и подготовки воору-

женных сил. Конечно, подобная централизация была необходима. Авторитет государственной власти в народе, жесткая требовательность и воля Сталина, партийная, государственная дисциплина и исполнительность сыграли большую роль в организации перестройки страны на военный лад, мобилизации усилий народа для отпора врагу.

В то же время установленная Сталиным чрезмерная централизация руководства и управления, переходившая все разумные пределы, всеобщая подозрительность и недоверие к людям, доведенным до постоянного страха, лишали систему управления творческой инициативы. Без этого она функционировала лишь строго по вертикали сверху вниз, в ограниченных рамках и была не способной охватить все сложности реальной действительности и реагировать на ее изменения.

Один человек, даже самый выдающийся, не в состоянии охватить все аспекты политических, экономических, дипломатических, идеологических, военных и других проблем, которые надо было глубоко анализировать и решать в сложнейшей и противоречивой обстановке предвоенных лет и в ходе войны.

События 1941–1942 гг., начиная от тяжелых неудач и заканчивая одержанными победами, не прошли даром для советского руководства во главе со Сталиным, а также для военного командования, в целом для страны и ее вооруженных сил. Наученный горьким опытом, Сталин стал больше прислушиваться к предложениям представителей Ставки, Генштаба и командующих войсками фронтов. Это положительно сказалось уже в начале 1943 г., когда победоносно завершилось Сталинградское сражение, а затем — во время битвы на Курской дуге.

В ходе Великой Отечественной войны главными отличительными чертами Сталина как Верховного главнокомандующего являлись: умение предвидеть развитие стратегической обстановки и охватывать во взаимосвязи военно-политические, экономические, социальные, идеологические и оборонные вопросы. Его отличали также способность выбрать наиболее рациональные способы стратегических действий, соединять усилия фронта и тыла, а также высокая требовательность и большие организаторские навыки в сочетании со строгостью, твердостью, жесткостью управления и огромной волей к победе любой ценой.

Было бы неправильным изображать Сталина на посту Верховного главнокомандующего сугубо гражданским человеком. Сталин обладал незаурядными умом и волей. Хорошая память, умение быстро вникнуть в суть вопроса, сильная воля и твердый характер создавали предпосылки для проявления военного искусства. В то же время отрицательно ска-

зывалось отсутствие у Сталина систематизированных военных знаний и опыта службы в регулярных войсках.

В исследовательской литературе можно обнаружить призывы видеть не лубочного, а реального Сталина со всеми его достоинствами и огрехами. Основное в его деятельности на посту Верховного главнокомандующего во время Великой Отечественной войны состояло в том, что советское государство сумело разгромить Германию, Японию и избавило тем самым свои народы, Европу и все человечество от угрозы порабощения. На совести Сталина остаются непростительная жестокость, серьезные ошибки и просчеты. Однако невозможно отрицать и того, что во многом благодаря его мобилизующей роли, организаторским способностям, усилиям, поддержанным большинством народа, советской стране удалось выстоять в неимоверно трудной, ожесточенной борьбе с сильным противником и прийти к Великой Победе³⁷.

Исследователи не склонны называть Сталина полководцем в полном смысле этого слова. Правильнее было бы считать его военачальником, высшим военным деятелем и оценивать его вклад в победу над Германией с учетом именно этого обстоятельства. Принимая во внимание менталитет советского народа и крайнюю степень централизации государственной власти, можно считать, что принятие Сталиным на себя важнейших государственных обязанностей положительно сказалось на отражении агрессии. Как политический руководитель он, бесспорно, имел немало достоинств, о которых свидетельствовало его ближайшее окружение (главным образом, представители высшего военного руководства), а также — лидеры и видные деятели антигитлеровской коалиции. Сталин сочетал огромный природный ум, большие познания, способность аналитически мыслить, жесткую требовательность. Верховный главнокомандующий прекрасно владел обстановкой на фронтах, твердо помнил состав и дислокацию резервов. Благодаря феноменальной памяти он держал в уме не только командующих войсками фронтов и армий, но и многих командиров соединений. Сталин на равных обсуждал профессиональные проблемы с военачальниками и дипломатами, руководителями оборонных отраслей и генеральными конструкторами.

В то же время для Сталина как для Верховного главнокомандующего были характерны большие недостатки. На его деятельности особенно

³⁷ Гарева М.А. Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами генералиссимус Сталин // Великая Победа. Т. 9. Кн. 27. С. 111–144.

впервые годы войны отрицательно сказывались отсутствие систематизированных военных знаний и боевого опыта, недостаточное стремление опираться на профессиональных военных и гипертрофированная вера в собственную непогрешимость. Все это приводило к драматическим, а порой и к трагическим последствиям, к потере обширных территорий и к сокрушительным поражениям на поле боя (лето—осень 1941 г., весна—осень 1942 г.).

В Сталине причудливо совмещались, казалось бы, диаметрально противоположные черты: всемерное радение о величии Советского Союза — и самонадеянность, поставившая страну на грань национальной катастрофы; внимание к кадрам — и редкая жестокость к людям — «винтикам»; стратегический ум — и мелкое тщеславие, стремление к еще одному пышному титулу вроде «величайшего полководца всех времен и народов». По мнению Ю.В. Рубцова, своим личным триумфом Сталин был обязан советскому народу, причем ничуть не меньше, чем советский народ обязан ему³⁸.

Если деятельность Сталина в 1941–1945 гг. в военной области подвергается критике, то основную тенденцию изучения его вклада в советскую внешнюю политику и дипломатию периода Великой Отечественной войны можно смело охарактеризовать, как близкую к апологии³⁹. По мнению А.Ю. Борисова, до начала Великой Отечественной войны Сталин, как партийный руководитель, обладал более чем скромным опытом ведения международных переговоров, предпочитая оставаться в тени и из-за кулис руководить внешней политикой, перепоручив это дело В.М. Молотову.

Сталин скорее был гибким геополитиком, чем последователем раз и навсегда заученной догмы, какой бы привлекательной и перспективной она ни казалась. В военный период (хотя на посту руководителя внешнеполитического ведомства оставался Молотов) он лично принимал послов союзных держав, вел ответственные переговоры, участвовал в межсоюзнических конференциях «большой тройки» руководителей стран антигитлеровской коалиции СССР, США и Великобритании. Сталин крепко

³⁸ Рубцов Ю.В. Верховный Главнокомандующий // Великая Победа. Т. 9. Кн. 27. С. 267–278.

³⁹ Борисов А.Ю. Сталин — дипломат на конференциях «большой тройки» в годы Великой Отечественной войны // Великая Победа. Т. 9. Кн. 26. С. 7–26; Магадеев И.Э. От Москвы до Тегерана...; Печатнов В.О. Сталин и Рузвельт — союзники в войне...; Он же. Коренной перелом в ходе войны и внешняя политика СССР; Ревякин А.В. Указ. соч.

держал в своих руках все нити дипломатических переговоров и определял их повестку дня.

Борисов указывал на такой уникальный канал связи и поддержания тесных отношений между лидерами «большой тройки», как переписка военного времени⁴⁰. Она велась часто «напрямую», т.е. через головы внешнеполитических ведомств и посольств, и носила характер доверительного обмена мнениями по ключевым вопросам ведения войны и организации послевоенного мира.

Многие из посланий И.В. Сталина на имя У. Черчилля и Ф.Д. Рузвельта были написаны им собственноручно или подверглись основательной сталинской правке. Это позволяет судить об осведомленности Сталина, знании предмета и психологии своих партнеров, настойчивости в постановке и отстаивании интересов советского государства. В отдельных случаях, когда эти интересы затрагивались непосредственно, особенно в вопросе открытия второго фронта или поставок по ленд-лизу, Сталин «рубил с плеча», предпочитая предельную ясность дипломатической недосказанности в отношениях с союзниками. По мнению Борисова, это давало положительный эффект, однако могло оставлять у западных союзников своеобразный осадок от сталинского натиска и отсутствия привычной западной «политкорректности»⁴¹.

Вновь зададимся вопросом: нужно ли «судить Сталина» как победителя? Думается, несмотря на все усилия профессиональных историков, это каждый решает для себя. Не следует лишь забывать при этом о сложной диалектике Великой Отечественной войны, о неоднозначной символической Победе в ней, в которой Сталину отводится собственная и далеко не последняя роль.

Краткий обзор российской историографии Великой Отечественной войны, проведенный преимущественно в хронологических рамках 2015–2020 гг., дает основание для общего вывода о том, что профессиональные историки внесли весомый вклад в исследование основных факторов Победы. В рамках этого «межюбилейного» пятилетия отмечались очередные годовщины Московской, Сталинградской, Курской битв, которые неизменно привлекали их внимание. В основе исследований, связанных с выявлением факторов Победы в Великой Отечественной войне, лежит источниковая база, которая постоянно пополняется, преимуще-

⁴⁰ См. также: Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Канал связи Сталин — Рузвельт // Великая победа. Т. 7. Кн. 21. С. 212–224.

⁴¹ Борисов А.Ю. Сталин — дипломат на конференциях «большой тройки»...

ственно за счет введения в научный оборот ранее не доступных архивных материалов. Они включаются в документальные публикации, размещаемые, в частности, на порталах и сайтах таких ведомств, как Министерство обороны и Министерство иностранных дел.

Трудно назвать ситуацию в изучении истории Великой Отечественной войны «прорывной». Скорее, профессиональные ученые продолжают двигаться по ранее проторенным исследовательским тропам, что приводит, к сожалению, к определенному мелкотемью. Однако следует, очевидно, помнить печальный урок историографии «перестроечного» периода, когда яростные метания из стороны в сторону, стремление неизменно «переписать» историю советской страны в «обличительном стиле» привели к тупиковым, кризисным явлениям в исторической науке.

Основным фактором Победы в войне, как показал наш анализ, признаны в исследовательской литературе героизм и самоотверженность бойцов и командиров Красной армии, патриотический настрой населения, который сочетался с верой в руководство, терпением и умением преодолевать трудности и лишения, которые были вызваны войной. Немаловажное значение имело и то, что Советский Союз в результате модернизации своей экономики сумел создать такой промышленный потенциал, который позволил выдержать длительное противоборство с мощной в экономическом отношении Германией.

В исследованиях российских историков уделяется должное внимание фактору власти как одному из важных в достижении Победы. Рассмотрение данного вопроса в контексте тех изменений, которые произошли, позволило сделать вывод об определенной гибкости, проявленной Сталиным и его ближайшим окружением в деле реорганизации системы партийно-государственного руководства, принесшей свои положительные в целом результаты. Трудно отрицать тот факт, что миллионы членов большевистской партии сражались на фронтах Великой Отечественной войны.

К числу новых направлений исследования истории Великой Отечественной войны относится анализ деятельности тех структур НКВД–НКГБ, которые, в частности, осуществляли функции государственной охраны, связи, а также транспортное обеспечение представителей высшего руководства СССР, лидеров стран антигитлеровской коалиции, прибывавших с официальными визитами в Москву, а также для участия в межсоюзнических конференциях.

Следует отметить тенденцию, проявившуюся в российской историографии, которая свидетельствует о росте интереса к дипломатической

истории Великой Отечественной войны. Межсоюзнические отношения в рамках антигитлеровской коалиции, в первую очередь — между СССР, Великобританией и США, несомненно, являлись одним из определяющих факторов общей Победы над врагом. Поэтому следует лишь приветствовать изучение таких сюжетов, как межличностные контакты лидеров «большой тройки» на конференциях в Тегеране, Ялте, Потсдаме, во время официальных визитов в Москву на высшем уровне руководителей союзных государств.

В целом, наблюдается тенденция взвешенного, а не апологетического рассмотрения профессиональными исследователями событий Великой Отечественной войны. Многие «болевые точки» войны сходятся на личности Сталина, который олицетворял собой в 1941–1945 гг. партийное, государственное и военное руководство. Именно ему предъявляются претензии относительно оправданности политических репрессий, причин неподготовленности к отражению нападения противника, больших людских потерь, жестокости, некомпетентности в военных делах. Некоторые из этих претензий можно считать вполне оправданными, однако данное обстоятельство, на наш взгляд, не дает оснований для полного «изъятия» имени И.В. Сталина из истории Великой Отечественной войны (что уже было в советское время), игнорирования его вклада в Победу.

REFERENCES

1. *Abaturov V.V.* Belorusskaya nastupatel'naya operaciya «Bagration» (23 iyunya — 29 avgusta 1944 g. [Belarusian offensive operation «Bagration» (June 23 — August 29, 1944)] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 2. Kn. 10 [The History of the Great Victory. Vol. 2. Book 10]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 27–43.
2. *Akhtamzyan A.A.* Mezhdunarodnoe znachenie Stalingradskoj pobedy [International significance of the Stalingrad victory] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 2. Kn. 7 [The History of the Great Victory. Vol. 2. Book 7]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 137–156.
3. *Antonenko N.* O vojne i Pobede [About the war and the Victory] // *Voroncovo pole*. 2020. № 3 [Vorontsovo field. 2020. No. 3]. S. 36.
4. *Azyasski N.F.* Belgradskaya nastupatel'naya operaciya Krasnoj armii i osvobozhdenie Yugoslavii [The Belgrade offensive operation the Red army and the liberation of Yugoslavia] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 2. Kn. 10 [The History of the Great Victory. Vol. 2. Book 10]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 512–533.
5. *Balandina O.A., Davydov A.Yu.* Vlast', informaciya i obshchestvo: ih vzaimosvyazi v deyatelnosti Sovetskogo informbyuro v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny [Power, information and society: their relationship in the activities of the Soviet information Bureau during the great Patriotic war]. SPb.: Eurasia, 2020. 320 s.
6. *Borisov A.Yu.* Razmyshleniya o Potsdame (K 70-letiyu Berlinskoj konferencii glav SSSR, SShA i Velikobritanii) [Reflections on the Potsdam (To the 70 anniversary of the Berlin conference of the heads of USSR, USA and UK)] // *Velikaya Pobeda*. T. 14. Kn. 41 [The Great Victory. Vol. 14. Book 41]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 103–136.
7. *Borisov A.Yu.* Stalin — diplomat na konferenciyah «bol'shoj trojki» v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Stalin as a diplomat at the conferences of the «big three» during the Great Patriotic war] // *Velikaya Pobeda*. T. 9. Kn. 26 [The Great Victory. Vol. 9. Book 26]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 7–26.
8. *Borisov A.Yu.* Stalingrad — moment istiny [Stalingrad — the moment of truth] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 2. Kn. 7 [The History of the Great Victory. Vol. 2. Book 7]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 71–94.

9. *Bystrova I.V.* Dokumenty Arhiva U. Cherrchillya v Kembridzhe kak istochnik po istorii sovetско-britanskikh otnoshenij v gody Vtoroj mirovoj vojny [Documents of the Winston Churchill Archive in Cambridge as a source on the history of Soviet-British relations during the Second world war] // Trudy Instituta rossijskoj istorii. Vyp. 15 [Works of Institute of Russian history. Issue 15]. M.: IRI RAN, 2019. S. 155–178.
10. *Bystrova I.V.* Lend-liz dlya SSSR: Ekonomika, tekhnika, lyudi (1941–1945 gg.) [Lend-lease to the USSR: Economy, technology, people (1941–1945)]. M.: Kuchkovo pole, 2019. 480 s.
11. *Bystrova I.V.* Poceluj cherez okean: «Bol'shaya trojka» v svete lichnykh kontaktov (1941–1945 gg.) [Kiss across the ocean: the «Big three» in the light of personal contacts (1941–1945)]. M.: ROSSPEN, 2011. 438 s.
12. *Daines V.O.* Marshal Vasilevskij [Marshal Vasilevsky]. M.: Veche, 2015. 381 s.
13. *Devyatov S.V.* Moskovskij Kremľ v gody Vtoroj mirovoj vojny [Moscow Kremlin during the Second world war] // Vtoraya Mirovaya vojna v istorii chelovechestva 1939–1945 gg.: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU. T. 34 [World war II in the history of mankind 1939–1945: proceedings of the international scientific conference. Proceedings of the faculty of history of Moscow state University. Vol. 34]. M.: Izdatel Stepanenko, 2016. S. 458–472.
14. *Devyatov S.V., Kaikova O.K.* Obespechenie bezopasnosti vo vremya provedeniya Krymskoj (Yaltinskoj) konferencii [Ensuring security during the Crimean (Yalta) conference] // Kremľ-9. Al'manah. T. 2 [The Kremlin-9. Almanac. Vol. 2]. M., 2018. S. 310–324.
15. *Gareev M.A.* Verhovnyj Glavnokomanduyushchij Vooruzhennymi Silami generalissimus Stalin [Supreme Commander of the Armed Forces Generalissimo Stalin] // Velikaya Pobeda. T. 9. Kn. 27 [The Great Victory. Vol. 9. Book 27]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 111–144.
16. *Golubev A.V., Nevezhin V.A.* Formirovanie obraza Sovetskoj Rossii v okruzhayushchem mire sredstvami kul'turnoj diplomatii. 1920-e — pervaya polovina 1940-h gg. [Formation of the image of Soviet Russia in the surrounding world by means of cultural diplomacy. 1920s — first half of the 1940s]. M.; SPb.: IRI RAN, Center for humanitarian initiatives, 2016. 238 s.
17. Gosudarstvennaya ohrana i special'naya svyaz' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The state protection and special communications during the great Patriotic war]. M.: Publishing house of LLC «Printleto», 2020. 368 s.
18. *Grekov N.V.* Organizaciya agenturnoj razvedki specgrupp NKVD-NKGB v tylu protivnika. 1941–1944 gg. [Organization of agent intelligence of special

- groups of the NKVD-NKGB in the enemy's rear. 1941–1944] // *Voprosy istorii*. 2017. № 2 [Questions of history. 2017. No. 2]. S. 54–73.
19. *Grekov N.V.* Pereverbovka i ispol'zovanie agentury protivnika kontrrazvedkoj Krasnoj armii v 1941–1945 gg. [Recrutement and the use of enemy agents by counterintelligence of the Red army in 1941–1945] // *Voprosy istorii*. 2019. № 1 [Questions of history. 2019. No. 1]. S. 43–67.
  20. *Khakhalkina E.V., Zhigalov B.S.* «Zvezdnyj chas» posla I.M. Majского (iyun'–iyul' 1943 g.) [«Starry hour» of Ambassador I.M. Maysky (June–July 1943)] // *Voprosy istorii*. 2019. № 12 [Questions of history. 2019. No. 12]. S. 27–43.
  21. *Khlevnyuk O.V.* Finansiruya vojnu. Formirovanie gosudarstvennogo byudzheta SSSR v 1941–1945 gg. [Financing the war. Formation of the state budget of the USSR in 1941–1945] // *Rossijskaya istoriya*. 2020. № 3 [Russian history. 2020. No. 3]. S. 21–35.
  22. *Khlevnyuk O.V.* Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya: biografiya [Stalin. Life of one leader: biography]. M.: AST; Corpus, 2015. 464 s.
  23. *Kilichenkov A.A.* Ispytanie vojnnoj. Otechestvennaya promyshlennost' v usloviyah voennogo vremeni: vse dlya fronta [The Test of war. Domestic industry in wartime conditions: everything for the front] // *Doroga dlinoyu v vek. Istoriya upravleniya otechestvennoj promyshlennost'yu i tovgovlej v dokumentah i fotografijah* [A century — long road. History of management of domestic industry and trade in documents and photographs]. M., 2016. S. 308–320.
  24. *Komarkov A.Yu.* Voенно-morskoy lend-liz i soyuznicheskie postavki flotu 1941–1945 gg. v otechestvennoj istoriografii [Naval lend-lease and allied supplies to the fleet 1941–1945 in Russian historiography] // *Voprosy istorii*. 2017. № 5 [Question of history. 2017. No. 5]. S. 160–171.
  25. *Kovalev B.N.* Rabota sovetskih organov bezopasnosti na okkupirovannoj territorii Leningradskoj oblasti (1941–1944 gg.) [Work of Soviet security agencies in the occupied territory of the Leningrad region (1941–1944)] // *Voprosy istorii*. 2020. № 3 [Questions of history. 2020. No. 3]. S. 32–41.
  26. *Kurashov V.I.* Pribaltijskaya nastupatel'naya operaciya (14 sentyabrya — 24 noyabrya 1944 g.) [The Baltic offensive operation (September 14 — November 24, 1944)] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 2. Kn. 10 [History of the Great Victory. Vol. 2. Book 10]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 351–374.
  27. *Livshin A.Ya.* Kommunisticheskaya partiya v sisteme vlasti SSSR [The Communist party in the system of power of the USSR] // *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. 2018. T. 11. № 3 [Contours of global transformations: politics, economics, law. 2018. Vol. 11. No. 3]. S. 13–35.

28. *Magadeev I.E.* Diplomatiya SSSR na mezhdunarodnykh konferenciayah vtoroj poloviny 1943 g. [Diplomacy of the USSR at international conferences of the second half of 1943] // *Velikaya Pobeda*. T. 13. Kn. 39 [The Great Victory. Vol. 13. Book 39]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 260–266.
29. *Magadeev I.E.* Diplomatiya Sovetskogo Soyuza na Tegeranskoj konferencii (28 noyabrya — 1 dekabrya 1943 g.) [The Diplomacy of the Soviet Union at the Tehran conference (28 November — 1 December 1943)] // *Velikaya Pobeda*. T. 13. Kn. 39 [The Great Victory. Vol. 13. Book 39]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. P. 301–323.
30. *Magadeev I.E.* Sovetskaya diplomatiya na Moskovskoj konferencii soyuznoj trojki (19–30 oktyabrya 1943 g.) [Soviet diplomacy at the Moscow conference of the Union of the Troika (19–30 October 1943)] // *Velikaya Pobeda*. T. 13. Kn. 39 [The Great Victory. Vol. 13. Book 39]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 267–300.
31. *Magadeev I.E.* Ot Moskvy do Tegerana: diplomatiya SSSR na mezhdunarodnykh konferenciayah vtoroj poloviny 1943 g. [From Moscow to Tehran: USSR diplomacy at international conferences of the second half of 1943] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 3. Kn. 12 [The History of the Great Victory. Vol. 3. Book 12]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 63–198.
32. *Magadeev I.E.* Francuzskij vektor vneshnej politiki SSSR (fevral' 1943 g. — fevral' 1945 g.) [French vector foreign policy of the USSR (February 1943 — February 1945)] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 3. Kn. 12 [The History of the Great Victory. Vol. 3. Book 12]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 243–284.
33. *Makovskiy V.B.* Oboronitel'nye operacii sovetskikh vojsk v Bitve za Moskvu (30 sentyabrya — 5 dekabrya 1941 g.) [The Defensive operation of the Soviet troops in the Battle of Moscow (30 September — 5 December 1941)] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 2. Kn. 6 [The History of the Great Victory. Vol. 2. Book 6]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 46–70.
34. *Makovskiy V.B.* Khod i osnovnye itogi Kurskoj bitvy [Course and main results of the battle of Kursk] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 2. Kn. 8 [History of the Great Victory. Vol. 2. Book 8]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 180–194.
35. *Makovskiy V.B.* Vyborgsko-Petrozavodskaya nastupatel'naya operaciya (10 iyunya — 9 avgusta 1944 g.) [The Vyborg-Petrozavodsk offensive operation (10 June to 9 Aug 1944)] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 2. Kn. 10 [The History of the Great Victory. Vol. 2. Book 10]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 309–329.
36. *Makovskiy V.B.* Krasnaya armiya za predelami SSSR: osvoboditeli ili okkupanty? [The Red army outside the Soviet Union: liberators or occupiers?] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 2. Kn. 10 [The History of the Great Victory. Vol. 2. Book 10]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 435–460.

37. *Mar'ina V.V.* Krasnaya armiya v Vostochnoj Evrope: reakciya naseleniya (1944–1945 gg.) [Red army in Eastern Europe: the reaction of the population (1944–1945)] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 2. Kn. 10 [The History of the Great Victory. Vol. 2. Book 10]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 399–434.
38. *Mar'ina V.V.* SSSR i Chekhoslovakiya v 1944–1945 gg.: problemy, protivorechiya, dogovoryonnosti [USSR and Czechoslovakia in 1944–1945: problems, contradictions, agreements] // *Velikaya Otechestvennaya vojna. 1945 god: Issledovaniya, dokumenty, kommentarii* [The Great Patriotic War. One thousand nine hundred forty five: research, documents, comments]. M.: TsGA Moskvi, 2015. S. 53–102.
39. *Monin S.M.* Kurskaya bitva i korennoj perelom vo Vtoroj mirovoj vojne [The battle of Kursk and the radical change in the Second World War] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 2. Kn. 8 [The History of the Great Victory. Vol. 2. Book 8]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 157–179.
40. *Myagkov M.Yu.* Stalingradskaya bitva v kontekste sovremennoj istorii [Stalingrad battle in the context of modern history] // *Velikaya Pobeda*. T. 7. Kn. 22 [The Great Victory. Vol. 7. Book 22]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 95–110.
41. *Myagkov M.Yu.* Vermaht u vorot Moskvy: vzglyad iz nemeckih shtabov [Wehrmacht at the gates of Moscow: a view from the German headquarters]. M.: Algorithm, 2016. 365 s.
42. *Myagkov M.Yu.* Evropa mezhdru Ruzvel'tom i Stalinym [Europe between Roosevelt and Stalin]. M.: Algorithm, 2017. 398 s.
43. *Myagkov M.Yu.* «I vragu nikogda ne dobit'sya...» [«And the enemy will never achieve...»] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 2. Kn. 6 [The History of the Great Victory. Vol. 2. Book 6]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 5–45.
44. *Myagkov M.Yu.* Berlinskaya nastupatel'naya operaciya (16 aprelya — 8 maya 1945 g.) [Berlin offensive operation (16 April — 8 May 1945)] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 2. Kn. 10 [The History of the Great Victory. Vol. 2. Book 10]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 629–634.
45. *Narinsky M.M., Muntyan M.A.* Pobeda byla absolyutno zakonomerna [The Victory was absolutely natural] // *Velikaya Pobeda*. T. 7. Kn. 21 [The Great Victory. Vol. 7. Book 21]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 205–211.
46. *Nevezhin V.A.* Zastol'ya Iosifa Stalina. V 3-h kn. Kn. 1. Bol'shie kremlyovskie priomy 1930–1940-h godov [Feasts of Joseph Stalin. In 3 books. Book 1. Great Kremlin receptions of the 1930s and 1940s]. M.: AIRO-XXI, 2019. 560 s.
47. *Nevezhin V.A.* Zastol'ya Iosifa Stalina. V 3-h kn. Kn. 3. Diplomaticheskie priemy 1939–1945 gg. [Feasts of Joseph Stalin. In 3 books 3. Book 3. Diplomatic receptions 1939–1945]. M.: AIRO-XXI, 2020. 768 s.

48. 1943 god. Ot Kurska do Dnepra. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 75-letiyu razgroma nemecko-fashistskih vojsk v Kurskoj bitve (Moskva, 21 avgusta 2018 goda) [1943. From Kursk to the Dnieper. Materials of scientific-practical conference dedicated to the 75th anniversary of the defeat of Nazi troops in the battle of Kursk (Moscow, 21 August 2018)]. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2018. 360 s.
49. *Noskova A.F.* Vostochnaya Evropa v sovetskoj politike v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Eastern Europe in Soviet policy in the years of the great Patriotic war] // *Velikaya Pobeda*. T. 13. Kn. 38 [The Great Victory. Vol. 13. Kn. 38]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 44–56.
50. *Noskova A.F.* Po puti k Tegeranu: diplomaticheskij razvorot Moskvy [On the road to Tehran: the diplomatic reversal of Moscow] // *Velikaya Pobeda*. T. 13. Kn. 39 [The Great Victory. Vol. 13. Book 39]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 249–259.
51. *Noskova A.F.* Pol'skaya problema v resheniyah «Bol'shoj Trojki» [Polish problem in the decisions of the «Big Three»] // *Velikaya Pobeda*. T. 14. Kn. 41 [The Great Victory. Vol. 14. Book 41]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 145–160.
52. *Noskova A.F.* SSSR — Pol'sha i zapadnye soyuzniki: interesy, protivorechiya, rezul'taty (1941–1944 gg.) [Soviet Union — Poland and the Western allies: the interests, contradictions, results (1941–1944)] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 2. Kn. 10 [The History of the Great Victory. Vol. 2. Book 10]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 145–158.
53. *Obichkina E.O.* Ideologiya i geopolitika v sovetskoj diplomatii perioda osvobozhdeniya [Ideology and geopolitics in Soviet diplomacy of the period of exemption] // *Velikaya Pobeda*. T. 13. Kn. 38 [The Great Victory. Vol. 13. Book 38]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 201–248.
54. *Paderin A.A.* Sovetskoe obshchestvo do i posle nachala Velikoj Otechestvennoj vojny [Soviet society before and after the beginning of the great Patriotic war] // *Velikaya Pobeda*. T. 7. Kn. 20 [The Great Victory. Vol. 7. Book 20]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 107–124.
55. *Parhitko N.P.* Stalingradskaya bitva [The battle of Stalingrad] // *Velikaya Pobeda*. T. 7. Kn. 22 [The Great Victory. Vol. 7. Book 22]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 287–297.
56. *Pechatnov V.O.* Stalin i Ruzvel't — soyuzniki v vojne [Stalin and Roosevelt, the allies in the war] // *Velikaya Pobeda*. T. 9. Kn. 26 [The Great Victory. Vol. 9. Book 26]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 27–50.
57. *Pechatnov V.O.* Korennoj perelom v hode vojny i vneshnyaya politika SSSR [Radical change in the course of the war and foreign policy of the USSR] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 3. Kn. 12 [The History of the Great Victory. Vol. 3. Book 12]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 3–62.

58. *Pechatnov V.O., Magadeev I.E.* Kanal svyazi Stalin — Ruzvel't [Channel of communication Stalin — Roosevelt] // *Velikaya Pobeda*. T. 7. Kn. 21 [The Great Victory. Vol. 7. Book 21]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 212–224.
59. *Posun'ko A.V.* «Yassko-Kishinyovskie Kanny» i perekhod Rumynii na storonu antigitlerovskoj koalicii [«Iasi-Kishinev Cannas» and Romania's transition to the side of the anti-Hitler coalition] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 2. Kn. 10 [The History of the Great Victory. Vol. 2. Book 10]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 461–488.
60. *Revyakin A.V.* Yaltinskaya konferenciya: diplomatiya i politika [Yalta conference: diplomacy and politics] // *Istoriya Velikoj Pobedy*. T. 3. Kn. 13 [The History of the Great Victory. Vol. 3. Book 13]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 373–494.
61. *Rubtsov Yu.V.* Verhovnyj Glavnokomanduyushchij [Supreme Commander] // *Velikaya Pobeda*. T. 9. Kn. 27 [The Great Victory. Vol. 9. Book 27]. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 267–278.
62. *Senyavskaya E.S.* Osvoboditel'naya missiya Krasnoj Armii v Evrope v 1944–1945 gg. v kontekste istoricheskoy pamyati: novye arhivnye dokumenty i ih interpretaciya [Liberation mission of the Red Army in Europe in 1944–1945 in the context of historical memory: new archival documents and their interpretation] // *Metamorfozy istorii. Nauchnyj al'manah. Vyp. 19* [Metamorphoses of history. Scientific almanac. Issue 19]. Pskov, 2019. S. 206–237.
63. *Senyavskaya E.S.* «Vas soblaznyayut nemki, muzh'ya kotoryh oboshli vse publichnye doma Evropy...» Osvobozhdenie Evropy ot fashizma Krasnoj Armiej v 1944–1945 gg. v svete interpretacii novyh arhivnyh dokumentov [«You are seduced by German women whose husbands have Visited all the brothels in Europe...» Liberation of Europe from fascism by the Red Army in 1944–1945 in the light of interpretation of new archival documents] // *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2020. № 3 (68) [Ural historical Bulletin. 2020. No. 3(68)]. S. 101–108.
64. *Senyavsky A.S., Senyavskaya E.S., Sdvizhkov O.V.* Osvoboditel'naya missiya Krasnoj Armii v 1944–1945 gg.: gumanitarnye i social'no-psihologicheskie aspekty. Istoricheskie ocherki i dokumenty [Liberation mission of the Red Army in 1944–1945: humanitarian and socio-psychological aspects. Historical essays and documents]. Moscow; SPb.: IRI RAN, Center for humanitarian initiatives, 2015. 460 s.
65. *Terekhov V.P.* Potsdamskij finish [Potsdam finish] // *Velikaya Pobeda*. T. 14. Kn. 41 [The Great Victory. Vol. 14. Book 41]. M.: MGIMO-Universitet 2015. P. 137–144.
66. *Ulizko P.V.* Petsamo-Kirkenesskaya nastupatel'naya operaciya (7–29 oktyabrya 1944 g.) [Petsamo-Kirkenes offensive (7–29 October 1944)] //

- Istoriya Velikoj Pobedy. T. 2. Kn. 9 [The History of the Great Victory. Vol. 2. Book 9]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 375–398.
67. *Ulizko P.V.* L'vovsko-Sandomirskaya operaciya Krasnoj armii i nachalo osvobozhdeniya Pol'shi [Lviv-Sandomierz operation of the Red army and the beginning of the liberation of Poland] // Istoriya Velikoj Pobedy. T. 2. Kn. 10 [The History of the Great Victory. Vol. 2. Book 10]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 563–597.
68. *Vasiliev N.M.* Krymskaya nastupatel'naya operaciya (8 aprelya — 12 maya 1944 g.) [Crimean offensive operation (April 8 — May 12, 1944)] // Istoriya Velikoj Pobedy. T. 2. Kn. 10 [The History of the Great Victory. Vol. 2. Book 10]. M.: MGIMO-Universitet, 2020. S. 289–308.
69. *Vasiliev N.M.* Vostochno-Karpatskaya nastupatel'naya operaciya i osvobozhdenie Chekhii i Slovakii [East Carpathian offensive operation and the liberation of the Czech Republic and Slovakia] // Istoriya Velikoj Pobedy. T. 2. Kn. 10 [The History of the Great Victory. Vol. 2. Book 10]. M.: MGIMO-University, 2020. S. 534–562.
70. Velikaya Otechestvennaya vojna. 1941–1945. Voenno-istoricheskie ocherki. Kn. 4. Narod i vojna [The Great Patriotic War. 1941–1945. Military-historical essays. Book 4. People and war]. M.: Nauka, 1999. 368 s.
71. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 7. Ekonomika i oruzhie vojny [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vols. V. 7. Economy and weapons of war]. M.: Kuchkovo pole, 2013. 864 s.
72. *Zhilyaev V.I., Klochkov D.A., Kondratev I.I. and others.* Na strazhe glavnoj citadeli Rossii. K 100-letiyu sluzhby komendanta Moskovskogo Kremlya Federal'noj sluzhby ohrany Rossijskoj Federacii [On guard of the main citadel of Russia. To the 100th anniversary of the service of the commandant of the Moscow Kremlin of the Federal security service of the Russian Federation]. M.: Russkie vityazi, 2018. S. 671–732.
73. *Zotova A.V.* Sovetskie banki v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Soviet banks during the great Patriotic war] // Voprosy istorii. 2016. No 5 [Question of history. 2016. No. 5]. P. 103–112.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, Красная армия, экономический потенциал, структура власти, Государственный Комитет Оборонь, Совинформбюро, И.В. Сталин, антигитлеровская коалиция, ленд-лиз.

Vladimir A. Nevezhin, Ekaterina S. Saprikina

FACTORS OF THE SOVIET UNION VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE NEWEST EVALUATIONS OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article analyzes the factors of the USSR victory in the Great Patriotic War brought up by Russian historians. Used are the articles and monographics published in 2015–2020.

The main factors of the victory recognized within research literature are: the industrial capacity, Red Army soldiers and commanders' heroism and dedication, patriotic values of the population in connection with the great belief in the government, the patience and ability to overcome difficulties and undergo hardships, caused by the war. Important also was the factor of authority — the personality of I.V. Stalin, who embodied during 1941–1945 party, government and military leadership. Of great importance was the anti-Hitler coalition, initiated by declarations of mutual support from the governments of the USSR, the USA, and Britain.

Key words: Great Patriotic War, Red Army, Economic Potential, Power Structure, Sovinformburo, State Defence Committee, I.V. Stalin, anti-Hitler coalition, lend-lease.

Vladimir A. Nevezhin — D. Sc. (History), Institute of Russian History RAS.

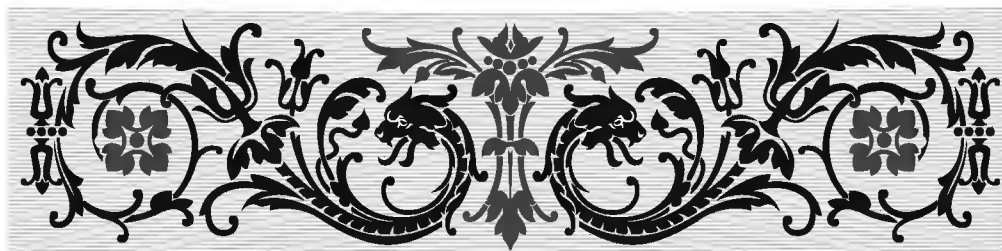
Ekaterina S. Saprikina — Independent Researcher.

 Невежин Владимир Александрович

доктор исторических наук
Институт российской истории РАН

 Сапрыкина Екатерина Сергеевна

независимый исследователь

DOI: 10.35549/HR.2021.2020.34.007

Ch. Read

SOME REFLECTIONS ON TWENTY-FIRST CENTURY REPRESENTATIONS OF STALIN IN THE ENGLISH-SPEAKING WORLD

On the 20 October 2017 Armando Iannucci's black comedy *The Death of Stalin* had its premiere in London. Iannucci is a well-known writer and producer responsible for numerous biting political satires. *The Thick of It*, for example, was a remorseless look behind the scenes of modern British politics where spin and manipulation mediate the clashes between powerful lobbies and factions and sell the resultant policies to a naïve and imperceptive electorate. Lies, mistrust and betrayal dominate. Though extremely amusing, the depictions were too close to the truth for comfort, though the comedy format allowed politicians to brush off the seriousness at its heart. Iannucci's turn to the topic of Stalin's death was very unexpected. He rarely strayed into non-British topics. The film is very loosely based on actual events around Stalin's death with a high-quality ensemble cast playing named roles of those involved including Molotov, Zhukov, Beria and Khrushchev. Nonetheless, Iannucci claims it is fiction not fact. 'I'm not saying it's a documentary. It is a fiction, but it's a fiction inspired by the truth of what it must have felt like at the time'¹. The account

¹ Tobias S. Armando Iannucci on *Death of Stalin*, Political Satire and Trump's Funeral // Rolling Stone. 2018. 10 March.

follows Mikoyan's account of the circumstances but deviates from it and from the wider history of the event in a multitude of crucial ways. Highly emotive scenes are misplaced chronologically, rumours are presented uncritically and 'events' which never happened are included. Beria is shown to have been executed arbitrarily in the immediate aftermath of Stalin's death. A probably apocryphal story sourced only in Solomon Volkov's controversial, not to say discredited, book *Testimony*², which Volkov unconvincingly claimed was a memoir by Shostakovich, illustrates Stalin's supposedly absolute power. In the opening sequence a radio piano concert by Maria Yudina is being listened to by Stalin. When it is over, Stalin sends to the broadcaster for a recording. The concert was not recorded. In a panic over potential imprisonment or worse, the producer calls Yudina and the other performers back immediately and repeats the concert in the dead of night in order to record it, sending the recording to Stalin. Yudina's concert actually took place in 1944 and the recording was made in 1948. Finally, the deaths that occurred through crushes resulting from overcrowding when Stalin's death was announced, are presented as a massacre by armed security forces firing on unarmed civilians. These are just the prize *kliukva* among a juicy harvest³.

The film enjoyed modest success at the box office. British and other film critics were full of praise for it though some critics and members of the public objected that the death of a 'monstrous' and blood-soaked mass murderer like Stalin should not be treated in a humorous and light-hearted fashion. Almost every time it is written about it is gleefully mentioned that it was 'banned in Russia'. It did have a small number of showings in Moscow before the Culture Ministry withdrew its licence on grounds that it denigrated war hero Zhukov. It has circulated widely by informal channels. Over 1.5 million downloads are said to have taken place and sources in Moscow have suggested there are dvd's circulating though this is not confirmed.

Despite all the attention the film received in western Europe and North America and so on there is one question which was neither raised nor answered. What is the point of the film? It was too inaccurate to be good propaganda and, in any case, Ianucci is above such a crude approach. Its impact, however, is clear. It underpins popular western stereotypes about Stalin's rule. It portrays a vulgar, all-powerful and cruel dictator who evokes fear in all around him, including his political allies. A country of ubiquitous fear

² Volkov S. *Testimony* Hamish Hamilton. London, 1979.

³ Overy R. Carry On up the Kremlin: How *The Death of Stalin* plays Russian Roulette with the truth // Guardian. 2017. 18 October is an excellent discussion of the film's historical accuracy.

and savagely arbitrary government is depicted. Some aspects of this are undoubtedly true, others are exaggerations and, as already mentioned, some are apocryphal. Perhaps, however, one could conduct a counter-reading of the film. It is not about Stalin at all. It is about western popular clichés and misconceptions. It is about British rather than Russian politics. This would certainly fit with Ianucci's previous work but such an interpretation has little direct support. Nonetheless, it does speak to the embedded view of Stalin, and indeed the whole discourse about post-revolutionary Russia, which plays an important role in broader political discussion, especially in the English-speaking world. There is a morbid fascination with the Soviet era and many basic assumptions about Soviet Russia have spilled over into debates about contemporary Russia as though the communist system had never collapsed. Curiously, as academic representations become better grounded in evidence and sources, ancient clichés continue to play in the media and the popular imagination. Ianucci's film tells us nothing about Stalin's Russia, but it speaks volumes to British political stereotypes.

Caricatural 'Bolsheviks' appeared in British and American political discourse from 1917 onwards. Even studies of diplomatic circles have revealed how little policy-makers knew about the realities of the Russian Revolution. American diplomats referred to a whole range of left-wing parties as 'bolos' irrespective of their differences⁴. Britain sent assistance to Kornilov to help him overthrow the allied government of Kerensky, himself a bitter opponent of Bolshevism, who was considered to be too left-wing for London tastes. As Marx and Engels predicted, the spectre of communism had come to haunt Europe. Between the wars there were significant communist and allied movements in Britain and the United States which contributed to the formation of labour unions. In 1945, rather oddly since Stalin and the Soviet Union had high prestige in Britain because of the wartime alliance, Churchill and the Conservative Party campaigned on the accusation that a vote for the Labour Party was the equivalent of a vote for Soviet-style despotism, economic inefficiency and political repression. From then on comparable rhetoric became common in British political discourse. George Orwell's *An-*

---

⁴ *Foglesong D.* The American Mission and the "Evil Empire": The Crusade for a "Free Russia" Since 1881. Cambridge, 2007; *Foglesong D.* America's Secret War Against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917-1920. Chapel Hill, 1995; *Foglesong D.* The Perils of Prophecy: American Predictions About Russia's Future Since 1881 // *Russia and the United States: Perceiving Each Other*. СПб., 2015. С. 282-298; *Журавлева В.И., Фоглсонг Д.С.* Русский «другой»: формирование образа России в Соединенных Штатах Америки (1881-1917) // *Американский ежегодник*. 2004. М., 2006. С. 233-281.

imal Farm (1945) and *1984* (1948) were powerful parables reflecting the same assumptions. In the United States, McCarthyism equated being communist with being 'unAmerican'. Since then, democratic left-of-centre, and even centrist, parties and individuals have been portrayed by their opponents and enemies as 'Stalinist' and as sympathisers with the gulag. The perhaps surprising feature is that this trope has survived the supposed end of the Cold War. It has transformed itself into deep-rooted Russophobia which barely recognises that, for example, even the authoritarian government of President Putin is deeply hostile not only to Stalin but to Lenin. Figures like Bernie Sanders in the United States and Jeremy Corbyn in the United Kingdom have been denounced in the right-wing press, media and social media as Stalinists. Even Barack Obama and Gordon Brown have been so targeted.

In a curious inversion the same tactic has been used against Putin, who is also portrayed as a neo-Stalinist and his KGB background is often the only fact about him which journalists seem to know.

The issue here is not that the legacy of Stalin should be ignored nor that there have not been serious violations of civil rights and an imperfect democracy even in the post-1991 era. The problem is the ubiquitous and naive way in which it is used. In popular discourse there is a close tie between Russia and repression which is constantly re-inforced. It creates stereotypes in which nothing in Russia is done without the knowledge and approval of the highest authorities. Deaths are not necessarily natural and fear of the potentially murderous organs of government is constantly asserted but much less frequently supported with even vestigial evidence. This is not the place to dissect murky issues like the poisonings of Alexander Litvinov and the Skripals in Salisbury or the press coverage of the similar attack on Alexander Navalnyi. The assumption of Russian guilt and involvement at the highest level were made from the beginning. It is impossible to know the truth of these terrible events with current knowledge but the British press ignored any counter-arguments to their instinctive assumptions. Why would the government have sanctioned the Salisbury attacks just weeks before the opening of the Soccer World Cup in Russia when the country was trying to put on its best face for its visitors? Incidentally, the positive experience of most fans and their largely hospitable reception was barely reflected in public discourse because they did not fit with the prevailing assumptions. Why, if Navalnyi was officially targeted, would he have been allowed to leave Russia for treatment? Why was Litvinov, or Skripal for that matter, considered to be enough of a threat to warrant being murdered? Why have the Skripals never been allowed by the British security forces to talk to the

press? How does one resolve the contradiction between the apparent use of novichok, supposedly only available from old Soviet-era stockpiles thereby making it a 'Kremlin signature' weapon, and the fact that it is so potent that it is unsurvivable even in small doses, yet Navalnyi, Skripal and two others survived? None of this exonerates anyone from responsibility. The point is that in the mainstream press and media such considerations were swept away in the torrent of Russophobic and anti-Putin assumptions. A recent review in *The Times* newspaper of a book on the Russian athletics doping scandal, illustrates several points. There is no recognition of attempts to rectify the situation to the extent one might think the practices were still ongoing. Second, even Russian sources, in this case the key whistleblower, Vitaly Stepanov, feeds the stereotypes himself. He implies the deaths within weeks of two former heads of Russia's anti-doping agency, Rusada, was suspicious and that he himself is 'Top five on the Kremlin's worldwide hit list'. While Stepanov's struggle against such a deep-rooted set of practices is admirable it is being used to bolster prejudices. If he is number five on a hit list his survival testifies to the inefficiency of the supposed assassins or the egoism of the self-identified target.⁵

It must be emphasised once again the point being made here is not that the charges made in these cases are false but that they are, in the Scottish legal term, 'unproven'. Nonetheless, the assumption of guilt by the media in Britain and the US is overwhelming. The associations can be found in unlikely places. In an, in many ways, admirable series on the history of Russian art on BBC Four, the presenter, Andrew Graham-Dixon, when exploring icon painting in the age of Ivan the Terrible (another subject drowned in clichés) chose to illustrate the horrors of the age of Ivan by talking to a survivor about her experiences in the gulag. It seems unlikely that in an equivalent programme about Germany that a former prisoner of the Nazis would be called upon to compare their experiences with any repressive incidents in Germany's past. Nor is it the case that discussions about Germany have a tendency to dwell on the holocaust. Russia, like Germany, has moved on from those terrible times but the western discourse about Russia has not. The left in Britain or the United States does not claim to discern a Hitler hiding within even relatively moderate right-wing German politicians. Oddly, it is the right, especially in the United States, which uses Hitler as a symbol of

---

⁵ Dickinson M. Russia's Love Affair with Doping // *The Times*. 2020. 1 August. The very title is carefully calculated and a hint of dual standards is present when the article describes serial cheat American cyclist Lance Armstrong as 'a fascinating character'.

socialism to denounce the left on the tenuous and historically laughable basis that Hitler's party was socialist, despite Hitler killing the spuriously 'left-wing' contingent in his party in 'The Night of the Long Knives' in 1934.

Academic re-thinking about Stalin

In an exception to its usual pattern the annual conference of the independent British-based Study Group on the Russian Revolution in 2003 was devoted to a single topic — Stalin. It was the year of the fiftieth anniversary of his death. The meeting, inspired by Sarah Davies, brought together, either at the conference or in the subsequent published collection of papers, leading specialists on Stalin including J Arch Getty, Simon Sebag Montefiore, Sheila Fitzpatrick, James Harris, Erik van Ree, R.W. Davies, Oleg Khlevniuk, Jeremy Smith, Alfred Rieber and many others. Many of the papers were published in an edited collection entitled *Stalin: A New History*⁶. The title was prescient, a new history was, indeed, evolving. Davies and Harris were at the heart of proceedings and they followed this pathbreaking volume with several more key collections of conference papers. Many more scholars took new approaches. Suny and Rieber produced stimulating accounts of Stalin's early years⁷. Terry Martin and Jeremy Smith subjected Stalin's views on nationalities to serious analysis⁸. David Brandenburger subjected the long-dismissed *Short Course*, the official account of party history from its time of publication in 1938, to serious analysis including a forensic study of Stalin's personal input⁹. Erik van Ree and Geoffrey Roberts studied the books in Stalin's library, especially his own annotations, to produce a more complex view of Stalin's intellect¹⁰. R.W. Davies and the Birmingham

⁶ Davies S. and Harris J. *Stalin: A New History*. Cambridge, 2005.

⁷ Suny R. *Beyond Psychohistory. The Young Stalin in Georgia* // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. No. 1. Spring. P. 48-58; Rieber A. J. *Stalin, Man of the Borderlands* // *The American Historical Review*. 2001. Vol. 106. No. 5. P. 1651-1691.

⁸ Martin T. *Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union 1923-1939*. Ithaca, 2001; Smith J. *Red Nations: the Nationalities Experience in and after the USSR*. Cambridge, 2013.

⁹ Brandenburger D. and Zelenov M.V. *Stalin's Master Narrative. A Critical Edition of the History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks). Short Course*. New Haven, 2019.

¹⁰ Ree E. van *The Political Thought of Joseph Stalin: A Study in Twentieth Century Revolutionary Patriotism*. London, 2006; Roberts G. *Overview of Stalin's Personal Library: Stalin Digital Library: Guide to fond 558 opis' 3'* <https://www.stalindigitalarchive.com/frontend/node/135125>

School, focused on the Centre for Russian and East European Studies at Birmingham University in the UK, brought together many more scholars. Some like Moshe Lewin, Derek Watson, Melanie Ilic, Stephen Wheatcroft and Arfon Rees, were based in Birmingham for a significant part of their careers. Others, including John Westwood, John Barber, Mark Harrison and Oleg Khlevniuk were close associates. A number of biographies appeared written by Robert Service, Simon Sebag Montefiore, Stephen Kotkin, Christopher Read and, most recently, Ronald Suny¹¹. Jochen Hellbeck¹² and Ygal Halfin¹³ opened up the question of what Soviet citizens and party members thought about the system which dominated their lives. Foreign policy in the Stalin era was a constantly analysed theme. Geoffrey Roberts, in particular, led a charge on some of the entrenched assumptions in the field¹⁴. Richard Overy wrote a very balanced account of the Eastern Front in the Second World War¹⁵ while Antony Beevor wrote a series of blockbuster volumes on the major battles which, by and large, attracted non-specialists rather than academic readers¹⁶. There were many more articles and conference papers and monographs on many aspects of the period, including postwar government by Yoram Gorlitskii and Khlevniuk¹⁷. A younger generation of scholars have produced a series of works on culture and identity especially in the late Stalin era. As a result, there truly is a 'new history' of Stalin emerging. Not all of the innovatory work was post-2000. Important forerunners included pioneers of re-interpretation, notably Stephen Cohen, J Arch Getty not to mention R.W. Davies, Moshe Lewin and others from the Birmingham School, who fought a sometimes rather lonely battle against dominant stereotypes. It should be mentioned that there are writers who have been little affected by the revisionist current such as Anne Appelbaum and Robert Conquest who refused to be deflected from

¹¹ *Service R.* Stalin: A Political Life. London, 2004; *Montefiore S.S.* Stalin: At the Court of the Red Tsar. London, 2014; *Kotkin S.* Paradoxes of Power 1878-1928. London, 2014; *Kotkin S.* Waiting for Hitler 1928-1939. London, 2017; *Suny R.* Stalin: Passage to Revolution 1878-1917. Princeton, 2020; *Read Ch.* Stalin: From the Caucasus to the Kremlin. London, 2017; R.C. Tucker (Stalin As Revolutionary, 1879-1929: A Study in History and Personality. New York, 1973) was one of the first to see this aspect but also attempted traditional psychohistory to investigate Stalin's pathology.

¹² *Hellbeck J.* Revolution on my Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge; Mass, 2006.

¹³ *Halfin Y.* Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge; Mass, 2003.

¹⁴ *Roberts G.* Stalin's Wars: From World War to Cold War 1939-1953. New Haven, 2006.

¹⁵ *Overy R.* Russia's War: 1939-1945. London, 1997.

¹⁶ *Beevor A.* Stalingrad. London, 1998; *Beevor A.* The Fall of Berlin 1945. London, 2002.

¹⁷ *Gorlizki Y. and Khlevniuk O.* Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945-1953. Oxford, 2005.

the traditional course. The emergence of the concept of the *Kholodomor* as a central part of the founding myth of the Ukrainian nation is also a development forged by Robert Conquest in the old style¹⁸.

Naturally enough the historians mentioned above did not all say the same thing but they did have one feature in common. In their various ways the writers of the new history of Stalin were all breaking away from the predominant cold-war era stereotypes and were, mostly, distancing themselves from crude totalitarian interpretations. Curiously, a large element of the cold war view was adapted from Trotsky's interpretation of Stalin. Trotsky was the closest acquaintance of Stalin during the revolution and after to write extensively about him. Of course, they were political rivals and, unsurprisingly, Trotsky wrote in bitter tones about his nemesis. The main foundations of Trotsky's view were that Stalin was a crude mediocrity who thirsted for power and used it for self-aggrandisement and establishing a rule by fellow mediocrities who destroyed the revolution and smothered its green shoots of democracy and socialism. For two generations after 1945 the totalitarian thesis accredited a plenitude of power and a minimum of competence to Stalin. He had come to power through deceit and administrative manipulation of the party and state apparatuses, transforming himself into a solitary Byzantine dictator who skulked around the Kremlin sowing fear and trembling wherever he went. Socialism meant nothing to him but was merely a cynical wrapper for his personal power. Through reliance on the NKVD Stalin was able to hold a whole nation in thrall through unbridled terror. The central event of his reign was the Great Purge of 1936-1939 in which, among other terrible things, he massacred Lenin's closest assistants because they had become rivals to the General Secretary.

---

¹⁸ Illustrative works include: *Cohen S. Bukarin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography 1888-1938*. Oxford and New York, 1973; *Cohen S. Re-Thinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917*. Oxford and New York, 1985; *Getty J.A. The Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered 1933-1938*. Cambridge and New York, 1985; *Davies R.W., Khlevniuk O., Harrison M., Wheatcroft S. The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 7: The Approach of War 1937-1939*. London and New York, 2018; *Cooper J., Perrie M., Rees E. A. Soviet History 1917-1953: Essays in Honour of R.W. Davies*. London and New York, 1995; *Rees E. A. The Nature of Stalin's Dictatorship: The Politburo 1928-1953*. London, 2003; *Watson D. Molotov and Soviet Government: Sovnarkom 1930-1941*. London and New York, 1996; *Watson D. Molotov: A Biography*. London and New York, 2005; *Conquest R. The Great Terror*. London, 1966; *Conquest R. Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the Terror-Famine*. New York, 1986; *Applebaum A. Gulag: A History of the Soviet Camps*. London and New York, 2003; *Applebaum A. Red Famine: Stalin's War on Ukraine*. New York and London, 2017.

Even at the height of the influence of this interpretation there were important pieces that failed to fit into this jigsaw. There was considerable economic progress as a result of which the USSR became an industrial and urban power with a massive education system to the highest university level with a strong focus on science and engineering. The Soviet Union carried, by a huge margin, the largest burden of the war in Europe compared to Britain and the United States. Western diplomats who met Stalin found him highly competent and often hospitable and friendly. Churchill was charmed by him and even in his 'iron curtain' speech in 1946 referred to Stalin as a 'wartime comrade'.¹⁹ In 1968 his daughter Svetlana, who had been allowed to leave for the west, produced a portrait of Stalin as a loving and, at times, attentive father who lived modestly, even parsimoniously, and impressed on her that such privileges as she enjoyed were bestowed by the working people of Russia and belonged to them not her. While such considerations were well known, they did little to dent the prevailing image of a cruel 'monster' or 'psychopath.' While there were clearly important elements of truth in the totalitarian, cold war, Trotskyite account, it was also, in many respects, a caricature. The new history did not discard all the features of its predecessor but it did begin to see a more 'historical' Stalin based on sources which were analysed and subjected to criticism rather than simply adopted as politically convenient ammunition in the global cold war conflict.

In what ways, then, does the more historical Stalin differ from his caricatural predecessor, defined according to the political principles of the caricaturist? The fundamental question about Stalin personally is what motivated him? What led him to do what he did? The Cold War view used terms like 'monster', 'psychopath', 'cruel', 'barbaric', 'dictator' and so on which were used as though the truth of them was self-evident. On thin evidence, for example that, as a child, he was beaten by his father, whole psychological theories were constructed.²⁰ Such an approach pre-empted consideration of much hard evidence that was readily available. For example, Stalin's own writings and activities were glossed over in favour of weak unsupported or manipulated evidence. This was especially true of his early years in the Caucasus. In western discourse it was widely assumed that he was a bank robber and, slightly less widely, that he was a police informer. Certainly Stalin was close

¹⁹ *Churchill W.* The Sinews of Peace. Speech at Westminster College, Fulton, Missouri, 5 March 1946. <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-sinews-of-peace/>

²⁰ Two articles project some sound and careful historical thinking on this area of Stalin's life: *Suny R.* Beyond Psychohistory: The Young Stalin in Georgia...; *Rieber A.J.* Op. cit.

to those who plotted and carried out the Tiflis 'expropriation' of July 1907 but Kamo, not Stalin, organised it and Stalin did not take part in it. The apparent ease with which he escaped from custody in these years might suggest he had links with the police but the rest of his career in the Caucasus and his eventual long-term detention suggest something else vital to understanding all aspects of his life and career. First and foremost Stalin was a revolutionary. From his late teens in the Tiflis seminary he became committed, first of all, to the liberation of Georgia from Russian rule but quickly developed into a socialist, a Marxist and, unusually for the south of the Russian Empire, a Leninist rather than a Menshevik. There can be no doubt that the young Stalin opted for politics and revolution from this time. He was a formidable organiser of worker unions at a time when it was not unusual for employers to have labour organisers shot dead. Stalin worked assiduously to maintain a Bolshevik voice through a series of newspapers which he organised, edited and contributed to.

In many ways, the recognition that for much, perhaps all, of his career Stalin saw himself as a committed revolutionary is the most important and fundamental aspect of the new history. In the light of this assumption, Stalin's career takes on a kind of consistency absent from earlier views. It opens up interpretations of his writings and speeches as, if analysed carefully, important indicators of his beliefs and tactics, not simply as the deceptive propaganda it was assumed to be in the Cold War view. Within the light of this assumption the policies of the 1930s, disastrous though they were in so many ways, were not simply aspects of a personal power grab by Stalin but grew out of a strategy for achieving revolution via the development of industry, 'modernising' agriculture and expanding education especially in the technical and scientific sphere and opening the highest levels to working people. The Great Purge of 1936-1938 can be seen less as a personal massacre of rivals — it goes way beyond that — and more as a crude, misguided and self-defeating attempt to pre-empt internal opposition in the light of the inevitable war with Nazi Germany. The development of 'Soviet Patriotism' during that war was not a simple reversion to pre-revolutionary Russian nationalism but a celebration of the 'people's' achievements since the overthrow of the ancien regime and a fusion of them with earlier Russian achievements. We will return to some of these policies below in more detail. The point being made here is that they fit into a matrix of Stalin believing, however misguidedly, that he was promoting proletarian revolution. Obviously, his approach was inhuman, disastrous and self-defeating and led to gigantic crimes of negligence rather than of intention but they were motivat-

ed by revolutionary impulses. Interpreting Stalin from this perspective in no way 'excuses' his actions. Enemies of revolution, including President Putin himself, have used the assumption of Stalin as revolutionary to discredit the idea of revolution itself²¹. Incidentally, despite this, the London Economist published a cover showing President Putin as, not only a Stalin-type figure but as a tsarist imperialist as well. The content of Putin's speech was hardly reported in the UK and US.

The simplistic concept of Stalin as psychopath and monster spilled over into the key question of his relationship with his associates. There is a famous cartoon of the 1969 by David Levine depicting, Stalin seated at the front centre with associates seated on either side of him on a bench and more standing behind him like a sports team. Only Stalin has his head. The others have been decapitated. Some years ago Sheila Fitzpatrick happened to use a similar metaphor to quite different extent. In her book and associated articles she talked about *Stalin's Team*²². She set aside, somewhat controversially, the kind of words, such as cronies, accomplices or gang, usually used in Cold War rhetoric to describe associates of recent Russian rulers. Unlike the implications of the Levine cartoon, she pointed out that he had a circle loyal to him which he was loyal to in return. Molotov, Malenkov, Beria, Kaganovich, Budennyi, Voroshilov and Mikoyan and Khrushchev were trusted associates, at least until his rather more unpredictable later years when, for example, he toyed cruelly with Molotov and his wife, forcing him to vote in favour of her arrest in 1949. Significantly, when Polina Zhemchuzhina was released from prison immediately after Stalin's death, she returned to her husband arguing, in the hard Bolshevik tradition, that he had had no choice. To refuse Stalin's pressure would have likely led to greater disaster for them both.

Stalin was, of course, responsible for the deaths of many close associates from the early years of the party, the 'Old Bolshevik' leaders. It is hard to delve into the inner labyrinths of Stalin's mind, especially in cases like the trial and execution of his former associate Bukharin, a man who claimed to be prepared to do anything for Stalin and the party were he to be spared.

²¹ See, for example, his speech at the inauguration of the Wall of Grief on Prospekt Akademika Sakharova on 31 October 1917, just days before the centenary of the Bolshevik revolution. The symbolism was unambiguous. <http://en.kremlin.ru/events/president/news/55948>

²² *Фицпатрик Ш.* В команде Сталина (On Stalin's Team) // Германский исторический институт, Москва. Soviet History Discussion Papers. 2015. No 6. <http://www.perspectivia.net/news/soviet-history-discussion-papers-6-2015>; Fitzpatrick S. On Stalin's Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics. Princeton, 2015.

Stalin's real thoughts on the actions he took against his closest former associates will never be known for certain though it is most probable that he regarded them as enemies who might de-stabilise the revolution. Stalin appears to have known, for example, that Bukharin had described him as 'Genghis Khan with the telegraph' while forming a conspiracy with Kamenev. Stalin's actions conform to a mafia-type code of steeling oneself to deal with enemies, even those emotionally and personally close. The code of feuds and 'honour' killings in the wilder parts of Georgia during his boyhood and youth can, perhaps, be traced here. Like earlier cruel Russian rulers, notably Peter the Great and Ivan IV, historical 'necessity' trumped even family ties. In Stalin's case he would not take action to get his son out of a Nazi prisoner of war camp because it would be hypocritical to take a personal advantage from his position. Stalinists admire the toughness, cold warriors condemned the inhumanity. Stalin is far from alone in this. Historically, much family blood and the treachery of intimates shaped the politics of even 'respectable' dynasties as depicted not only in history itself but also in, for example, the plays of Shakespeare. Such practices had almost died out in the western world but 'expedient assassination' has not entirely disappeared.

Such considerations in no way exonerate Stalin of guilt for the way he dealt with those he considered to be enemies. However, it does re-formulate the charges against him. The tragic irony is that, in exerting such an iron fist, Stalin was probably putting the revolution at risk more than the supposed enemies. This was written on a large scale with the purges. Indeed, as research especially by leading figures in the Birmingham School like R.W. Davies, Arfon Rees, Stephen Wheatcroft and Oleg Khlevniuk, has shown, the cataclysm of 1936-1938 almost destroyed the Soviet system and only emergency braking prevented economic collapse and possible future wartime catastrophe. The associated purge of leading military figures not only severely weakened the efficiency of the military command, it even encouraged Hitler to attack the Soviet Union which, he believed, was militarily weak and rotting from within. While we cannot re-run history to test hypotheticals it seems reasonable to assume that the Stalinist 'cure' was often more destructive than the disease. One might note that the post-Stalin release of almost all political prisoners and the ending of crude repression, Beria being one of the last political executions in December 1953, stabilised rather than endangered the system, underlining the disastrously counter-productive nature of Stalin's methods. Stalinists claimed they were 'necessary' and toughness was a sign of determination. In reality, it was al-

most the nemesis of the system. The massive tragedies associated with other of Stalin's 'signature' policies — especially the famines following the inept and inhuman implementation of collectivisation and the waste of resources in early industrialisation — lay Stalin open to the charge of untold and immeasurable criminal negligence.

A common feature of popular and academic representation of Stalin has been to 'compare' him to Hitler. The concept of totalitarianism was evolved with this in mind. In reality, the comparative element was secondary to equating the two individuals and their governance. Any genuine comparison would have to conclude that whereas everything Hitler and his fellow fascist dictators aimed for was destroyed and that Hitler reduced his country to ruins, Stalin, for better or worse, was left with a severely weakened but victorious country in 1945 which, by the time of his death in 1953, had recovered economically and militarily and had become the second most powerful country in the world. This element of 'positive' construction and the tangled interaction with the United States since 1945, has complicated the picture of Stalin and Stalinism. Stalin presided over 'achievements' as well as being responsible for criminal catastrophes. Every step the Soviet Union took was firmly opposed by Britain before 1941 and by its successor as leading global power, the United States after 1945. As in the case of war, a temporary conjuncture of interests could lead to extensive co-operation but the basic matrix was hostility, a hostility that blighted Soviet growth and has created a culture of distrust and paranoia on both sides which has long survived the demise of Stalin and even of the Soviet system itself.

This is not the place to pursue exactly how this has operated. For example, the immediate post-Stalin leadership appeared to think that with Stalin gone they could improve relations with the United States.²³ There were conflicting responses from Eisenhower, who favoured better relations, and Secretary of State John Foster Dulles, who believed communism could be crushed by applying a little more pressure. The Dulles argument, that when 'Moscow' called for compromise it was weak and it should be pressured as much as possible, and when it was intransigent no agreements were possible and again it must be pressured, came to dominate US policy to the USSR. Soviet initiatives from 'Peaceful Coexistence' through 'Mutually Beneficial Agreements' to 'New Thinking' and beyond were rejected though a limited and ambiguous 'détente' briefly offered hope for change until Reagan opened a second cold war on 'The Evil Empire'.

---

²³ *Read Ch.* The Making and Breaking of the Soviet System. London, 2001. P. 154-155.

To facilitate this process of unbroken underlying hostility the image of the dictatorial Stalin and the criminal aspects of his rule were especially helpful while Soviet achievements were rarely acknowledged except either as threats — the non-existent ‘missile gap’ rhetoric which played a major role in getting Kennedy elected as president — or achieved at inhuman cost, such as victory in 1945 which was incorrectly attributed to the Soviet army being prepared to sacrifice innumerable numbers of lives in pursuit of victory²⁴.

The positive achievements of the Soviet system, and even of post-Soviet Russia, have been concealed from view by constant return to the horrors of the gulag. Nonetheless, foreign policy is an area which has opened up considerably since the Cold War. Nuanced and evidence-based interpretations by, first and foremost, Geoffrey Roberts, have argued that in the most polemically polluted areas of analysis — the August 1939 German-Soviet Agreement and the responsibility for the outbreak of the Cold War — Stalin was far from being the only one at fault. After the debacle of the 1938 Munich Treaty and the subsequent reluctance of Britain to negotiate an agreement with the USSR despite intense prompting from France, Roberts and others have argued that Stalin’s options had been very limited. Poland’s in many ways understandable but ultimately disastrous refusal to accept Soviet ‘support’ to defend itself against Germany, while Britain ‘guaranteed’ Polish security but had no conceivable way of implementing such a policy itself and assumed the USSR would fight, meant the USSR was risking being trapped in a war with Germany which it would have to fight alone. The US-British dream scenario was that Germany and Russia would fight each other to destruction and Britain, with US support would dominate the European continent. The situation was crudely summed up by Harry Truman: ‘If we see that Germany is winning we ought to help Russia and if Russia is winning we ought to help Germany, and that way let them kill as many as possible, although I don’t want to see Hitler victorious under any circumstances’²⁵.

Roberts has also shown that, on current evidence, Stalin expected the Grand Alliance with the United States, Britain and France to continue for

---

²⁴ According to Overy: ‘one awkward fact that makes it difficult to accept that the Soviet system as such squandered its manpower in war: the Tsarist armies between 1914 and 1917 averaged 7000 casualties a day, compared with 7950 a day between 1941 and 1945. The figures are not entirely reliable but they give a sense of proportion.’ (*Overy R. Russia’s War... P. 214–215.*)

²⁵ Washington Post. 2018. July 17.

the foreseeable future after the war and that the United Nations would be the key agent of mutual co-operation. Stalin's high estimation of the importance of the UN was visible not only in his emphasis on it in discussions with foreign journalists²⁶ but also in the painstaking detail in which he helped to plan it. For example, the structure was minutely negotiated by Stalin to, for example, redress the imbalance between western controlled and Soviet controlled votes by giving notional separate status to Ukraine and Bielorussia (now Belarus). No one has found any 'blueprint' for the deliberate takeover of Eastern European states and the imposition of Communist rule and modified versions of the Soviet economic and political system. These events had much more contingency about them and the 'iron curtain' resembled the 'cordon sanitaire' of 1919 in being set up by western powers to exclude Soviet influence as much as the other way round. It has also been argued, with significant archival support, that the final straw bringing about the unconditional surrender of Japan, was the entry of the Soviets into the Far Eastern military theatre, not the nuclear bombings of Hiroshima and Nagasaki. These last two bombings have themselves been interpreted by some authorities as a warning to the USSR as much as to Japan²⁷.

In the caricatural definition Stalin's personality is usually depicted as cruel, psychopathic and/or monstrous. He is assumed to have a mediocre intellect but possessed a deep cunning and an unassuageable thirst for vengeance and supreme power. Interestingly, even at the dawn of the Cold War, impeccable sources told a somewhat different story. The testimony of many western politicians and diplomats from Churchill to Truman via Stettinius and Anthony Eden all presented a Stalin who was quick-minded, well-briefed and apparently straight-dealing. Churchill was clearly charmed by him and referred to him in warm personal terms. Even in the Fulton Speech of 1946 in which he launched the concept of an iron curtain Churchill said: 'I have a strong admiration and regard for the valiant Russian people and for my wartime comrade, Marshal Stalin'²⁸. Even Truman wrote in his diary

²⁶ *Read Ch.* Stalin... P. 272. Also pp. 259-293 for a discussion of the possibility of alternative outcomes.

²⁷ *Gowing M.* Britain and Atomic Energy 1939-1945. London and New York, 1964; *Gowing M.* Independence and Deterrence: Britain and Atomic Energy 1945-1952. London and New York, 1974; *Edwards R.* Hiroshima bomb may have carried hidden agenda // *New Scientist*. 2005. 21 July reporting presentation to London Greenpeace Conference by Mark Selden and Peter Kuznick and refutation by Lawrence Freedman. <https://www.newscientist.com/article/dn7706-hiroshima-bomb-may-have-carried-hidden-agenda/#ixzz6ZbB4Wge6>

²⁸ *Churchill W.* The Sinews of Peace. Speech at Westminster College, Fulton, Missouri, 5 March 1946...

during the Potsdam Conference that: 'I can deal with Stalin. He is honest — but smart as hell'²⁹. Many more comments by westerners having contact with Stalin tell the same story of Stalin's intellect, ability and cunning. Even so, in the Cold War, Trotsky's description of him as a mediocrity was widely assumed to be true, as were so many other of Trotsky's representations of his great rival. It is only with deeper research, especially close examination of Stalin's library and his personal annotations and comments by, especially, Erik van Ree, who led the way, and Roberts, who has followed up more recently, that we have come to a more accurate perception of Stalin's mind. He was a penetrating and shrewd reader who did not confine himself to learning only from Marxists and Leninists but engaged with a variety of authorities in, for example, trying to come to terms with Nazism.³⁰ He did not spend a lot of time reading as he was occupied with practical tasks most of the time. Trotsky turned this against him arguing he was nothing but a second-rate bureaucrat who owed his position to a degenerate talent for manipulating bureaucracies and bureaucrats to his own ends. This idea itself has been severely criticised by James Harris who has, in several studies, shown that Stalin's success lay not only in his spider-like position at the centre of all major bureaucratic webs, but also in his political appeal as a centrist in the party and a unifier who stood against factionalism. These positions were neither fully sincere nor permanent but he would not be the first politician to change his apparent principles upon coming to power. In other words, he was not a bureaucratic mediocrity but an active and intelligent politician.

Many other aspects of Stalin's personality have been revealed more clearly by recent research as the power of the two dominant influences of previous generations — the depictions of Stalin by Trotsky and the associated view of him refracted in the lens of the Cold War — begin to weaken. In a kind of halfway house between traditional and new interpretations Simon Sebag Montefiore wrote two lengthy studies of the early Stalin and of his entourage in the Kremlin in the 1930s. Both volumes show exhaustive research and reproduction of many comments by memoirists and eye-witnesses of varying degrees of authenticity, blended into an interpretation close to the traditional one of the moral-free, pragmatic dictator obsessed with his own power. The volume on his early life opens with an extensive account of the Tiflis bank raid (1907) which only reveals that Stalin was

²⁹ *Truman H.S.* Diary entry dated July 17, 1945 quoted in: *Washington Post*. 2018. July 17.

³⁰ See, for example, *Read Ch. Stalin...* P. 215.

not a direct participant some twenty pages in. Montefiore describes Stalin as a Caucasian brigand with an eye for the ladies, claiming he had affairs with numerous women. On the cover of the paperback edition are nine separate photos of Stalin in different aspects of his life — seminarian, bank-robber, army commander, dictator and so on — but none of them refers to him as a revolutionary which is now seen by many as the main focus of his life. The book on his entourage is suspended between presenting a vibrant social life among the elite and presentation of the horrors of the period as solely Stalin's doing with little reference to the complexities revealed by many other historians. Montefiore's approach is rich in anecdote and rumour and very engaging but less helpful in guiding the reader through the many stories reproduced with an eye to separating the more likely from the wildly improbable. The net result is the depiction of unbridled horror from sometimes unanalysed sources.

Robert Service's biography, published in 2004, was more discerning in its analysis of sources and was the first and fullest western biography of the post-perestroika era but was also a halfway house — superb new research but a rather traditional interpretation putting Stalin personally at the centre of everything. There is, of course, a good case to be made along traditional lines but, as we have seen, research post-2000 was creating a more complex and nuanced view. The most substantial biography of Stalin of this, or any, era has been produced by Stephen Kotkin. Two lengthy volumes have appeared and a third is expected by the end of 2020. Kotkin has scoured an unimaginably vast array of source materials but, compared to Montefiore, he has included a more extensive guiding authorial voice. To summarise a vast enterprise, Kotkin presents a committed revolutionary Stalin and, by and large, does not follow the dominant characterisation derived from Trotsky. From his revolutionary roots Stalin does not rise to power simply through administrative manipulation and deception. He has friends and allies who idolise him and a political position of steady consolidation rather than vainglorious gambles on a chimerical 'world revolution'. His drive to complete the revolution comes from Lenin and the policies implemented in the years from 1928-1932 were taken from the orthodox Bolshevik playbook. Correctly, while he words his argument carefully, Kotkin does not support the view that the 1932 famine was either deliberate or specifically aimed at Ukraine as a weapon of terror and intimidation. He points out that the chief area to suffer was Kazakhstan and that attempts were made to ameliorate the famine once the situation was recognised in Moscow. Such efforts were pathetically inadequate and

far too late to ward off catastrophe. Disappointingly, perhaps, Kotkin reverts to the vocabulary of Stalin as 'sociopath' which tends to cut short analysis by diving into cliché. Kotkin convincingly muses that we cannot fathom Stalin's mind when he condemned so many friends, colleagues and innocent family members to hideous fates but he does suggest a mentality of war, class war, as the key factor. Like any mafia chief and many political leaders in history, Stalin seems to have thought that, if dark deeds had to be done, they should be done emphatically. As Molotov argued in his 1970s conversations with Chuev, the struggle in the 1930s was intense, the stakes as high as the survival not only of the USSR but of Russia. For Stalin, and Molotov, the sacrifice of the innocent was a tragic but unavoidable side effect of pursuing the guilty³¹.

Kotkin does have a number of less convincing arguments. He suggests that 'Lenin's Testament' was tampered with, even forged, by the entourage of women including Stasova, Krupskaya and Lenin's sister Maria who surrounded him and looked after him on a daily basis. The evidence Kotkin presents for this sensational claim remains thin. The title of the second volume, *Waiting for Hitler 1928-1941* also points to the view that Stalin was aiming for a deal with Hitler from the beginning. Not only does such an interpretation completely undermine Kotkin's own view that Stalin pursued a Marxist-Leninist revolutionary agenda, there is no significant evidence to support it. If anything, there is a new element of interpretation to be developed in the opposite direction — that constant threat and intervention from 1918-1920 to 1927, to the invasion of Manchuria in 1931, the rise of fascism and nazism and so on severely hampered Russia's revolutionary resolve, its economy and its security, thereby contributing to its failures. The Cold War and post-Soviet Russophobia have had the same effect, to the detriment of all sides.

In a much more compact one-volume biography produced in 2017, the present author followed a number of the same lines of analysis as Kotkin. In particular, the revolutionary roots of Stalin's career and attitudes; his popularity in the party and among his inner circle; the inexplicable nature of the purge of his intimates. However, Read approaches a number of questions somewhat differently. Collectivisation achieved key aims of providing a steady flow of grain to the state at the expense of the peasants (so much so that the German occupiers kept it going for the same purpose when abolishing collective farms could have boosted their popularity).

³¹ Chuev F. Molotov Remembers. Chicago, 2007. P. 272–283, 285–297.

He also shares Kotkin's view of criminal negligence rather than criminal intent over the paroxysms of the thirties but also points out, following Davies, Rees, Khlevniuk and others, that, far from being necessary, the purges almost brought the Soviet Union to the point of collapse. And that, in every respect, the country would probably have been much more, rather than less, secure without them. The August 1939 agreement with Germany was a last, desperate gamble made necessary when the western powers refused to stand up to Hitler at Munich when the Soviets had seventy divisions ready to go to war³². In the areas which Kotkin has yet to reach, Read also argued that the Yalta agreement was a positive one; that Stalin believed the United Nations would be a key institution binding the wartime allies together and maintaining world peace; that the permanent division of Germany and the sovietisation of Eastern Europe were more improvised than planned and that the USSR was not on the verge of a massive anti-Semitic purge in 1953. Read also points out that Britain and other imperial powers were hypocritical in excessive and unrelenting focus on the gulag when their own comparable failures — from nineteenth century 'holocausts'³³ to the Bengal Famine of 1942/1943 and the collusion of the US and British governments in the massacre of the ethnic Chinese population of Indonesia in 1965-1996 on the grounds that they were communists, were all but excluded from the pageant of national and imperial history.

There are many other studies of the Stalin era. Some, like Kevin McDermott's biography, focus on Stalin himself. McDermott focuses his interpretation of Stalin around the concept of warfighting. When not fighting hot wars, as in the period 1917-1922 (or even 1926 if one follows Smele's chronology of the civil war era)³⁴ and most of 1936-1953 Stalin saw himself as a warrior in the internal class war. From this perspective, issues of innocent victims, desperate violence and ends justifying means are comparable to the way almost all states fight wars and 'Stalinism' becomes the 'socialism' of a backward country fighting an unending war. Stalinism becomes less exceptional in this particular optic. It does not, however, suggest this was a sensible way for Stalin to conduct policy nor does it wipe away the charge that the most destructive policies were counter-productive and in supposed-

³² *Volkogonov D.* Stalin: Triumph and Tragedy. London, 1991.

³³ *Davis M.* Victorian Holocausts: El Nino Famines and the Making of the Third World. London, 2000.

³⁴ *Smele J.* The 'Russian' Civil Wars, 1916-1926: Ten Years That Shook the World. London, 2015.

ly defending the system Stalin and his associates almost brought it crashing to the floor.

Such are the main lines of interpretation by Stalin's post-2000 biographers in the English-speaking world. There are many studies which touch on aspects of Stalin's life and times without being comprehensive and there are many studies of the Stalin era in which he is largely an off-stage character. It should be mentioned, in this context, that there has been a significant change of focus in research on the Soviet period. Before 1991, the main area of scholarly contention was the revolutionary era from 1899 (or, in some cases, 1881 or even 1861) to around 1921, 1922 or 1928 depending on what each author saw as the 'beginning' and 'end' of the revolutionary process. However, in the twenty-first century, study of the revolution, apart from in the United Kingdom, has given way to studies of the Stalin era. The reasons for this are complex and include the decline of the revolution as a politically inspiring event; associated with that a more right-wing global political spectrum and, thirdly, the emergence of new material for a period which was wrapped in obscurity before the arrival in power of Mikhail Gorbachev and the greater availability of source materials on the 1930s since then. Younger scholars in Europe and North America have also turned to postwar Stalinism, the 1950s and the Khrushchev era in greater numbers though, perhaps surprisingly, analyses of perestroika have been less frequent than might have been expected. Among the fruits of these newly-opening fields are major works by Jochen Hellbeck and Yuri Slezkine which throw much light on the Stalin era without focusing on Stalin personally. In his pioneering studies of memoirs and other, so-called, ego documents Hellbeck has shown that the Stalinist/Soviet project had supporters willingly constructing the new world promised in ideology.³⁵ Slezkine has, among other things, shown in his exhaustive study of the second tier of the Soviet élite in Moscow, that there were many socialist entrepreneurs and managers happy to have a positive role in socialist construction.³⁶ Many other things have been illuminated in superb studies. David Brandenburger has shown that Stalin edited the *Short Course* history of the party published in 1938 in such a way that the greatest excesses of the cult of Stalin's personality within it were scaled down. For many, this confirms the view that Stalin simply used the cult of his personality as a handy tool rather than, as cold warriors

³⁵ Hellbeck J. Op. cit.

³⁶ Slezkine Y. *The House of Government*. Princeton, 2017.

tended to suggest, being taken in by the extreme flattery on which it was based. In an important study of the Kirov affair of 1934, Matthew Lenöe did not find any evidence to implicate Stalin.³⁷ Official enquiries set up in Moscow by Khrushchev and later by Gorbachev, had no more success than Lenöe. While absence of evidence is not proof, it seems reasonable to conclude that Stalin did not order it but was severely shocked that it could happen. For some, this meant that it was an important event precipitating the purges. If an assassin could strike Kirov in his office it was incontrovertible evidence that the police were doing a bad job and that there were serious enemies at large and armed. In classic Stalinist overreaction these two weaknesses were overcome through the sledgehammer tactics of the purges. Other analysts, more reluctant to let go of cold war 100% intentionalist understandings of the purges, have incorporated this new information by simply concluding that Stalin simply took advantage of a random event to mask his already-formulating plans for complete personal dictatorship rather than give it the status of an important, independent cause of the ultra-tragedy.

Although the popular presentation of Stalin and the Soviet era remains stuck in outworn clichés, academic accounts in the English speaking world since 2000 represent a great historical advance. Far more is known about the period. Reliable and unreliable evidence have been sorted out from each other. The figure of Stalin emerges as a revolutionary ambitious for revolution, with personal power the means to achieve it not an end in itself. Stalin modelled himself on Lenin and believed he was implementing Lenin's plan and fulfilling Lenin's life work. Stalin emerges as a sociable and friendly individual unless he was crossed. In the tradition of Peter the Great and others he was prepared to do what it took to achieve results. He sacrificed himself and his personal feelings to the cause and asked no personal privileges for himself or his family, though he and they did enjoy what was an élite life style in Soviet terms, although it would have been considered modest, even ascetic, by western elites. He was capable of generosity, for example the adoption of Artem Sergeev, whose father, a friend of Lenin, died in a rail accident. He brought up Artem who lived modestly and out of the limelight, serving in the army, and rising to the level of Lieutenant General, until his death in 2008. But he could equally display unfathomable and unpredictable caprice, imprisoning his friend of 1917 and sister-in-law, Anna Alliluyeva, for publishing innocuous memoirs. He

---

³⁷ *Lenoe M.* The Kirov Murder and Soviet History. New Haven, 2010.

could toy with friends and enemies and steadfastly condemn figures close to him. Stalin obviously remains at the centre of the web but studies of his close associates have shown he did not act alone. He was not personally cruel or psychopathic or monstrous though there were deeds with which he was closely associated which were. He was no fool but no one has penetrated the sombre depths of his labyrinthine mind.

However, new criticisms have emerged. Perhaps the most telling, currently in its infancy, is that the real problem with his main policies — collectivisation; industrialisation; the purges and even the war — were not only that they were massively costly in human and material resources. Perhaps worse than that, the methods of implementation were self-defeating. The purges, intended to strengthen the country, practically destroyed it. The early approach to the world war led to severe defeats before the tide turned in late 1942. The charge sheet against Stalin is being re-drawn. His policies reflect catastrophic criminal negligence rather than the intent to be vicious which they are often thought to be. This debate has a long way to run. The macabre figure of Stalin still appears to be provoking analysis and reflection on a massive scale.

REFERENCES

1. *Applebaum A.* Gulag: A History of the Soviet Camps Red. London and New York: Penguin, 2003. 876 p.
2. *Applebaum A.* Red Famine: Stalin's War on Ukraine. New York and London: Penguin, 2017. 680 p.
3. *Beevor A.* The Fall of Berlin 1945. London and New York: Viking/Penguin, 2002. 501 p.
4. *Beevor A.* Stalingrad. London and New York: Viking/Penguin, 1998. 637 p.
5. *Brandenberger D. and Zelenov M.V.* Stalin's Master Narrative. A Critical Edition of the History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks). Short Course (Annals of Communism). New Haven: Yale University Press, 2019 1017 p.
6. *Cohen S.* Bukarin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography 1888–1938. Oxford and New York: Oxford University Press, 1973. 562 p.
7. *Cohen S.* Re-Thinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. Oxford and New York: Oxford University Press, 1985. 240 p.
8. *Conquest R.* The Great Terror. Oxford University Press; 1966. 584 p.
9. *Conquest R.* Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the Terror-Famine. Oxford: Oxford University Press, 1986. 412 p.
10. *Cooper J., Perrie M., Rees E.A.* Soviet History 1917–1953: Essays in Honour of R.W. Davies. London and New York: Palgrave Macmillan, 1995. 308 p.
11. *Davies R.W., Khlevniuk O., Harrison M., Wheatcroft S.* The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 7: The Approach of War 1937–1939. London and New York: Palgrave Macmillan. 2018. 435 p.
12. *Davies S. and Harris J.* Stalin: A New History. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 310 p.
13. *Davis M.* Late Victorian Holocausts: El Nino Famines and the Making of the Third World. London: Verso, 2000. 464 p.
14. *Fitzpatrick S.* On Stalin's Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2015. 379 p.
15. *Foglesong D.* America's Secret War Against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995. 400 p.

16. *Foglesong D.* The American Mission and the “Evil Empire”: The Crusade for a “Free Russia” Since 1881. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 364 p.
17. *Foglesong D.* The Perils of Prophecy: American Predictions About Russia’s Future Since 1881 // *Russia and the United States: Perceiving Each Other.* СПб., 2015. С. 282–298.
18. *Foglesong D., Zhuravleva V.* Russkij “drugoj”: formirovanie obraza Rossii v Soedinennyh Shtatah Ameriki (1881–1917) [The Formation of American Images of Russia as an “Other,” 1881–1917] // *Amerikanskii Ezhegodnik 2004* [American Yearbook 2004]. Moscow, 2006. P. 233–281.
19. *Getty J.A.* The Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered 1933–1938. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1985. 292 p.
20. *Gorlizki Y. and Khlevniuk O.* Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953. Oxford: Oxford University Press, 2005. 259 p.
21. *Gowing M.* Britain and Atomic Energy 1939–1945. London and New York: Palgrave Macmillan, 1964. 480 p.
22. *Gowing M.* Independence and Deterrence: Britain and Atomic Energy 1945–1952. London and New York: Palgrave Macmillan, 1974. 516 p.
23. *Halfin Y.* Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2003. 380 p.
24. *Hellbeck J.* Revolution on my Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge; Mass: Harvard University Press, 2006. 460 p.
25. *Kotkin S.* Paradoxes of Power 1878–1928. Oxford: Oxford University Press, 2014. 803 p.
26. *Kotkin S.* Waiting for Hitler 1928–1939. Oxford: Oxford University Press, 2017. 1124 p.
27. *Lenöe M.* The Kirov Murder and Soviet History. (Annals of Communism) New Haven: Yale University Press, 2010. 864 p.
28. *Martin T.* Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union 1923–1939. Ithaca NY: Cornell University Press, 2001. 532 p.
29. *Montefiore S.S.* Stalin: At the Court of the Red Tsar. London: Weidenfeld and Nicolson, 2014. 384 p.
30. *Overy R.* Russia’s War: 1939–1945. London: Penguin, 1997. 432 p.
31. *Read Ch.* The Making and Breaking of the Soviet System. London: Palgrave Macmillan, 2001. 272 p.
32. *Read Ch.* Stalin: From the Caucasus to the Kremlin. London: Routledge, 2016. 362 p.

33. *Ree E. van.* The Political Thought of Joseph Stalin: A Study in Twentieth Century Revolutionary Patriotism. London: Routledge, 2006. 375 p.
34. *Rees E.A.* The Nature of Stalin's Dictatorship: The Politburo 1928–1953. London: Palgrave Macmillan, 2003. 283 p.
35. *Rieber A.J.* Stalin, Man of the Borderlands // The American Historical Review. 2001. Vol. 106. No. 5. P. 1651–1691.
36. *Roberts G.* Stalin's Wars: From World War to Cold War 1939–1953. New Haven: Yale University Press, 2006. 423 p.
37. *Service R.* Stalin: A Political Life. London: Pan Macmillan, 2004. 764 p.
38. *Slezkine Y.* The House of Government. Princeton: Princeton University Press, 2017. 1123 p.
39. *Smele J.* The 'Russian' Civil Wars, 1916–1926: Ten Years That Shook the World. London: Hurst, 2015. 460 p.
40. *Smith J.* Red Nations: the Nationalities Experience in and after the USSR. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 413 p.
41. *Suny R.* Beyond Psychohistory. The Young Stalin in Georgia // Slavic Review. 1991. Vol. 50. No. 1. Spring. P. 48–58.
42. *Suny R.* Stalin: Passage to Revolution 1878–1917. Princeton: Princeton, 2020. 896 p.
43. *Tucker R.C.* Stalin As Revolutionary, 1879–1929: A Study in History and Personality. New York: W.W.Norton, 1973. 539 p.
44. *Volkogonov D.* Stalin: Triumph and Tragedy. London: Weidenfeld and Nicolson, 1991. 640 p.
45. *Watson D.* Molotov: A Biography. London and New York: Palgrave Macmillan, 2005. 411 p.
46. *Watson D.* Molotov and Soviet Government: Sovnarkom 1930–1941. London and New York: Palgrave Macmillan, 1996. 274 p.

Key words:

Stalin; purges; collectivization; Second World War

К. Рид

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛИ СТАЛИНА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МИРЕ В XXI ВЕКЕ

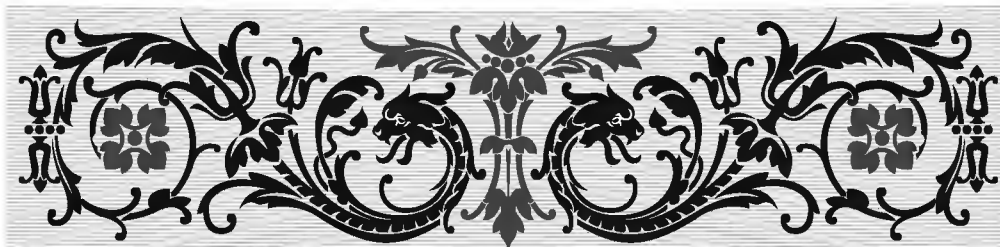
бразы Сталина и упоминания о нем, а также худшие стороны его правления использовались правыми силами в англоязычных средствах массовой информации, включая социальные сети, чтобы создать впечатление, что даже умеренные левые политики являются поклонниками или подражателями Сталина. Кроме того, таким образом они хотели дискредитировать концепцию социализма посредством создания ассоциаций с советским диктатором. В то же время авторы академических исследований о Сталине с 2000 года отошли от таких клише, как «психопат», «монстр» и т. д., которые заранее искажают подлинный анализ и восприятие, в пользу более глубокого с аналитической точки зрения и основанного на фактических данных рассказа о Сталине и его влиянии. Центральное место в нем занимает тенденция видеть в Сталине убежденного революционера, который считал, что исполняет волю Ленина, а не просто диктатора, одержимого только личной властью и карьерой. Эта тенденция помогает пролить свет на самые сложные аспекты анализа личности Сталина и его эпохи, в частности на сопоставление трагедии и ужаса ГУЛАГа и голода, который можно было предотвратить, с его социальными и политическими достижениями, включая победу во Второй мировой войне, решительный переход Советской России от традиционного общества к индустриальному и общую урбанизацию. Статья посвящена прогрессивному подходу к рассмотрению этих двух взаимосвязанных вопросов.

Ключевые слова: Сталин, чистки, коллективизация, Вторая мировая война.

Кристофер Рид — профессор истории Европы, Уорикский университет (Великобритания).

Christopher Read

Professor of European History
University of Warwick (The United Kingdom)

C. Kumuk

EMPIRE AND BELONGING IN THE EURASIAN BORDERLANDS.

Ed. by Krista A. Goff, Lewis H. Siegelbaum

Ithaca and London: Cornell University Press, 2019. 282 p.

Towards the end of the year 2019, I heard that a book entitled “*Empire and Belonging in the Eurasian Borderlands*” had recently been published. I’ve read in the introductions on e-commerce sites where the book was sold, that the articles in the book examine the different dimensions of being a subject in the multi-ethnic regions of the Ottoman Empire and Tsarist Russia, and the Soviet Union in the 19th and 20th centuries. It has also been indicated that not only the accounts of state officials in these regions, but also the accounts and experiences of teachers, linguists, humanitarian officials, refugees, exiles, soldiers, and nomads are included in the book. Despite these accounts, I could not find an adequate number of detailed and insightful reviews of the book. I bought it because I thought it might be a good resource for my ongoing monograph studies on the experiences of the peoples of the North Caucasus in the 19th and 20th centuries.

At first glance, it appears that the book is a compilation of presentations made at a conference honoring Professor Ronald Grigor Suny in October 2016 at the University of Michigan which was briefly called “*RonFest*”, and with the official title; “Nationalism, Revolution, and Genocide”. As a matter of fact, the topics of the five different panels in the conference were all about

the competence areas of Professor Suny; “*Marxism, Identity, Soviet National Policies, Empire and Genocide.*” The conference was organized through the efforts of the editors of this book; Krista Goff and Lewis Siegelbaum.

At the end of the first reading, I saw that the articles in the book dealt with the issues of creating the concept of belonging in multi-ethnic structures as a power tool or the exclusion of different ethnicities in different ways. In the introductory article of the book, Goff and Siegelbaum state that the book is based on discussions within the framework of national and imperial analysis in the Eurasian border regions of the Russian / Ottoman empires and the negative aspects and consequences of these belongings. It is stated that the study focuses on Muslims and other elites in Russia, as well as the experiences of Circassians, Crimean Tatars who took refuge in the Ottoman Empire, other Muslims who visited Istanbul Sufi lodges on the way to Hajj, and people from different social layers of these societies.

The first article entitled “*Making Minorities in the Eurasian Borderlands: A Comparative Perspective from the Russian and Ottoman Empires*”, by Janet Klein, focuses on the creation of minorities in Ottoman and Russian imperial structures and focuses on the duality of imperial and national affiliations. In the article, Klein emphasizes how minority communities use this as a tool to seek protection under international law while emphasizing that state authorities also see these communities as a threat and put them under pressure. Klein states that minorities, as well as nations and social classes, should be historicized as a subject of assessment. Klein makes very accurate determinations for periods covering the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century. However, she cannot reach a completely accurate conclusion, as she does not consider the impacts of milestones, such as the Napoleonic Wars and the Congress of Vienna in 1815, in the development of events that occurred between this time bracket.

Ian Campbell, in his article “*Bloody Belonging: Writing Transcaspia into the Russian Empire*”, wrote on the subject of the massacre of Tekke Turkomans in Goek-Tepe on January 12, 1881. Campbell emphasizes how the 1881 massacre was attempted to be justified in Russian historiography, underlining that the Turkoman Dervish lodges were presented as if they were part of something larger than they really were when they were not in the Russian yoke. Although Campbell explains that this is not true, he does not state that the background of this savagery was the humiliating defeat and massacre of Russian soldiers in the Khiva campaign of Peter I in 1717. Therefore, it is not clear that there is no sociological phenomenon behind this act of revenge. Another article about Trans-Caspian and Central-Asia in the book belongs to Matthew Payne. Payne,

in his article entitled “*Do You Want Me to Exterminate All of Them or Just the Ones Who Oppose Us?: The 1916 Revolt in Semirech'e*” discussed violent suppression of the 1916 rebellion against Muslim Kazakh and Kyrgyz populations who were forced for enrolment into military service in Semirech by the Tsarist forces and Russian settlers. Payne argues that such riots should be viewed as a reaction to the pressures of modernization and war through imperialist coercion, and argues that the violence used in the enslavement attempt in Semirech also reflects the power that destroyed peace between people during the civil war period that would later take the empire into its claws. These two articles are good examples of the violence imposed by the imperial powers on the occupied lands and the fact that the people were reduced to minorities in their lands. However, they are not very much related to the main theme and the title of the book; “Domains of Ottoman and Russian empires, and belonging in the Eurasian borderlands” because the Central Asian domains Khiva Khanate and Semirech are not located in the regions where borders of empires intersect.

In his article entitled “*The Armenian Genocide of 1915: Lineaments of a Comparative History*”, Norman Naimark presents a comparative narrative to defend his ideas by revealing the common aspects of the genocide phenomenon in general and its causal factors regarding the events of 1915. Another article about Armenians, who occupy an important place in the balances between the Ottoman and Russian empires, was written by Jo Laycock. In his article “*Developing a Soviet Armenian Nation: Refugees and Resettlement in the Early Soviet South Caucasus*”, Laycock focuses on the program of the League of Nations for the emigration of Armenian refugees from Anatolia to Soviet Armenia. The article examines the interactions between the League of Nations and the Soviet state on the one hand while trying to bring an explanation to the settlements of the refugee peoples in the interwar period by evaluating factors other than national factors. Laycock claims that the placement of Armenian refugees in Soviet territory has led Soviet Armenia to turn into a more homogeneous “national” area than any empire. In his article “*Speaking Soviet with an Armenian Accent: Literacy, Language Ideology, and Belonging in Early Soviet Armenia*”, Jeremy Johnson claims that even Armenian, a language with deep-rooted literary heritage, is the subject of intense conflicts over national identity and political belonging.

The Armenian people have always been one of the most important objects of the intersection of the Ottoman and Russian empires in Eurasia. They played a very decisive role in shaping the relations and balances between the two empires. The place of the Armenians in “*Anasır*”, the ethnic structuring system of the Ottoman community is very important. Until the

second half of the 19th century, when the nationalist movements in Europe were provoked and the revolutionary thoughts within the Armenian society began to be systematically enriched by the rivals of the Ottoman Empire, Armenians occupied an extremely important place in trade, art, craft, and state administration. In addition to their similar position within the Russian Empire, their religious ties and their presence and influence within the Russian military structure made them a much more important subject for the Russian Empire. As a matter of fact, these two factors led them to become an ally to the Russian Empire in the second half of the 19th century, and these factors caused very tragic results in the wars between the parties. Therefore, it is quite natural to include three articles about Armenians in such a study. However, the lack of articles that examine the relations of Armenians with dominant ethnicities in both empires, their roles in state structures, and their effects on the relations of the empires are handicaps of the study. This gap may lead the readers' overall perception in the wrong direction.

Anna Whittington, in her article titled "*Making a Home for the Soviet People*", thinks the Soviet national policies considered World War II as an opportunity to create a synthesis of ethnic and civic forms of belonging. Whittington states that the concept of the "Soviet Nation" is not an empty ideological structure, but a meaningful "emotional, civil identity" reinforced by the ethnic relations of Soviet citizens in the interwar period. In expressing all this, Whittington also emphasizes that the Soviet national policies are based on "*Veliko-Rus*" principles by using the definition "*Russians were the first among equals*". Speaking of the glue factor of World War II, the author misses an important emphasis. Elements such as the Peoples of the North Caucasus, that were seen as threats were not recruited at the beginning of the war. However, the Red Army started to invite these elements for enrolment with exaggerated praise when the progress of the German Armies could no longer be prevented. Therefore, the author does not admit that the Soviet national policy that had changed during the World War period had an artificial and opportunistic character, besides she ignores the efforts of Soviet officials to create an artificial Soviet Nation with no solid background, preparation, and future. The author's rhetoric of "Soviet Nation", which she thinks very meaningful and believed to exist, was destroyed by ethnic-nationalist structures during the collapse of the Soviet state system, and "*new forms of belonging*" were revealed. However, the forms of belonging that she considers being "*new*" are actually the resurgence of nationalist aspirations that have existed for centuries with the weakening of the Soviet immune system and the collapse of oppressive rule.

As if refuting Whittington, Claire Kaiser, in her article entitled “*What Are They Doing? After All, We’re Not Germans*”, points to the example of Georgia and provides a striking narrative about the expulsion of minority communities from their homelands after World War II while it gives critical clues about the nation-building of the Stalinist government. Emphasizing how deportation was used as a population management tool in Soviet imperialism, Kaiser tries to explain in a striking way how this was interpreted by Georgian society. Including these deportations in the book, which are not widely voiced in the international community, will surely contribute to the comprehension of some rarely known historical details. However, we can’t see any references to the exile of the Crimean Tatars, Peoples of the North Caucasus, and the Kalmuks, and the Volga Germans in the book. Lacking references to such deportations which can reveal the emptiness of the Soviet Nation rhetoric more strikingly weakens the emphasis on this issue. In his article titled “*Dismantling*” *Georgia’s Spiritual Mission “: Sacral Ethnocentrism, Cosmopolitan Nationalism, and Primordial Awakenings at the Soviet Collapse,”* Stephen Rapp explores the exaggerated distortions of Georgian academics in an attempt to relate the ancient history of Georgia with Europe. On the one hand, Rapp emphasizes Georgia’s ancient cultural and political relations with the Persian empire and the Islamic world and states that Georgian nationalists are seeking to create a historical legend claiming that the entire southern Mediterranean basin, including Greece and Italy, was, in fact, the ancestral lands of the Georgians. This is a striking example of how deep-rooted ethnic identities try to position themselves above others, despite the Soviet National policies.

With his article “*Reforming the Language of Our Nation: Dictionaries, Identity, and the Tatar Lexical Revolution, 1900–1970*”, Daniel Schafer examines Tatar dictionaries published between the late 19th and mid-20th centuries. Schafer’s article is a remarkable study from the point of revealing how the changes made by the Soviet authorities in the official Tatar dictionary in the name of standardization reflected on the cultural and political terms of Tatar national belonging. It must be noted as a conspicuous work as it also underlines the fake character of the attempt for building an artificial sense of belonging.

In his article “*New Borders, New Belongings in Central Asia: Competing Visions and the Decoupling of the Soviet Union*”, Jeremy Smith explores why post-Soviet forms of national belonging in Central Asia prevail over a common sense of belonging. Smith thinks the Commonwealth of Independent States initially raised high hopes among Post-Soviet leaders as a major institution that could create a post-Soviet holistic belonging. He argues that there is no consensus among these leaders regarding the role and function-

ality of the mechanism of the CIS. He thinks CIS has failed due to the inconsistent behaviors of the Moscow administration, loss of prestige, and the growing attraction of external geopolitical poles.

While the book tries to bring together new scientific data on how the empires in the Eurasian border regions governed and changed the ethnic elements they controlled in general, in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century, it ignores some very important issues, while making use of some secondary level issues. I think that the book does not cover the unifying theme of belonging adequately. One of the main highlights of the book is that empires and nation-states have similar behavioral approaches to instill a sense of belonging. Although there is a general belief that nation-states destroyed empires, the book reveals the fact that national states also function like imperial structures. While the editors give a broad overview of the Eurasian border regions in the introduction to the book, with a few exceptions, the geographical scope of the articles is limited to the South Caucasus and Central Asia.

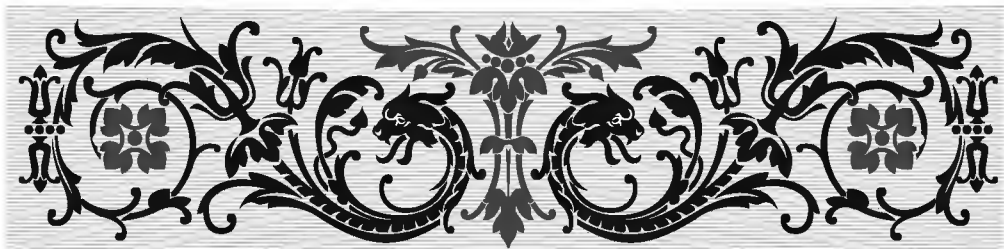
While the conquest of the North Caucasus is always prioritized in almost all similar studies examining the conquests of the Russian Empire using violence as a method, it is a very thought-provoking deficiency that the tragedy of the peoples of the North Caucasus is not included in this study. Likewise, although Crimea has always been one of the most important balancing factors between the Ottoman and Russian empires, there is no slightest reference to Crimea and Crimean Tatars in the book.

Consequently, every individual article in the work is a valuable academic study in its own field. However, the fact that it is a work compiled from presentations at a particular conference has narrowed the scope of the work. Therefore, the title and content of the work are not compatible. A reader who buys the book by looking at the title and the introduction chapter will be disappointed with the scope. The deficiency is caused by the fact that the related topics have not been included in the book because they were not addressed at the conference. If the content of the book was compatible with its title and the introduction, such a paradox would not have arisen.

 Cem Kumuk

The Expert of the History of the Caucasus
Istanbul – Turkey

В.А. Пархоменко

**Д. НЕФЬОДОВ. РОБІТНИЦТВО УРСР
ПОВОЄННОГО ДВАДЦЯТИРІЧЧЯ
(1946—1965) В ІСТОРІОГРАФІЇ.
МИКОЛАЇВ: ГЛІОН, 2018. 404 С.**

Ведущей формой выражения самосознания в исторической науке являются историографические работы, благодаря которым освещается не только процесс накопления исторических знаний, но и эволюции во взглядах ученых, появления новых оригинальных концепций. Советский период в современной украинской исторической литературе вызывает контroversионные оценки, дискуссии, как в среде профессиональных ученых, так и широкой общественности. Наличие значительного количества конкретно-исторических трудов по этой проблематике, написанных в советский период, объективная возможность пересмотра устоявшихся взглядов на результаты работы предыдущих поколений ученых и необходимость установления наименее изученных вопросов привели к активизации историографических исследований в современной украинской исторической науке. В ней фактически отсутствуют комплексные исследования по историографии истории рабочего класса Украины первых послевоенных десятилетий. Героическое послевоенное восстановление экономики Украины, которое легло на плечи простых тружеников, большие достижения в развитии промышленности сочетались с продолжением репрессивной политики сталинизма,

а после нее — противоречивой хрущевской «оттепелью». Эти факторы и определяли положение украинских рабочих в социальной структуре советского общества.

В этом контексте интерес вызывает монография Д.В. Нефедова, посвященная историографии изучения рабочих Украинской ССР в 1946–1965 гг. В данной монографии впервые в украинской исторической науке комплексно проанализированы состояние и тенденции более чем 70-летнего процесса исследования истории украинских рабочих послевоенного двадцатилетия. Автором книги осуществлен анализ работ советских, современных украинских и зарубежных историков, их теоретико-методологического инструментария, концептуальных основ и благодаря этому выяснены состояние, полнота и достоверность изучения истории рабочих Украинской ССР в послевоенные 1946–1965 гг.

Д. Нефедовым рассмотрены и новейшие научные труды по проблеме, которые еще не стали объектом историографического осмысления, и под этим углом зрения сделана попытка осуществить объективную переоценку советской историографии. Также проанализировано содержание конкретно-исторических трудов западной историографии, которые также еще не стали объектом историографического исследования. Кроме исторических работ в монографии частично привлечен контекст исследований по политологии, социологии, культурологии, что значительно расширило познавательные возможности изучения проблемы.

Используя при изложении своего материала в первую очередь проблемно-хронологический метод, автор вместе с анализом советской и современной отечественной большое внимание уделил анализу западной историографии, исследовав в первую очередь труды ученых Великобритании, Германии, США, Франции. Данный подход способствовал формированию завершенности историографического анализа, введению в научный оборот более ста иностранных публикаций, их анализа и оценок.

Монография имеет традиционную логическую структуру (вступление, пять разделов основного текста, выводы, список использованных источников), автором четко обозначены предмет исследования, задачи, методы. Первый раздел традиционно посвящен историографии, источниковедческой базе и методологии исследования. Автор здесь дает общую характеристику историографии проблемы (с. 12–35), указывает методологические подходы в изучении темы, классифицирует источниковедческую базу (с. 38–41).

Во втором разделе «Советская историография рабочего класса в 1946–1965 гг.» установлено, что первые попытки историографи-

ческого изучения проблемы были осуществлены в конце 1940-х гг. (с. 56–58). Но большинство публикаций, преимущественно брошюр и статей, посвящалось тогда рабочим всего Советского Союза, соответственно анализ украинской историографии в них осуществлялся очень бегло, в общесоюзном контексте, и не был предметом специального изучения. Отмечается, что, несмотря на возрастающий объем публикаций, проблема не была раскрыта. Это свидетельствовало о низком научном, ограниченном идеологическими шаблонами, уровне публикаций того периода. Автор указывает на пропагандистский характер исследований, восхваляющий политику правящей коммунистической партии, часто описательный или научно-популярный характер издаваемых работ, в которых отсутствовал материал по отдельным областям Украинской ССР, их сравнительный анализ, а многие статистические данные, опубликованные в этот период, вызывают сомнения. При этом объективно не изучались вопросы реального материального обеспечения трудящихся, их социальный состав, условия быта и досуга. Авторами таких публикаций были не только профессиональные историки, но и руководители разных отраслей народного хозяйства, директора заводов, советские функционеры. Однако и в этих публикациях содержались значительные фактические данные, затрагивалась проблема рационализаторства и новаторства в производстве, рост культурно-профессионального уровня украинских рабочих, что способствовало становлению советской концепции проблемы рабочего класса в послевоенной УССР (с. 68–78).

Третий раздел «Отображение истории рабочего класса УССР в советской научной литературе второй половины 1960-х — начала 1990-х гг.» посвящен советской исторической науке «развитого социализма». Автор справедливо отмечает, что лишь со второй половины 1960-х гг. началось целенаправленное историографическое осмысление истории рабочего класса. В этот период увеличивается количество различных историографических источников: от обобщающих коллективных работ и диссертаций до журнальных статей. Так, в 1967 г. в Киеве издана двухтомная «История рабочего класса Украинской ССР», в 1981 г. там же увидела свет двухтомная «История рабочих Донбасса». Публикуются тематические сборники документов. Автор отмечает, что приоритетными темами для исследований стали социальные изменения состава рабочего класса, источники его пополнения в послевоенные годы, соцсоревнования, «шефская связь» с украинским крестьянством, производственные отношения с рабочими других союзных респуб-

лик. В качестве примера автор анализирует работу ведущего историка этого периода С. Романцова «Рабочий класс Украинской ССР (1946–1970 гг.)» (Киев, 1972), указывая, что консервативные тенденции в гуманитарной сфере «эпохи застоя» мешали объективному изложению советской истории (с. 108–112).

Четвертый раздел «Современная отечественная историография (1991–2017 гг.)» посвящен теоретико-концептуальным изменениям исследуемой проблемы. Автор справедливо отмечает появление с конца 1980-х гг. украиноцентричной составляющей в работах историков. С обретением Украиной суверенитета ведущим становится антропоцентрический метод исследования, ставивший в центр изучения прежде всего человека с его запросами и проблемами. Нефедов акцентирует внимание на том, что в работах этого периода появляются новые данные, свидетельствующие, что рабочий класс не составлял большинство членов Компартии Украины, не играл ведущей роли в ее руководящих органах, никак не влиял на принятие решений советской номенклатурой. Современные украинские исследователи (В. Даниленко, В. Дудник, В. Желтухин, С. Кульчицкий, А. Русначенко, Л. Якубова) доказали, что послевоенное восстановление экономики республики осуществлялось экстенсивным путем, реального влияния на управление своими предприятиями рабочие не имели, трудовой энтузиазм трудящихся, их вера в социальную справедливость переплетались с государственным формализмом и догматизмом (с. 186–198).

В пятом разделе «Зарубежная историография проблемы (1946–2017 гг.)» исследователем показано, что западная историческая наука значительное внимание уделяла изучению украинского советского общества в послевоенное двадцатилетие, в частности исследованию положения советских рабочих как наиболее массового класса социума. Так, уже в 1946 г. в Колумбийском и Стэнфордском университетах созданы специализированные российские институты, развернувшие изучение истории советского общества. Особенностью западноевропейской и американской историографии является рассмотрение указанных вопросов через призму анализа экономики СССР, социальной истории, положения рабочего класса. Характеризуя первое послевоенное десятилетие как апогей сталинской консервативной экономической политики, западные ученые (Р. Арон, Р. Конквест, А. Мейер, А. Ноув, Р. Пайпс, А. Улам), признавая выдающиеся достижения в процессе восстановления советской экономики, констатировали возврат к экономической модели 1930-х гг. с форсированным развитием промышленности и еще

более значительным ухудшением уровня жизни советских рабочих. По мнению советологов, тезис советской пропаганды о ведущей роли рабочего класса в экономическом отношении и в советском обществе противоречил действительному положению дел, ссылаясь на фактическую эксплуатацию советских рабочих, их отчуждение от средств производства, которые хотя и были национализированы государством, однако реально находились в руках правящей партийной элиты. Нефедовым доказано, что ключевыми тезисами западной советологии относительно проблематики украинского советского рабочего класса послевоенного периода является акцентирование внимания на определенном бесправии самих трудящихся. По мнению советологов, в отношении советского (соответственно и украинского) рабочего КПСС проводила политику индустриального тоталитаризма, навязывая трудящимся установки ускоренного форсированного индустриального развития любой ценой, нанося рабочим как прямой материальный, так и косвенный социальный и моральный ущерб.

Проанализировав современную российскую историографию рабочего класса послевоенных десятилетий (В. Баранова, К. Зубкова, Б. Казанцев, М. Клинова, А. Молодчик, В. Попов), автор отмечает позитивные изменения: влияние антропологического подхода, расширение источниковедческой базы (данные социологии, демографии), привлечение зарубежной статистики, что значительно активизировало изучение проблемы. Вместе с тем Нефедов указывает на проявление догматических наслоений в ряде публикаций и попыток идеализировать сталинско-брежневские эпохи в истории рабочего класса (с. 283–292).

Привлекает внимание в рецензируемой работе и оригинальное освещение подходов к этой теме историков украинской диаспоры (Б. Винар, И. Майстренко, Д. Соловей). По мнению Нефедова, их работы, несмотря на отсутствие значительной источниковедческой базы, имеют не пропагандистский, а научный характер, результатом чего стало заимствование новейшей украинской историографией значительного количества историографических фактов и выводов не только из этих, но и из исследований других зарубежных авторов.

Отметим и определенные недостатки в данной монографии. Так, автор приводит широкий перечень использованных им методов и принципов исследования проблемы, однако не освещает непосредственно механизмы их использования в работе. Отдавая должное широкой источниковедческой базе, отметим, что, по моему мнению, большим упущением является отсутствие периодики ведущих предприятий Украинской ССР

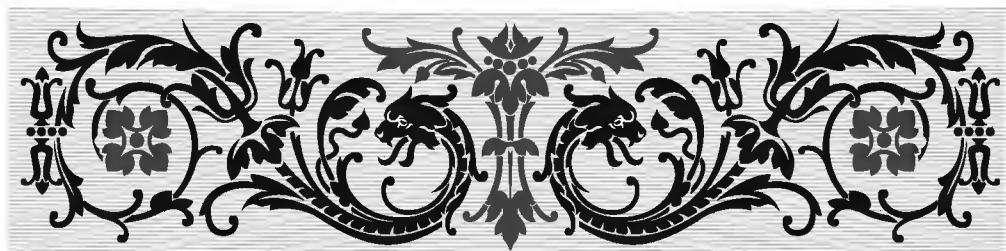
рассматриваемого периода. На страницах заводских газет оперативно публиковалась информация о трудящихся предприятий, передовиках производства, быте и досуге рабочих, существующих в коллективах проблемах. Несмотря на часто пропагандистский характер, они также являются важнейшим источником по истории рабочего класса послевоенной Украинской ССР.

Итак, Д. Нефедов осуществил весомое историографическое исследование, получил новые научные результаты, представив свое видение историографии проблемы положения украинского рабочего класса в 1946–1965 гг. Рецензируемая монография позволяет существенно дополнить и расширить представление об исследованиях украинскими и зарубежными историками проблемы рабочего класса Украинской ССР в послевоенные сталинско-хрущевские годы.

 Пархоменко Владислав Атольевич

доктор исторических наук, профессор кафедры истории
Николаевского национального университета им. В.А. Сухомлинского
(Украина)

С.М. Исхаков

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ:

неизвестные документы (1926—1927 гг.)

В начале 1920-х гг. вопрос о концессиях на бакинские нефтяные промыслы, которые представляли собой большой коммерческий интерес на мировом рынке, существенно обострил отношения между западными странами и Советской Россией, а также стал причиной конкуренции между нефтяными компаниями ряда стран, в особенности между американской «Стандард ойл» и нидерландско-британской нефтяной «Роял датч шелл». Постепенно борьба американцев и англичан за обладание бакинской нефтью стала отражаться и на международных отношениях, на внешней политике мировых держав и Советского Союза. Так, пытаясь прояснить позицию советского руководства в отношении продажи бакинской нефти, представитель «Стандард ойл» в Европе летом 1925 г. направил телеграмму наркому внешней торговли СССР А.Б. Красину, находившемуся в Париже, с предложением встретиться с ним и несколькими влиятельными американскими предпринимателями во главе с президентом этой компании. Переговоры между советскими представителями и «Стандард ойл» затем состоялись¹. Но их результаты не устраивали американцев.

¹ Москва–Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1941. Сборник документов: В 3 т. Т. 1. М., 2009. С. 176–177, 286.

Конкурент американцев в борьбе за бакинскую нефть владелец «Роял датч шелл» Г. Детердинг также вел с большевиками неофициальные переговоры, пытаясь получить от Москвы наиболее выгодные условия контракта на добычу бакинской нефти, но советское руководство не согласилось и с его предложениями.

Не случайно в 1925 г. в США было создано Кавказское общество Америки, которое возглавил американский дипломат и одновременно эксперт по нефтяным вопросам в Латинской Америке Г. Уилсон, один из тех, кто впервые в истории во имя продвижения нефтяных интересов, в том числе компании «Стандард ойл», инициировал вооруженную интервенцию США в Мексику, охваченную революцией в 1910–1917 гг.

Не случайно также в 1926 г. в США была издана книга о борьбе западных держав за бакинскую нефть, об официальных переговорах и закулисных интригах, позиции советского руководства². Ее автором оказался Луи Фишер (1896–1970), известный американский журналист, в 1922 г. прибывший в Москву. В 1927 г. в СССР вышел перевод этой книги³, предисловие к которому написал Г.И. Ломов, крупный советский государственный и партийный деятель, член Президиума ВСНХ СССР, возглавлявший одно время Нефтяной синдикат СССР. Очевидно, что подготовка американского издания, своеобразного ответа Кремля на действия американцев в отношении Кавказа и бакинской нефти, и русского перевода происходила одновременно в Москве, где Фишер жил со своей женой Бертой Яковлевной Маркс, которая несколько лет работала по линии Наркомата иностранных дел РСФСР/СССР в качестве переводчика на международных конференциях в Европе и была личной помощницей главы этого наркомата Г.В. Чичерина. Благодаря ее связям Фишеру удалось познакомиться со многими высокопоставленными советскими дипломатами, в том числе с Г.В. Чичериным и его заместителем М.М. Литвиновым. У Фишера даже была возможность работать с архивами этого ведомства⁴. В личном архиве Фишера хранятся письма М.М. Литвинова (1929 г.) и Г.В. Чичерина (1929–1930 гг.) с подробным комментированием и исправлениями рукописи его новой книги, посвященной советской

² *Fischer L.* Oil Imperialism, the International Struggle for Petroleum. New York, 1926.

³ *Фишер Л.* Империализм нефти: Международная борьба за нефть / Пер. с американского издания. М.; Л., 1927.

⁴ См. подробнее о нем: *Швецов А.А.* Советский Союз в 1920-е годы в публикациях Луиса Фишера // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. Сер. 4. История. № 2 (24). С. 165–171.

внешней политике⁵. В 1930 г. этот двухтомник, подготовленный Фишером при такой существенной поддержке со стороны этих советских дипломатов, был опубликован в США⁶. Такая практика не была каким-то исключительным случаем и применялась, надо полагать, в отношении и других зарубежных авторов, которые писали в межвоенном периоде о советской стране, о ее высшем руководстве в самом благоприятном духе, участвуя тем самым в «красной» пропаганде, в создании позитивного образа Советского Союза и его руководства, находившегося фактически в международной изоляции.

В 1938 г. Фишер вернулся в США, где вел исследовательскую и преподавательскую работу, написал большое количество оптимистичных работ о советской стране, в том числе биографию В.И. Ленина. В последние годы жизни он состоял в фактическом браке с С. Аллилуевой, дочерью И.В. Сталина.

На фоне борьбы вокруг бакинской нефти Политбюро ЦК ВКП(б) в мае 1926 г., изучив полученную информацию из Вашингтона, приняло решение направить в США заместителя председателя Госплана СССР Г.Я. Сокольниково с целью выяснить перспективы для переговоров в отношении признания советского государства со стороны США. Неожиданно для Кремля 25 июня 1926 г. в Москве было получено сообщение о том, что ему официально отказано в визе, что означало провал подготовленной данной миссии в США.

Публикуемые впервые документы⁷ раскрывают неизвестные подробности о том, на каком уровне и каким образом решался в советском руководстве вопрос о переговорах в 1926 г. с американцами о признании Советского Союза, а также об оказании финансового обеспечения работы Л. Фишера по написанию книг, нацеленных на формирование в мире как позитивного имиджа советской внешней политики, так и советского государства в целом.

⁵ <https://findingaids.princeton.edu/collections/MC024/c0001>; <https://findingaids.princeton.edu/collections/MC024/c0202>

⁶ *Fischer L.* The Soviets in World Affairs: A History of Relations Between the Soviet Union and the Rest of the World. In Two Volumes. New York, 1930.

⁷ Их предполагалось издать в вышеуказанном трехтомнике «Москва–Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1941», чего, однако, не было сделано.

№ 1

Записка заместителя наркома иностранных дел
СССР М.М. Литвинова⁸ в Политбюро ЦК ВКП(б)
о тактике установления дипломатических
отношений с США

№ 2890

25 мая 1926 г.

Секретно

Членам Политбюро
Копия т. Сокольникову⁹

1. Имеющаяся в распоряжении НКИД обильная информации не дает оснований полагать, что Государственный департамент имеет желание вступить в непосредственные переговоры с представителями советского правительства, хотя бы по инициативе последнего. Вступление с нами в переговоры до сих пор ставится в зависимость от выполнения нами известных условий (признание долгов и т.д.). Афиширование официального характера командировки т. Сокольникова могло бы даже иметь своим результатом отказ в визе. Сообщение о посылке в Соединенные Штаты специального делегата для переговоров с американским правительством было бы поставлено в связь с усердно распространяемыми английской дипломатией сведениями о катастрофичности нашего хозяйственного положения, толкающей нас на крайние уступки западному капиталу. Такое предположение отразилось бы самым неблагоприятным образом на переговорах, если бы таковые были теперь возможны. По всем этим соображениям коллегия НКИД настаивает на том, чтобы поездке т. Сокольникова не был придан характер официальной правительственной миссии.

2. Поездка тов. Сокольникова должна, таким образом, совершиться под покровом хозяйственных, преимущественно финансовых, поруче-

⁸ Максим Максимович Литвинов (наст. фам. и имя Валлах Макс) (1871–1951) — в 1918–1921 гг. член коллегии НКИД РСФСР, в 1921–1930 гг. заместитель наркома иностранных дел РСФСР (СССР), в 1930–1939 гг. нарком иностранных дел СССР.

⁹ Григорий Яковлевич Сокольников (наст. фам. Бриллиант) (1888–1939) — в 1923–1926 гг. нарком финансов СССР, в 1933–1934 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР.

ний. Тов. Сокольников должен договориться с т. Шейнманом¹⁰ о деталях этих поручений, которые дали бы ему возможность действительно вступить в переговоры с американскими банками и при их содействии получить американскую визу.

3. По приезде в Америку т. Сокольников должен избегать всего того, что могло бы давать повод думать, что он послан для переговоров с американским правительством. В то же время в разговорах с влиятельными американцами он должен создать впечатление, что если бы представители Государственного департамента по своей инициативе пожелали бы с ним встретиться, то они могли бы узнать взгляды советского правительства по вопросам о долгах, пропаганде и т.д., и что такая встреча могла бы способствовать созданию базы для немедленных или последующих официальных переговоров. Иными словами, т. Сокольников должен дать понять, что он может говорить с достаточным авторитетом не только о данных ему специальных поручениях, но и по всем вопросам, интересующим американское правительство в отношении СССР. Доброжелательно к нам расположенные собеседники т. Сокольникова, как, например, Бора¹¹, Гудрич¹² и другие, должны сделать вывод, что они могут послужить делу сближения обеих стран, взяв на себя инициативу устройства официальной или неофициальной встречи т. Сокольникова с представителями американского правительства.

4. В разговорах с влиятельными американцами, не занимающими официального положения, т. Сокольников должен ограничиться общими указаниями на готовность советского правительства к удовлетворению на известных условиях материальных претензий Аме-

¹⁰ *Арон Львович Шейнман* (1886–1944) — в 1921–1924 гг. председатель правления Госбанка РСФСР, в 1925 г. нарком внутренней торговли СССР, с 1926 г. председатель правления Госбанка и заместитель наркома финансов СССР, в 1928 г. выехал в США, где фактически возглавил правление Амторга, в 1929 г. подал в отставку.

¹¹ *Уильям Бора* (1865–1940) — сенатор от Республиканской партии, в 1919 г. выступил в сенате с осуждением блокады Советской России и присутствия на ее территории американских войск. В мае 1922 г. внес первую резолюцию, призывающую сенат высказаться в поддержку Советской России, полагая, что это укрепит там американское влияние, будет способствовать эволюции во взглядах советского народа и в итоге приведет страну к западной демократии. Считал, что нормализация американо-советских отношений сулит США реальные практические выгоды. В 1923–1933 гг. председатель сенатской комиссии по иностранным делам.

¹² *Джеймс Гудрич* (1864–1940) — американский государственный и общественный деятель, адвокат, предприниматель, член Республиканской партии.

рики, в частности, к эвентуальному признанию долга Керенского¹³. НКВД рекомендовал бы т. Сокольникову не идти дальше этих общих указаний и не соглашаться на обсуждение с неофициальными лицами возможных планов урегулирования американских претензий. Со стороны наших «друзей» будут делаться попытки выяснить у т. Сокольникова частным образом детали разрешения вопроса в предположении, что этим путем им легче будет побудить Государственный департамент к вступлению в переговоры. На самом деле, однако, преждевременное осведомление Государственного департамента о наших первоначальных предположениях может скорее затормозить переговоры.

5. Иное дело, если т. Сокольникову удастся встретиться непосредственно с авторитетными представителями американского правительства, когда ему невозможно будет отделяться общими фразами. Ему придется давать конкретные ответы на конкретные вопросы, в особенности в отношении претензий.

6. Американские претензии можно разделить на три группы: 1) Военные кредиты Временному правительству на сумму около 187 млн. долл., а с процентами — около 275 млн. долл. 2) Краткосрочные казначейские свидетельства царского правительства на сумму 75 млн. долл., а с процентами — на 115 млн. долл. К этой же группе можно отнести имеющиеся в руках американцев на неизвестную сумму облигации царских займов в рублях (внутренние займы). 3) Разные претензии по национализации банков и промышленных заведений, исчисляемые без процентов, в 400 млн. долл.

7. Принято думать, будто американское правительство настаивает лишь на признании долга Керенского. Это не совсем так. Это предположение было недавно опровергнуто американским правительством официально в ответе на соответствующий запрос французского правительства. Признание долга Керенского действительно выдвигается на первый план, но, как нам кажется, не в качестве условия восстановления дипломатических сношений, а как предварительное условие вступления в переговоры по другим спорным вопросам. Принятие такого предварительного условия необходимо, конечно, решительно отвергнуть.

¹³ Александр Федорович Керенский (1881—1970) — после Февральской революции 1917 г. в июле—октябре 1917 г. возглавлял Временное правительство. В 1918 г. эмигрировал во Францию, с 1940 г. жил в США.

8. Необходимо, однако, обсудить и решить теперь же, как мы отнесемся к предложению о немедленном официальном признании долга Керенского при условии немедленного вслед за этим полного восстановления дипломатических сношений с оставлением вопроса об остальных американских претензиях открытым для последующих переговоров. Со своей стороны коллегия НКИД полагает, что такое предложение можно было бы принять, если американское правительство в той или иной форме одновременно обяжется принять к рассмотрению наши контрпретензии по интервенции. Коллегия НКИД при этом исходит из тех соображений, что признание долга Временного правительства не создает прецедента для предъявления аналогичных требований со стороны третьих государств и что долг при детальном рассмотрении документов и учете непризнаваемой нами части долга, израсходованной Бахметьевым¹⁴ уже после Октябрьской революции на контрреволюционные цели, сведется к сравнительно небольшой сумме, для уплаты которой можно будет добиться не менее льготных условий, чем при урегулировании итальянского долга Америке (1/4% в первые пять лет).

9. Что касается остальных двух категорий претензий, то признание их придется обусловить одновременным предоставлением соответственного займа или кредитов и предварительными подробными переговорами по образцу англо- и франко-советских. Полезно было бы, однако, теперь же указать тов. Сокольникову, будем ли мы настаивать на гарантировании займа или кредитов американским правительством или удовлетворимся одновременным обеспечением займа или кредитов группой финансистов или промышленников. В последнем случае тов. Сокольников мог бы теперь же нащупать почву в финансово-промышленных кругах и даже повести конкретные переговоры. Было бы полезно предусмотреть также случай частного урегулирования претензий отдельных банковых и промышленных групп на основе предоставления кредитов теми же группами. Можно, например, представить себе случай, когда «Нэшнал сити бэнк» или другой банк предоставят нам теперь же кредиты на определенную сумму при условии компенсирования за убытки, понесенные ими до революции.

---

¹⁴ Точнее, *Борис Александрович Бахметев* (1880–1951) — ученый, политический и общественный деятель. В 1917 г. направлен Временным правительством в США в ранге заместителя министра торговли и промышленности, вскоре назначен послом России.

10. В общем, НКИД не рассчитывает на возможность каких бы то ни было переговоров в первые месяцы пребывания т. Сокольникова в Соединенных Штатах. Переговоры, если и начнутся, то не раньше ноября — декабря месяца. Главную задачу тов. Сокольникова НКИД усматривает в установлении и развитии широких связей с американскими влиятельными лицами, группами и организациями и в общем руководстве агитационной работой этих лиц и групп в пользу сближения между СССР и Соединенными Штатами.

11. Резюмируя вышеизложенное, НКИД предлагает: 1) Утвердить в качестве директив общие положения настоящей записки; и 2) Вынести конкретные решения по п.п. 8 и 9.

М. Литвинов

Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 66. Д. 283. Л.71—74. Подлинник.

№ 2

**Записка наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина¹⁵
в Политбюро ЦК ВКП(б) о поездке Г.Я. Сокольников в США**

№ 963/чс

27 июня 1926 г.

В Политбюро ЦК ВКП(б)
Копии: членам Политбюро
членам коллегии НКИД и
т.г. Брюханову¹⁶, Шейнману и Осинскому¹⁷

Телеграмма т. Пригарина¹⁸ о том, что Келлог¹⁹ взял обратно согласие на предоставление визы т. Сокольникову, изменяет положение дел в корне. К этому результату привела ошибка т. Пригарина. Несмотря на двукратные телеграммы т. Литвинова, т. Пригарин повел дело в официальном порядке через Государственный департамент, причем нам до сих пор неизвестны детали его объяснений о значении поездки т. Сокольников. В своих обращениях в Политбюро в форме докладных записок т. Литвинова НКИД точно так же решительно высказывался против официального характера поездки т. Сокольников и за ее прикрытие поручениями хотя бы от Госбанка. НКИД стоял на этой точке зрения и ввиду того, что сознавал трудность получения визы для Америки официальному советскому лицу, и потому, что по существу дела считал обстановку не созревшей для немедленных официальных переговоров. Положительно все разнообразные и многочисленные сообщения, получаемые из Америки или от возвращающихся оттуда товарищей, показывают, что почва там становится постепенно все более благоприятной, но что обстановка еще не созрела для немедленных переговоров

¹⁵ *Георгий Васильевич Чичерин* (1872–1936) — в 1918–1930 гг. нарком иностранных дел РСФСР (СССР).

¹⁶ *Николай Павлович Брюханов* (1878–1942) — с 1924 г. заместитель наркома финансов СССР, в 1926–1930 гг. нарком финансов СССР.

¹⁷ *Валериан Валерианович Осинский* (Оболенский) (1887–1938) — экономист, в 1921–1923 гг. заместитель наркома земледелия, в 1923–1924 гг. советский полпред в Швеции, с 1926 г. управляющий ЦСУ СССР, с 1929 г. заместитель председателя ВСНХ СССР.

¹⁸ *Алексей Васильевич Пригарин* (1887–1938) — в 1922–1924 гг. член коллегии Наркома внешней торговли СССР, в 1925–1927 гг. председатель правления Амторга.

¹⁹ *Фрэнк Келлог* (1856–1937) — государственный и политический деятель США, промышленник; в 1925–1929 гг. госсекретарь США.

о признании. Именно поэтому Политбюро приняло решение об отправке т. Сокольникову отнюдь не с целью немедленных переговоров, а для подготовки почвы и для разрешения целого ряда текущих экономических проблем. Также ставил вопрос и т. Рудзутак²⁰, выступая с этим предложением.

Тов. Пригарин повел все дело по ложному пути. Теперь он спрашивает, не следует ли действовать через влиятельных лиц. Мы полагаем, что т. Сокольников должен был бы заявить, что хочет ехать не для переговоров с американским правительством, но с деловыми поручениями от Госбанка. Различными путями можно было бы пустить это же самое разъяснение. Визу надо пытаться получить частным образом, как для едущего с деловыми поручениями, через Воклена²¹ и Гамильтона²², которые теперь были отстранены вследствие начатой раньше инициативы т. Пригарина.

Не случайно, конечно, в «Таймсе» 25 июня по поводу утки о поездке т. Раковского²³ во главе специальной комиссии в Америку появилось официальное сообщение, что правительство Кулиджа²⁴ стоит на точке зрения ноты Юза²⁵ 18 декабря 1923 г. и что нет необходимости ехать кому-либо от советского правительства в Америку. Напомню, что содержание этой ноты заключалось в том, что советское правительство должно само от себя возместить убытки пострадавшим американским гражданам, должно само от себя принять все меры для уплаты долгов Соединенным Штатам и должно само от себя прекратить пропаганду; пока оно само от себя всего этого не сделало, никакие переговоры невозможны. Таким образом, та нота Юза, на которую ссылается «Таймс», закрывает дверь каким бы то ни было переговорам.

Несмотря на это, Гудрич, Шлей²⁶ и влиятельнейший банкир Морроу²⁷, близко стоящий к Кулиджу, считают полезным приезд в Америку

²⁰ Ян Эрнестович Рудзутак (1887–1938) — в 1926–1937 гг. заместитель председателя СНК и СТО СССР.

²¹ Самуэль Воклен (1856–1940) — в 1919–1929 гг. президент, с 1929 г. председатель правления паровозостроительной фирмы «Болдвин локомотив веркс», входил в руководство Республиканской партии. В 1926 г. побывал в СССР.

²² Джон Гамильтон (1862–1927) — банкир, вице-президент «Гаранти траст компани».

²³ Христиан Георгиевич Раковский (1873–1941) — с 1923 г. полпред СССР в Великобритании, в 1925–1927 гг. полпред СССР во Франции.

²⁴ Калвин Кулидж (1872–1933) — в 1921–1923 гг. вице-президент США, в 1923–1929 гг. президент США.

²⁵ Чарльз Юз (Хьюз) (1862–1948) — в 1921–1925 гг. госсекретарь США.

²⁶ Рив Шлей (Шлай) (1881–1969) — юрист, банкир, вице-президент американского банка «Чейз нэшнл бэнк», президент Американско-русской торговой палаты, которая объединяла свыше 150 крупнейших промышленных и банковских фирм США.

²⁷ Дуайт Морроу (1873–1931) — американский банкир, в 1927–1930 гг. посол США в Мексике.

серьезных лиц. Итак, в другой форме надо, по нашему мнению, об этом продолжать хлопотать.

Тов. Сокольников уже заказал места на пароходе на 13 июля. Именно поэтому имелось в виду послать ему необходимый материал с курьером, отъезжающим из Москвы 7 июля. А для того, чтобы это было возможно, нужно было бы принять необходимые решения Политбюро 1 июля, ибо 8 июля будет уже поздно. Так как теперь оказывается необходимой отсрочка отъезда т. Сокольникова, тем самым отсрочивается и необходимость в немедленном принятии инструкции для него. Между тем материал для таких инструкций уже выработан. Комиссия т. Стомонякова²⁸ закончила свою работу, и в руках т. Стомонякова имеется выработанный ею обширный план. В политическом отношении нужные директивы лучше всего извлечь из записки т. Литвинова от 25 мая, в которой политические инструкции довольно подробно развиты. Материалы по задолженности советского правительства Америке и по нашим контрпретензиям разработаны в Наркомфине, и т. Юровский²⁹ обещал мне непосредственно послать этот материал в Политбюро.

В тот момент, когда нужно будет принимать решения, придется разрешить вопросы об урегулировании долга Керенского, об урегулировании долгов царского времени, о пропаганде и о наших контрпретензиях.

До отъезда т. Литвинова комиссия под его председательством с участием т. Стомонякова признала необходимым учреждение постоянной комиссии при НКВД по вопросу укрепления хозяйственной связи с Америкой в составе той же комиссии и под председательством т. Стомонякова. Я предложил бы принять по этому поводу положительное решение.

Политически таким образом перед нами стоят в данный момент два вопроса: 1) допустимо ли продолжение хлопот частным порядком относительно визы для т. Сокольникова с выяснением того, что он ехал с деловыми поручениями, и 2) создание постоянной комиссии для развития связи с Америкой, согласно предложения комиссии т. Литвинова.

По этим вопросам я предлагаю пригласить т. Стомонякова, наиболее активно участвовавшего в разработке вопросов, касающихся поездки т. Сокольникова.

Наркоминдел Георгий Чичерин

Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 66. Д. 283. Л.91–93.

Подлинник.

²⁸ Борис Спиридонович Стомоняков (1882–1941) — в 1921–1925 гг. советский полпред в Германии, в 1925–1926 гг. член коллегии НКВД СССР, в 1926–1934 гг. член коллегии НКВД СССР.

²⁹ Леон (Леонид) Наумович Юровский (1884–1938) — профессор, в указанное время начальник Валютного управления Наркомфина СССР.

№ 3

Записка наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина
в Политбюро ЦК ВКП(б) о предложении Л. Фишера написать
книгу о внешней политике СССР

№ 483/чс

Не позднее 31 июля 1927 г.³⁰

Сов. секретно

В Политбюро ЦК ВКП(б)

Весьма дружественно к нам расположенный американский журналист Луи Фишер, автор недавно вышедшей весьма удачной и для нас очень полезной книжки об «Империализме нефти» (переведенной на русский язык), обратился к нам с предложением написать серьезную книгу о нашей внешней политике. До сих пор на иностранных языках, кроме вредной для нас книги³¹ американца Денниса³², ничего серьезного не появлялось на эту тему. Луи Фишер несомненно справится со своей задачей, и мы в этом окажем ему всяческое содействие. Но он — человек материально не обеспеченный и поэтому мог бы взяться за такую солидную работу лишь при условии получения какой-нибудь субсидии. Мы и в этом охотно пошли бы ему навстречу под видом приобретения прав на русское издание, но бюджет НКВД настолько урезан, что даже небольшая сумма — предполагается около 5 тысяч рублей³³ — падает на него чувствительным образом. Прошу Политбюро поручить НКФ отпустить нам означенную сумму в виде чрезвычайной дотации.

Георгий Чичерин

Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 66. Д. 436. Л. 12.
Подлинник.

³⁰ Число в дате из-за дефекта документа не установлено; по номерам других документов, подписанных Г.В. Чичериным, определено, что это произошло в конце июля 1927 г.

³¹ Имеется в виду: *Dennis A.L.P. The Foreign Policies of Soviet Russia*. London, 1924.

³² *Альфред Левис Пиньо Деннис* (1874–1930) — в указанное время профессор истории Университета Кларка (США).

³³ Для сравнения: месячная зарплата фабрично-заводского рабочего в Москве в 1927 г. составляла около 83 руб., т.е. округленно 1000 руб. в год. Иначе говоря, гонорар Фишеру равнялся зарплате московского промышленного рабочего за 5 лет.

№ 4

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)
«О субсидии Луи Фишеру»

№ П120/6-с

18 августа 1927 г.
Строго секретно
Из «Особой папки»

6. Признать возможным выдать 5 тысяч рублей из средств, находящихся в распоряжении т. Раковского.

Секретарь ЦК

*Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 66. Д. 436. Л.10.
Копия.*

№ 5

Записка Г.В. Чичерина генеральному секретарю ЦК ВКП(б)
И.В. Сталину о целесообразности финансирования работы
Л. Фишера не из средств Наркомата иностранных дел СССР

№ 681/чс

2 сентября 1927 г.

Экз. № 1

Тов. Сталину

Копии: т. Молотову³⁴ и т. Рудзутаку

Уважаемый товарищ,

По поводу решения относительно того, что деньги для финансирования выработки Луи Фишером специального научного труда о нашей внешней политике должны быть взяты из остатков чрезвычайных сумм тов. Раковского, последний указывает, что с величайшим напряжением и применением жестокой экономии он этот остаток сэкономил, имея в виду предстоящие вскоре моменты во Франции, когда эти остатки окажутся необходимыми. Ввиду этого безусловно нежелательно в дальнейшем уменьшать эти остатки, хранимые у тов. Раковского, которые в ближайшем будущем должны сыграть серьезную роль.

С товарищеским приветом Георгий Чичерин

*Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 66. Д. 436. Л. 13.
Подлинник.*

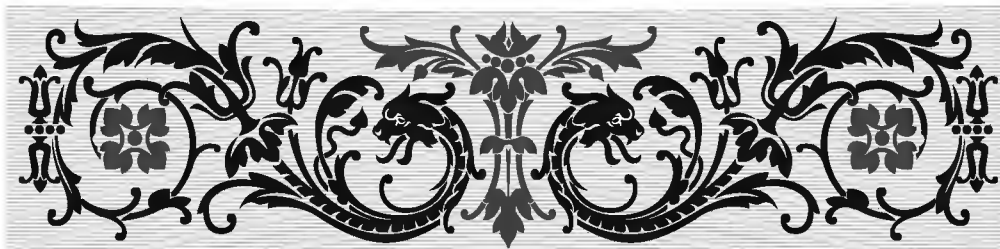

³⁴ Вячеслав Михайлович Молотов (Скрябин) (1890–1986) — в 1921–1930 гг. секретарь ЦК РКП/ВКП(б).

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии:

 Исхаков Сагават Мидхатович

доктор исторических наук,
заместитель председателя Секции «История социальных реформ,
движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным
вопросам российской и зарубежной истории

DOI: 10.35549/HR.2021.2020.34.008

И. Шнелле

«ИНТРИГИ В САМОМ РАЗГАРЕ»:

пять писем кавказских политэмигрантов
Г. Баммата, А. Кантемира и Х. Хасмамедова
из берлинской «Адлониады» весной — летом 1942 г.

Весной 1942 г. десятки кавказских политэмигрантов из разных европейских стран прибыли в Берлин с целью вести переговоры с представителями немецкого МИДа о политической судьбе своей родины. Ряд из них занимал высокие политические или военные посты в независимых республиках, существовавших на Кавказе в 1918–1921 гг., но среди них оказались и другие лица. Приехали они по приглашению, разосланному в апреле того года В. фон дер Шуленбургом¹. Большинство гостей по прибытии были размещены в престижной гостинице «Адлон», в честь которой вскоре была названа конференция.

Цель Шуленбурга, сыгравшего еще в Первую мировую войну ключевую роль в немецкой политике в отношении Кавказа, заключалась в том, чтобы с помощью кавказской политической эмиграции воздействовать на восточную политику Германии. По его планам, на Кавказе после его завоевания не-

¹ Вернер фон дер Шуленбург (1875–1944) — немецкий дипломат. В 1915 г. участвовал в организации Грузинского легиона, в который входили добровольцы-грузины, воевавшие против России, в 1918 г. посол Германии в Грузинской демократической республике, в 1934–1941 гг. посол в СССР, затем заведующий отделом, в сферу которого входил СССР, в МИДе Германии. Казнен как соучастник заговора против Гитлера.

Отель «Адлон». Берлин, 1937 г.

мецкой армией должна была быть создана независимая с формальной точки зрения, но на самом деле подконтрольная немецким дипломатам конфедерация государств, для которых заранее должны были сформироваться соответствующие комитеты из эмигрантов в качестве будущих их правительств.

Подобной политикой МИД в лице Шуленбурга непосредственно вторгался в сферу компетенции возглавляемого А. Розенбергом Имперского министерства оккупированных восточных территорий. В результате созыва конференции латентный конфликт, тлеющий между обоими министерствами, перешел в открытое противостояние. Рейхсминистр Розенберг в мае и июне 1942 г. пожаловался Гитлеру, который дважды запрещал МИДу заниматься вопросами оккупированных территорий Советского Союза. Но только после окончательной директивы 28 июля того года МИД перестал быть фактором в немецкой политике по отношению к народам СССР. В итоге Шуленбург представил кавказским гостям их новых партнеров по переговорам из ведомства Розенберга на торжественном банкете в гостинице «Адлон». Так провалились политические амбиции старого немецкого дипломата.

Тем не менее германо-кавказские переговоры весной 1942 г. оказали важное влияние на дальнейшее развитие восточной политики Третьего рейха. Розенберг, до этого категорически отказавшийся от сотрудничества с политэмигрантами, теперь был вынужден включить находящихся в Берлине представителей в свою политику. Вскоре он дал согласие на создание при своем министерстве национальных комитетов кавказских народов, которые сформировались летом и осенью того же года. Таким образом, «Ад-

лониада» представляет собой ключевое событие в истории германо-кавказского сотрудничества во время Второй мировой войны².

Письма, впервые публикуемые ниже, позволяют подробно ознакомиться с конференцией с точки зрения кавказских участников. Они обнаружены мной в личном деле северокавказского политического деятеля Г. Баммата³, которое находится в материалах Федеральной прокуратуры Швейцарии в Швейцарском федеральном архиве. Оказались они там в связи с предварительным расследованием по подозрению в шпионаже, возбужденным этой прокуратурой в 1941 г. против Баммата. 14 января 1942 г. это ведомство приказало установить слежку за его перепиской, которая была прекращена 3 июля того же года. За весь полугодичный период мониторинга швейцарская спецслужба — Полиция безопасности (Police de Sureté) — регулярно информировала Федеральную прокуратуру обзорами содержания всех перехваченных писем и также фотокопиями некоторых из них⁴.

У Федеральной прокуратуры были основания для такого контроля. Ведь Баммат, переехавший в 1938 г. в Швейцарию и с тех пор проживающий в Лозанне, имел тесные контакты как минимум с двумя секретными службами в 1930-х гг.: с японской и немецкой. В 1934 г. в Париже им был основан политический журнал «Кавказ», вокруг которого вскоре собралась группа кавказских политэмигрантов, открыто симпатизировавших правительствам Японии, Италии и Германии. Журнал финансировался, в частности, японской разведкой, а согласно двум секретным протоколам к Антиконтинентальному пакту от 1937 г., группе «Кавказ» досталась ключевая роль на кавказском участке в немецко-японской подготовке к войне против СССР. В дальнейшем Баммат, как и другие члены этой группы, стал агентом абвера⁵.

² Подробнее см.: *Dallin A. German Rule in Russia, 1941–1945. A Study of Occupation Policies.* London, 1957. P. 135–136; *Mühlen P. von zur. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg.* Düsseldorf, 1971. S. 71–73; *Мамулия Г. Грузинский легион Вермахта.* М., 2011. С. 214–224.

³ *Гайдар Баммат* (1889–1965) — кумык, юрист, активный участник революционных событий 1917 г. на Северном Кавказе, с 1918 г. министр иностранных дел Горской республики, в 1919 г. представил на Версальской мирной конференции ряд меморандумов с просьбой признания независимости Северного Кавказа. С 1921 г. в эмиграции во Франции. В 1926 г. стоял у истоков создания прометейского движения, от которого, впрочем, быстро отошел. В 1934–1939 гг. руководитель организации «Кавказ». В 1938 г. переехал в Лозанну, с 1943 г. дипломатический представитель Афганистана в Швейцарии.

⁴ Schweizerisches Bundesarchiv. E4320B#1991/243#1265*, Az. C.13.01061 P. Bammate Haidar.

⁵ *Kuromiya H., Mamouliya G. The Eurasian Triangle. Russia, The Caucasus and Japan, 1904–1945.* Warsaw; Berlin, 2016. P. 146–156.

Г. Баммат.
Швейцария, 1941 г.
Публикуется
впервые

Последний раз он посетил Берлин по заданию немецкой агентуры в феврале 1940 г. Однако с тех пор отношения с обеих сторон значительно охладились.

Когда в начале августа 1941 г. Баммат подал заявление о визе в Германию с целью установления контактов с МИДом, МИД и абвер решили, что оба ведомства «не заинтересованы в его въезде»⁶. Несмотря на это, он оказался среди тех, кто получил приглашение от Шуленбурга в следующем году, и приехал в Берлин 16 апреля 1942 г.⁷

Первые два письма были написаны Бамматом в Берлине в мае 1942 г. на французском языке своим оставшимся в Швейцарии сыновьям. Следующие три письма принадлежат Х. Хасмамедову⁸ и А. Кантемиру⁹, которые

⁶ Politisches Archiv des Auswärtigen Amts. R 261174.

⁷ *Ülküsal M. İkinci Dünya Savaşında. 1941–1942 Berlin hatıraları*, İstanbul, 1976. S. 106.

⁸ *Халил-бек Хасмамедов* (1873–1947) — азербайджанец, юрист, депутат Государственной думы Российской империи, в 1917 г. член ЦК партии «Мусават», депутат Закавказского сейма, в Азербайджанской республике занимал различные министерские посты, был депутатом парламента и послом Азербайджана в Турции. С 1920 г. в эмиграции в Турции. До начала 1930-х гг. один из руководителей партии «Мусават» и азербайджанской организации в движении «Прометей». В конце 1933 г. стал председателем оппозиционной ячейки «Мусавата» в Стамбуле. В 1934–1939 гг. примыкал к группе «Кавказ».

⁹ *Алихан Кантемир* (1886–1963) — осетин, юрист, в 1917 г. комиссар Карсской области при правительстве Закавказского комиссариата, в 1918–1920 гг. дипломатический представитель Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, а позднее Республики Северного Кавказа при правительстве Азербайджанской республики. После советизации Азербайджана эмигрировал в Турцию. С 1926 г. участвовал в движении «Прометей». В 1934–1939 гг. один из руководителей группы «Кавказ». С 1938 г. проживал в Германии. С осени 1941 г. член комиссии по делам военнопленных Имперского министерства оккупированных восточных территорий. С 1942 г. информационный пред-

в качестве руководителей группы «Кавказ» уже в 1930-е гг. тесно сотрудничали с Бамматом. В двух письмах, написанных в июне 1942 г. в Берлине, Хасмамедов и Кантемир поставили в известность вернувшегося раньше в Лозанну Баммата о последних событиях в Берлине. В письме Хасмамедова (написано также в июне этого года), которое Баммат должен был переслать А. Рафиеву¹⁰ в Турцию, передается состояние азербайджанской политэмиграции. Авторы переписки пользовались для доставки писем в Швейцарию курьером, тем самым обходя немецкую цензуру. Курьером Баммата и, наверное, и других служил Нури-паша¹¹, который в то время вел переговоры с немецким МИДом о будущем тюркских народов Советского Союза.

Что нового содержится в данных письмах? Во-первых, они дополняют знания о конкретном ходе переговоров на «Адлониаде». Там кавказские участники выступали с докладами перед представителями МИДа и затем представляли соответствующий меморандум. В отношении азербайджанской политической эмиграции планировалось выслушать не только приехавших из Европы в Берлин ее представителей, но и тех, кто остался в Турции (№ 4). Параллельно с переговорами эмигранты были вызваны на совещания, посвященные организационным вопросам кавказских добровольческих подразделений вермахта (№ 5). Баммат, категорически исключающий сотрудничество с немцами без признания ими независимости Кавказа¹², с самого начала конференции относился крайне пессимистически к возможному соглашению и собирался прервать переговоры, если они не продвигаются. В письме, датированном 3 мая 1942 г. (№ 1), он заметил: «Политическая ситуация в отношении наших дел очень запутанная... Я излагал свои идеи в письменной и устной форме. Идеи, преобладающие здесь до сих пор, далеки от того, что я считаю нужным... Мало надежды, что я буду услышан... Поэтому какое-то время я еще останусь наблюдателем... Тем более, что должны прибыть другие политики... и примерно через де-

---

ставитель Северокавказского национального комитета и ответственный редактор его органа «Северный Кавказ». В 1943–1945 гг. член Северокавказского штаба связи в Берлине. В 1944–1945 гг. представитель Северного Кавказа в Кавказском совете.

¹⁰ *Мешади Али Рафиев* (1886–1948) — азербайджанец, предприниматель, с 1917 г. член партии «Мусават», руководитель ее партийной организации в Гяндже. В 1920 г. участвовал в антисоветском Гянджинском мятеже, после подавления которого эмигрировал в Турцию.

¹¹ *Нури-паша Киллигиль* (1881–1949) — османский военачальник, в 1918 г. командовал Исламской армией на Кавказе. Осенью 1941 г. приехал в Берлин для переговоров с представителями МИДа, в ходе которых лоббировал создание самостоятельных, но тесно связанных с Турцией тюркских государств на территории СССР, Китая, Ирана, Ирака и Сирии.

¹² *Kuromiya H., Matoulija G.* Op. cit. P. 187.

сять дней я приму решение уехать в Париж, вернуться домой или остаться здесь». Хасмамедов, с другой стороны, сообщил месяц спустя, что немецкие партнеры по переговорам проявляют крайнюю сдержанность: «Вообще здесь всех выслушивают и только. Происходит лишь исследование вопроса» (№ 4). Грузинские представители, однако, являлись исключением. Так, из письма Кантемира проясняются детали подготовительной работы по созданию Грузинского комитета в Берлине (№ 5). Грузины опередили остальных участников в этом отношении не только потому, что они, как замечает Баммат, были «многочисленны и к ним прислушиваются в определенных кругах, которые интересуются кавказскими делами» (№ 1), но и потому, что они, в отличие от других кавказцев, выступали единым фронтом вовне.

Во-вторых, письма дают очень подробную информацию о соперничестве среди участников конференции. Разрозненность северокавказской и азербайджанской эмиграций, происходившая уже в довоенный период как на личностном уровне, так и групповом, проявилась и в Берлине. Среди представителей Северного Кавказа поляризующей личностью оказался, в частности, Саид Шамиль¹³, внук имама Шамиля. Так, В.-Г. Джабагиев¹⁴ сразу же отклонил приглашение Шуленбурга, поскольку он, по мнению Баммат, «или не хочет или же не может сотрудничать с Саидом Шамилем» (№ 1). Баммат, в свою очередь, посетил последнего на следующий день после его прибытия в Берлин и впоследствии выразил свое разочарование по поводу этой беседы: «Внутренняя ситуация неизбежно усложнится» (№ 2). Месяц спустя Шамиль, согласно данным Хасмамедова, вовсе отказался от сотрудничества с другими горскими деятелями и работал отдельно от них (№ 4).

Но самой разобщенной группой являлись азербайджанцы, разделившиеся как минимум на три части. Первая возглавлялась М.Э. Расулзаде¹⁵,

¹³ *Мухаммад Саид Шамиль* (1901–1981) — аварец, в 1920 г. руководитель крупного восстания против большевиков на Северном Кавказе. После его подавления в 1921 г. вернулся в Турцию. В 1926–1932 и 1938–1939 гг. один из горских руководителей движения «Прометей». В 1942 г. приехал в Берлин, но покинул Германию после безуспешных переговоров с немцами осенью того же года.

¹⁴ *Вассан-Гирей Джабагиев* (1882–1961) — ингуш, экономист, в 1917 г. принимал активное участие в создании Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, а затем Горской республики, занимал посты министра финансов и главы парламента. В 1920 г. отправился в Париж для участия в работе мирной конференции в Версале. После советизации Северного Кавказа остался во Франции, затем жил в Польше, а с 1938 г. в Турции. Активный участник движения «Прометей». С начала Второй мировой войны до 1948 г. находился в Германии.

¹⁵ *Мамед Эмин Расулзаде* (1884–1955) — азербайджанец, журналист, в 1915 г. вступил в партию «Мусават» и вскоре стал ее лидером. В 1918 г. депутат Закавказского сейма, затем председатель Азербайджанского национального совета, провозгласившего

лидером партии «Мусават», который вел, как писал Хасмамедов, «свою партийную линию, говоря, что все должны сплотиться вокруг его партии». Во главе второй стоял М.Я. Мехтиев¹⁶, выступая в Берлине как представитель созданного им недавно Национального совета. Хасмамедов представлял интересы третьей части, состоящей в основном из бывших азербайджанских членов группы «Кавказ». По данным Хасмамедова, его соперники не пользовались ни поддержкой значительной части азербайджанской эмиграции, включая и прежних соратников, ни особым уважением со стороны немцев: «Отношение большинства работающей здесь нашей молодежи к ним отрицательное... и в Париже господствует такое же отношение к ним... Удельный вес как Эмина, так и Якуба здесь далеко не высок». Хасмамедов опасался, что солидные усилия азербайджанских участников негативно скажутся на переговорах с немцами: «Конечно, разрозненное наше выступление не может не повлиять на то впечатление, которое было бы при солидарности иным, но...» (№ 4).

Однако соответствующие интриги в борьбе за признание немцев осуществлялись не только внутри национальных лагерей, но и между ними, как наглядно показывает пример Баммата, находившегося в конфликте с рядом представителей правого крыла грузинской эмиграции с конца 1930-х гг.¹⁷ Уже в мае 1942 г. он пожаловался на враждебное отношение присутствующих на конференции грузин к нему, которые, «как следовало ожидать, злятся на меня. Интриги в самом разгаре» (№ 1). Через месяц Кантемир доложил, что в Берлине появились тексты Баммата на грузинском языке и что грузины распространяют слухи о провале политических амбиций последнего из-за них (№ 5).

В-третьих, данная переписка дает представление о политических программах, с которыми ее авторы выступали перед немцами. В этом отноше-

---

28 мая 1918 г. независимость Азербайджана. После советизации Азербайджана был арестован ЧК, затем освобожден. С 1922 г. в эмиграции, жил в Турции, Польше и Румынии. В 1927–1939 гг. председатель азербайджанской организации движения «Прометей». В 1942–1943 гг. председатель Азербайджанского национального комитета. Затем отказался от дальнейшего сотрудничества с немцами и вернулся в Румынию.

¹⁶ *Мир-Якуб Мехтиев* (1891–1952) — азербайджанец, экономист, один из основателей азербайджанской партии «Иттихад» и член ее ЦК (1918–1920 гг.). В 1917–1918 гг. депутат Закавказского сейма. В 1918 г. депутат Парламента Азербайджанской республики. В 1919 г. советник азербайджанской делегации на Парижской мирной конференции. С 1920 г. в эмиграции во Франции. В 1926–1939 гг. один из руководителей азербайджанской организации движения «Прометей». С 1930 г. примыкал к партии «Мусават». В 1942–1943 гг. член Азербайджанского национального комитета в Берлине.

¹⁷ *Kuromiya H., Matoulia G.* Op. cit. P. 180.

нии особенно следует отметить письмо Хасмамедова Баммату, в котором он излагал азербайджанский вопрос для составления совместной записки. Выступив за идею независимой Кавказской Конфедерации, он здесь требовал, чтобы внутренняя политика Азербайджана должна начинаться с нуля. Вместо старых организаций и групп, которым, по словам Хасмамедова, «не суждено играть роли», новое поколение, настроенное «идти по новой линии устройства жизни народов, возвещенного Великой Германией», должно взять политическую судьбу страны в свои руки. Подчеркнув значение благожелательного отношения Турции и Ирана к независимости Кавказа и отсутствие всяких территориальных претензий к этим государствам, он все-таки откликнулся положительно по вопросу создания Великого Азербайджана, т.е. соединение Персидского Азербайджана с территорией Азербайджанской ССР: «Однако если и Персидский Азербайджан, ныне оккупированный большевиками, будет освобожден от последних, и если будет признана необходимость соединения его с Кавказским Азербайджаном, то событие это будет встречено с большой радостью и признательностью, ибо совершится восстановление единого организма, расчлененного превратностью судьбы на две части» (№ 3).

И наконец, письма содержат много интересной информации о повседневной жизни кавказских эмигрантов того времени. Так, например, из писем Баммата следует, что питание кавказских гостей в «Адлоне», бывшей в довоенный период одной из самых роскошных гостиниц немецкой столицы, оставило желать лучшего: «Я очень жалею, что не принес больше сыра и сахара. Что касается сахара, то, к счастью, некоторые товарищи дали мне немного, в гостинице нет сахара, вообще! Фруктов тоже нигде нет» (№ 1). Баммат, кроме того, держал свою семью в курсе последних новостей из горской колонии Парижа. В связи с этим он подробно остановился и на создании северокавказской национал-социалистической партии некоторыми членами той колонии, которую он воспринимал как фарс: «Поздравляю нацистов в Берлине. Они сделали прозелитов брэнда... Есть основания полагать, что этот детский маскарад не воспринимается всерьез» (№ 1).

На основании этих и других замечаний, сделанных Бамматом в данных письмах, можно сделать вывод, что его прежнее позитивное отношение к Германии и национал-социалистам в 1942 г. уступало место все более сдержанному скептицизму и пессимизму. В итоге он, как и Хасмамедов, не стал сотрудничать с немцами. Из трех авторов переписки лишь Кантемир остался в Берлине и впоследствии стал ключевой фигурой северокавказской коллаборации.

№ 1

Письмо Г. Баммата Н. Баммату¹⁸Le 3 mai 1942¹⁹

Monsieur N. Bammate
Case postale n° 19
La Sallaz s/Lausanne

Mes chers enfants,

Cette lettre vous sera envoyée de Berne par Nouri Pacha²⁰, frère du célèbre Enver Pacha²¹, qui a fait beaucoup de bien à notre pays, lors de la précédente guerre, et dont je vous ai si souvent parlé. Nouri Pacha, qui lui aussi a joué le rôle de premier plan dans les affaires du Caucase et particulièrement en Azerbaïdjan, compte rester à Berne une semaine chez son frère cadet²². Vous pourrez m' écrire librement dans une double enveloppe, dont l'enveloppe extérieure devra porter l'adresse suivante

Herrn Dip[lom] In[genieur] Kâmil Ahmed²³
Thunstr. 84
Berne

Je vous ai envoyé jusqu'à présent deux cartes insignifiantes pour vous faire connaître que je suis en bonne santé...²⁴ Maintenant quelques détails. J'habite toujours [à] l'hôtel «Adlon» donc bien logé et nourri. Evidemment ce n'est pas la Suisse et la nourriture est très loin d'être satisfaisante — mais enfin on ne meurt pas de faim en Allemagne et ceux qui spéculent là-dessus se réservent des désillusions... Ali Khan²⁵ et Halil Bey²⁶, surtout le dernier, m'ont reçu amicalement — mais les Géorgiens qui sont nombreux et écoutés dans certains

¹⁸ *Наджмудин Баммат* (1922–1985) — старший сын Г. Баммата.

¹⁹ Благодарю за проверку наборов французских писем Ю. Кербел-Аслантюрк (Берлин).

²⁰ Имеется в виду Нури-паша Киллигиль.

²¹ *Исмаил Энвер-паша* (1881–1922) — османский и турецкий военный и политический деятель.

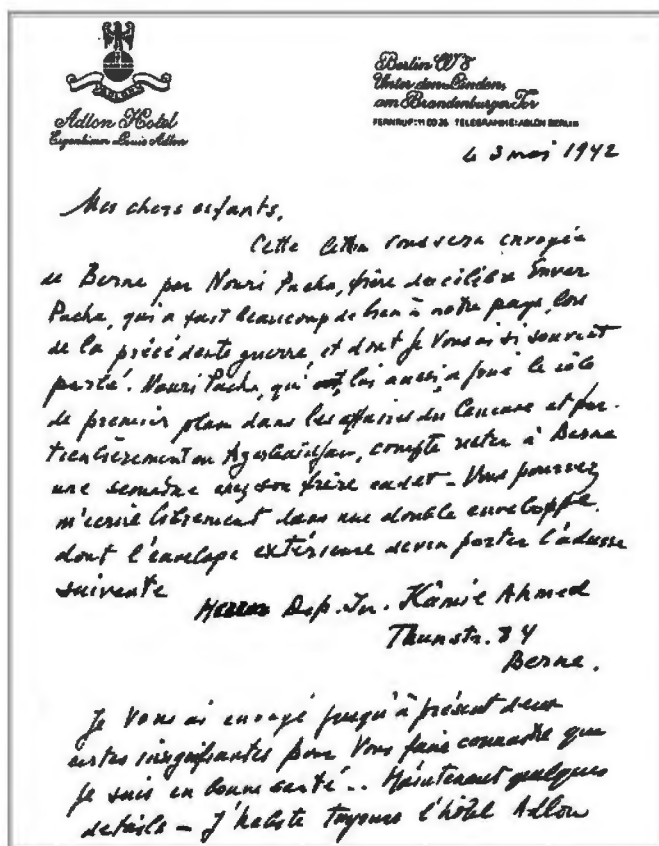
²² Имеется в виду Мехмет Камиль Киллигиль (1900–1962) — младший брат Нури-паши. С начала Второй мировой войны жил в Берне.

²³ *Камиль Ахмед* — турецкий инженер. В 1931 г. окончил Высшую школу горной промышленности и промышленности в Зонгулдаке. Затем работал в турецком Министерстве экономики.

²⁴ Здесь и далее уточнение в тексте.

²⁵ Имеется в виду Алихан Кантемир.

²⁶ Имеется в виду Халил-бек Хасмамедов.

Первая страница письма Г. Баммата Н. Баммату от 3 мая 1942 г.

milieux, qui s'intéressent aux affaires caucasiennes, comme il fallait s'y attendre, sont déchainés contre moi. Les intrigues battent leur plein....

Je ne suis pas seul à être invité à Berlin. Nombre d'autres Caucasiens, Azerbaïdjanais, Géorgiens et Montagnards sont invités. Parmi les derniers [sont] Vassan Guirey Djabagui²⁷ et Saïd Schamyl²⁸. Le premier a décliné l'invitation (probablement parce qu'il ne veut, ni ne peut collaborer avec Saïd Schamil), le second est en route et sera ici demain ou après-demain. Il est protégé à la fois par le ministre des Affaires étrangères de Turquie²⁹ et ... par le Grand Mufti³⁰. J'ai été assez aimablement reçu par le comte Schulenburg³¹, à qui je dois l'invitation,

²⁷ Имеется в виду Вассан-Гирей Джабагиев.

²⁸ Имеется в виду Мухаммад Саид Шамиль.

²⁹ Имеется в виду Шюкрю Сараджоглу (1887–1953) — в 1938–1942 гг. министр иностранных дел Турции.

³⁰ Имеется в виду Амин аль-Хусейни (ок. 1895–1974) — арабский и мусульманский лидер. В начале Второй мировой войны смещен британскими властями с поста муфтия Иерусалима. В 1941 г. переехал в Германию и стал сотрудничать с немцами.

³¹ Имеется в виду Вернер фон дер Шуленбург.

mais je n'ai pas pu encore prendre contact avec mes anciens amis allemands. Le pourrai-je ou non — je ne sais pas encore.

La situation politique en ce qui concerne nos affaires est très confuse... J'ai exposé mes idées oralement et par écrit. Les idées, qui sont prévaluées jusqu'ici, sont très loin de ce que je crois nécessaire... Il n'y a que peu d'espoir que je puisse être écouté... Par conséquent je resterai encore quelques temps en observateur... L'autant plus que d'autres hommes politiques doivent arriver... et d'ici une dizaine de jours je prendrai une décision de partir pour Paris, de revenir à la maison ou de rester ici. Je suppose que d'ici là je verrai un [peu] plus clair.

Maintenant quelques nouvelles parisiennes. Comme je vous ai déjà écrit tout le monde est en bonne santé. Zaour Bek³² habite quelque part à la porte Dauphine — un de nos collaborateurs a été chez lui — il se débrouille très bien! Pika³³ se sent beaucoup mieux, il est engraisé — sa famille est toujours à la Côte d'Azur. Daïdache³⁴ est à Paris. On voudrait l'utiliser ici pour le service de prisonniers tchéchènes. Un de nos collaborateurs était allé par deux reprises pour lui en parler à Paris — vers 11 h du matin — Daïdache dormait! Donc rien de changé... Mamedi³⁵ était venu à Berlin, il y a deux mois, comme ouvrier, mais il est reparti pour Paris. Mahmud Adjieff³⁶ est ici, non loin de Berlin, ainsi que Bajon³⁷, dans une fabrique — je ne les ai pas encore vus. Badi³⁸ prospère — on dit qu'il est maintenant riche — il a hérité de Mogulski³⁹ son ciné... Tambi

³² О ком идет речь, установить не удалось.

³³ *Абу-Бакар (Пика) Чермоев* (1895–?) — чеченец, промышленник. С 1921 г. в эмиграции во Франции, жил в Париже, принимал активное участие в общественной и политической жизни кавказской эмиграции в Париже.

³⁴ *Сайд-Эмин (Дайдаш) Тукаев* (1903–1954) — чеченец, офицер и промышленник. С 1920 г. в эмиграции во Франции. С 1926 г. участвовал в движении «Прометей». В 1930-х гг. служил в Французском Иностранном легионе. В 1942–1943 гг. член Особого штаба «Кавказ», с 1942 г. член Северокавказского национального комитета, с 1943 г. член Северокавказского штаба связи в Берлине, объезжал лагеря советских военнопленных с целью вербовки горцев в батальоны Северокавказского легиона.

³⁵ О ком идет речь, установить не удалось.

³⁶ *Мухаммад (Магомед) Аджиев* (1899 — после 1948) — чеченец, коммерсант и общественный деятель. С 1923 г. в эмиграции во Франции, жил в Париже. Член Союза горцев Кавказа (1931).

³⁷ О ком идет речь, установить не удалось.

³⁸ *Абдул-Меджид Бадуев (Бади)* (1895 или 1898–1943) — чеченец, промышленник, кинооператор и общественный деятель. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Член Чеченского национального совета. С 1921 г. в эмиграции во Франции, жил в Париже. Активный член разных общественных и политических организаций горской и кавказской эмиграции в Париже, секретарь парижской группы Партии республиканских федералистов Северного Кавказа (1932), президент Союза горцев Северного Кавказа, владельцев нефтяных месторождений (1933).

³⁹ О ком идет речь, установить не удалось.

Elékhoti⁴⁰ est attendu à Berlin. L'on dit qu'on mange mieux à Paris... grâce au marché noir...

Il fait toujours bien froid à Berlin. Il est encore impossible de se promener sans manteau ou en manteau léger. Avez-vous reçu le Nest-café⁴¹ qu'on m'a refusé de laisser emporter. Je regrette beaucoup de ne pas avoir pris davantage de fromage et de sucre. En ce qui concerne le sucre, heureusement quelques camarades m'en ont donné un peu — à l'hôtel on ne donne pas de sucre, du tout! Pas un fruit nul part. Ils me font réellement défaut. Il fallait prendre au moins des fruits secs en quantité... Me voilà, qui parle comme Islam Bek⁴².

J'espère que vous suivez fidèlement le programme établi en ce qui concerne l'étude des langues — et Timur⁴³ s'applique à ses leçons d'école. Bien de choses de ma part à votre professeur. J'ai envoyé ces deux lettres à leurs destinataires. Les amis ne s'attarderont pas à Rome. Le Baron O.⁴⁴ m'a dit qu'ils seront ici très prochainement — qu'il dise à notre excellentissime mangeur du beurre que j'ai fait sa commission.

Je vous embrasse bien fort. Maman peut dormir sur les deux oreilles. Il n'y a rien qui puisse l'inquiéter.

Le 7 mai 1942

J'ai continué la lettre commencée le 3 courant. J'ai reçu hier matin votre deuxième carte, où vous me parlez de la visite d'Ananda⁴⁵ et de sa mère. J'espère que vous leur avez réservé un accueil aimable, dont ils sont restés contents.

Mes affaires ici n'ont pas beaucoup changé d'aspect. Cependant tout espoir n'est pas perdu. On me conseille de la patience... Il y a un courant, faible très

---

⁴⁰ *Тамбий Елекхоти* (1886–1952) — осетин, юрист, офицер и меньшевик. В Первую мировую войну офицер Ингушского полка «Дикой» дивизии. В годы Гражданской войны активный борец за независимость горских народов, близок к руководству Горской республики. В 1921 г. эмигрировал в Турцию. С 1926 г. жил в Париже. Член Народной партии вольных горцев Кавказа. Сотрудничал с движением «Прометей» и группой «Кавказ». С 1942 г. член Северокавказского национального комитета.

⁴¹ Имеется в виду Nescafé.

⁴² *Ислам-бек Худояр-хан* (1889–1983) — узбек, афганский дипломат. С 1930-х гг. поверенный в делах Афганистана во Франции и Швейцарии, друг семьи Г. Баммата. В письме Баммату, перехваченном швейцарской полицией 21 февраля 1942 г., писал о плохом продовольственном снабжении в г. Виши, резиденции коллаборационистского правительства Франции.

⁴³ *Тимур Баммат* (1925–2001) — младший сын Г. Баммата.

⁴⁴ Вероятно, *Макс фон Оптенгейм* (1860–1946) — немецкий дипломат, востоковед и археолог. В Первой мировой войне сыграл ключевую роль в разработке и реализации идеи подъема исламского населения на Ближнем Востоке на борьбу против Англии под лозунгами джихада. В годы Второй мировой войны жил в Берлине, в 1940 г. составил меморандум о стратегии Германии на Ближнем Востоке.

⁴⁵ О ком идет речь, установить не удалось.

faible pour le moment, qui s'emploie à redresser la situation. Sans être très optimiste j'ai résolu de ne pas brusquer les choses ... et d'attendre.

Hier j'ai rencontré chez Ali Khan Taou Sultan Chakman⁴⁶. Il m'a donné des nouveaux détails sur la vie des nôtres à Paris et des nouvelles nouvelles — assez mauvaises. Primo — Chakoff⁴⁷, Muslim Israfiloff⁴⁸, Aslan Bek Balatokoff⁴⁹ sont morts. Notre pauvre Tchinga⁵⁰ est bien malade — tuberculose, il est à l'hôpital. Par contre Abou⁵¹, quoique toujours à l'hôpital — vit... En ce qui concerne Pika — ce que dit Taou Sultan diffère un peu de ce que m'a été rapporté par un de nos collaborateurs kabartaï. Pika se plaint toujours de ces ulcères et sa situation matérielle est difficile. Zaour Bek est l'homme qui a le mieux réussi... Il est cuisinier chez un allemand. Il est donc à la source de la mangeaille!... Maman s'intéressait à Min Khan⁵². Pauvre, elle souffre toujours de sa main et mène une vie difficile. Kourieff⁵³ est plus ou moins casé dans un office qui s'occupe d'émigrés nord-caucasiens. Le danseur Albagatchi⁵⁴ s'est découvert l'âme national-socialiste

⁴⁶ *Таусултан Шакманов* (1888–1944) — кабардинец, юрист и общественно-политический деятель. В 1917 г. участвовал в деятельности ЦК Союза объединенных горцев, председатель Кабардинского национального комитета. Во время Гражданской войны в Кабардинской бригаде Добровольческой армии. В начале 1920 г. в деникинской администрации в Нальчике. После победы большевиков на Северном Кавказе отправился в Грузию, затем проживал в Стамбуле, а с 1924 г. в Париже. В 1930-х гг. один из руководителей горцев в движении «Прометей».

⁴⁷ *Измаил Шаков* (1878–1941) — кабардинец, врач. В 1914–1917 гг. владелец хирургической лечебницы в Грозном. В 1920 г. эмигрировал в Стамбул. С 1923 г. жил в Париже. Активный член разных общественных и политических организаций горской и кавказской эмиграции, член Партии национал-демократов Северного Кавказа (1927–1929), член Национального совета Республики Северного Кавказа (1927–1929).

⁴⁸ О ком идет речь, установить не удалось.

⁴⁹ *Асланбек Болотоков* (1886 — после 1940) — адыг, с 1926 г. в эмиграции во Франции, жил в Париже. Вице-президент Союза горцев Кавказа (1931).

⁵⁰ О ком идет речь, установить не удалось.

⁵¹ *Абу (Абдул) Аделбиев* (1893–?) — чеченец, офицер. Служил в Чеченском конном полку. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции во Франции, жил в Париже.

⁵² О ком идет речь, установить не удалось.

⁵³ *Мурзала Куриев* (1882–1952) — ингуш, промышленник, в Первую мировую войну сражался в рядах «Дикой» дивизии, во время Гражданской войны командовал Ингушским полком. В 1920 г. эмигрировал в Стамбул. С 1921 г. жил во Франции. Активный член разных общественных и политических организаций горской эмиграции в Париже, президент парижской группы Партии республиканских федералистов Северного Кавказа (1932). С 1942 г. в Германии.

⁵⁴ *Джамал Албогачиев* (1894–1949) — ингуш, экономист, танцор и хореограф. С 1921 г. в эмиграции, жил в Берлине и затем в Париже. Много лет работал в парижских кабаре. Принимал активное участие в общественной жизни горцев Северного Кавказа во Франции, член Союза горцев Кавказа (1931) и правления Ассоциации беженцев-горцев Северного Кавказа во Франции (1932). В июле 1942 г. вернулся в Германию, член Северокавказского национального комитета (1943).

et organise un parti-nazi de Caucase du Nord — dont font partie: Aboukoff⁵⁵ (président), Kourieff (vice-président), lui-même [est] secrétaire général, Chakmanoff⁵⁶ [est] adhérent. On ignore s'il y a d'autres membres. Félicitations aux nazis de Berlin. Ils ont fait des prosélytes de marque... Il y a lieu de croire qu'on ne prend pas au sérieux cette mascarade enfantine.

Notre peintre Halil Mussayassul⁵⁷ aspire aussi aux rôles politiques et, grâce à ses relations avec quelques dirigeants du Parti, est considéré ici comme homme de confiance pour les affaires du Caucase du Nord. On en peut déduire combien peu les Allemands du jour comprennent aux choses de notre pays. Halil pour le moment se conduit convenablement et cherche notre appui. Sans cet appui il lui serait difficile de s'imposer même à une dizaine de compatriotes, qui travaillent ici... Nous le soutenons, car il peut être utile à la cause, s'il reste loyal... On verra s'il en est capable.

La santé n'est pas mauvaise — moi j'ai mal à m'habituer à la nourriture de guerre — des troubles gastriques assez fréquents en résultent... Enfin — on finira par s'habituer — Ali Khan a reçu une lettre d'Osman⁵⁸, qui est en Crimée. Il est sain et sauf — mais il a pris vis-à-vis de moi une attitude regrettable... Il m'en veut de ne pas avoir pris sa femme et lui-même en Suisse... Prétentions légèrement exagérées.

Schweizerisches Bundesarchiv, E4320B#1991/243#1265*, Az. C.13.01061 P. Bammate Haidar. Dokument Nr. 30. Bl. 1–4. Фотография подлинника. Рукопись.

⁵⁵ *Магомед Абуков* (1887–1943) — карачаевец, юрист. В 1917–1919 гг. принимал активное участие в создании Горской республики. В эмиграции проживал в Париже, активно участвовал в общественных и политических организациях горской эмиграции, член Ассоциации Северного Кавказа (1928) и Парижского отдела Народной партии горцев Кавказа (1929).

⁵⁶ Имеется в виду Таусултан Шакманов.

⁵⁷ *Халил-бек Мусаев (Мусаясул)* (1897–1949) — аварец, художник, в 1913–1914 гг. учился в Академии художеств в Мюнхене. В начале Первой мировой войны вернулся на Северный Кавказ. В 1921 г. направлен правительством Азербайджанской ССР в Германию для учебы. По окончании обучения остался в Мюнхене, портретист. С 1942 г. член Северокавказского национального комитета.

⁵⁸ *Осман Саиднуров («Губе»)* (1892–1943) — аварец, военный, разведчик. Во время Первой мировой и затем Гражданской войны служил в «Дикой» дивизии и армии А.И. Деникина. В 1919 г. вступил в армию Грузии. С 1921 г. в эмиграции в Турции. В 1934 г. стал членом группы «Кавказ». С 1937 г. на службе абвера, окончил учебный курс разведшколы в Штеттине. Весной 1942 г. находился в Симферополе как член немецкой парашютно-десантной группы. В августе того же года заброшен на территорию Чечено-Ингушской АССР с целью организовать антисоветское восстание в тылу Красной армии. В начале 1943 г. арестован органами госбезопасности СССР и затем расстрелян.

№ 2

ПИСЬМО Г. БАММАТА Н. БАММАТУ

Le 12 mai 1942

Monsieur Najmeddine Bammate
Boîte postale n° 19
La Sallaz s/Lausanne

Mes chers enfants,

Il y a quelques jours je vous ai écrit une longue lettre qui devait vous être expédiée de Berne par Nouri Pacha.

Le Pacha ayant retardé son départ, je vous écris encore. Probablement vous recevrez les deux lettres ensemble.

La situation générale pour notre cause continue à marquer une certaine amélioration. La décision définitive n'est pas encore prise. Il y a certains indices qui disent que cette décision ne tardera pas. Il serait cependant imprudent de présumer une solution tout à fait satisfaisante...

Dans ma situation personnelle aucun changement... Je continue à attendre... Je compte, dans cette attente, faire un bond jusqu'à Paris. J'en ai déjà parlé au ministère des Affaires étrangères⁵⁹. On n'y voit pas d'inconvénient. Je dois pourtant différer ce voyage de quelques jours, car j'ai quelques occupations qui me réclament ici. Je ne sais pas si je rentrerai directement de Paris en Suisse ou si je serai appelé de nouveau à Berlin. Si les affaires prennent définitivement une tournure favorable c'est cette dernière éventualité qu'il faut envisager. Si non — la première.

Hier j'ai rencontré Bajon chez Ali Khan et je l'ai invité avec Adjieff, qui était quelque part en ville, de venir me voir dans mon hôtel. Bajon est venu — Adjieff non. Je ne sais pas pourquoi?... Bajon a beaucoup maigri — comme tout le monde d'ailleurs. Son travail n'est pas pourtant difficile. Il ne connaît pas grand-chose de Paris, étant en Allemagne plus d'un an. Il n'a rien pu ajouter aux informations, que je vous ai donné dans ma lettre précédente.

Hier Saïd Schamyl est arrivé. Il est venu me voir... La situation intérieure ne manquera pas se compliquer davantage... Ali Khan fait du travail utile. Vassan Guirei a été empêché de venir, ce qui est regrettable, car il pourrait être très utile.

⁵⁹ Имеется в виду Иоахим фон Риббентроп (1893–1946) — в 1938–1945 гг. министр иностранных дел Германии.

Nous avons fait le nécessaire pour avoir ici Daïdach. J'espère que d'ici peu il sera ici — même peut être avant mon départ pour Paris.

Ma santé n'est pas mauvaise. Soyez rassurés, je commence à m'habituer à la nourriture...

J'ai reçu votre troisième carte, où vous me faites part du téléphone de Siegfried⁶⁰. Il faut lui dire que je suis à Paris et que je compte être de retour vers le 15 juin — peut être avant.

J'espère que vous continuez à mener la même vie tranquille et travaillez comme il faut. Je suis content que vous êtes allés au théâtre — allez-y de temps en temps. Je vous ai vus deux fois en songe — et avant-hier j'ai rêvé de maman.

Je vous embrasse bien fort.

Nouri Pacha sera de retour le 18. Donc, si vous voulez profiter de l'occasion, vous devez m'écrire par son intermédiaire de telle sorte que votre lettre soit à Berne pas plus tard que le 17. Il voyage en avion.

Schweizerisches Bundesarchiv, E4320B#1991/243#1265*, Az. C.13.01061 P. Bammate Haidar. Dokument Nr. 31. Bl. 1–3. Фотография подлинника. Рукопись.

---

⁶⁰ *Зигфрид* (имя не установлено) — директор отделения «Banque Cantonale Vaudoise» в Лозанне, друг семьи Г. Баммата.

№ 3

Письмо Х. Хасмамедова Г. Баммату

15 июня 1942 г.

Берлин

M-r Dr. Haidar bey Bammate
La Sallaz cp 19
Lausanne

Дорогой Гайдар бей,

Прошло всего пять дней после Вашего отъезда. За это время какой-либо перемены нет. По крайней мере я не знаю.

Пока меня не вызвали. Причины не знаю, но думаю, что интриги продолжаются.

Между Эмином⁶¹ и Якубом⁶² пока нет сговора и соглашения. С ними я не встречаюсь. И они, по-видимому, не ищут этой встречи.

Что касается записок их, то, к сожалению, достать копии мне не удалось. Содержание их известно мне в общей форме. Оба они показали себя сторонниками Кавказской Конфедерации. Кратко описав географию Азербайджана и изложив историю и чаяние населяющего его тюркского народа, оба подчеркивают возрождение его в 1918 г. к самостоятельному государственному существованию, причем первый особо подчеркивает роль своей партии в этом деле, а также работу ее в течение более 20 лет в эмиграции, а второй применительно к этому случаю утверждает, что сейчас он возглавляет эмиграцию, 75% которой идут за ним.

При первой и единственной нашей встрече Якуб говорил мне, что он, представляя свои словесные объявления, затронул вопрос и о Персидском Азербайджане. Есть ли по сему поводу что-либо в записках их, выяснить не удалось.

При составлении записки, если найдете целесообразным, обратите внимание и на следующее:

1. Географическое положение Кавказа, являющегося кратчайшей дорогой между Западом и Востоком и служившего как бы естественным мостом, через который проходили агрессивные силы с Востока на Запад и обратно. Не взирая на эти исторические превратности судьбы, наро-

⁶¹ Имеется в виду Мамед Эмин Расулзаде.

⁶² Имеется в виду Мир-Якуб Мехтиев.

ды Кавказа сохранили самобытное свое существование и национальную свою культуру.

2. Роль Грузии и Армении при завоевании Россией Кавказа и упорное сопротивление Азербайджана (убийство последнего Генджинского хана Джавад-хана⁶³ на стенах Генджинской крепости).

3. Центробежное стремление азербайджанского народа, считающего Россию всякой краски врагом и поработительницей исламо-тюркского мира, и осуществление им своего чаяния к независимому государственному существованию при наступлении первой возможности в 1918 г.

4. Окружение Азербайджана со всех сторон морем исламо-тюркских народов, враждебных в одинаковой степени к России.

5. Уважение к правам и чаянию азербайджанцев создаст несомненную симпатию всего исламо-тюркского мира к Великой Германии, которая найдет в нем естественного союзника в борьбе своей с панславизмом.

6. Экономические возможности в богато одаренном природой Азербайджане.

7. Отсутствие в Азербайджане марксизма, как политической доктрины. Насильственно привитый коммунизм исчезнет сам по себе при освобождении его от оккупации большевиков.

8. Азербайджанский народ является горячим сторонником устройства Кавказа на началах конфедерации. Он считает Кавказ законченной географической единицей, предназначенной самим провидением к независимому государственному существованию, и питает благожелательное отношение к остальным народам его, с которыми связан общностью исторической судьбы и экономикой.

9. Во внутреннем устройстве Азербайджана бывшим политическим организациям и группировкам не суждено играть роли. За 22 года оккупации большевиками Азербайджана многое изменилось, группировки эти потеряли свое значение и сделались достоянием истории и наконец выросло как на родине, так и в эмиграции новое поколение, которому принадлежит будущее и которое настроено идти по новой линии устройства жизни народов, возвещенного Великой Германией.

и 10. Одним из необходимых условий для мирного существования Кавказа является благожелательное отношение и двух пограничных государств — Турции и Персии к его независимости. Оно должно быть

⁶³ *Джавад-хан* (1748–1804) — последний правитель Гянджинского ханства. Погиб при штурме Гянджи русскими войсками.

гарантировано. Азербайджан не имеет территориальных притязаний к этим государствам. Однако если и Персидский Азербайджан, ныне оккупированный большевиками, будет освобожден от последних, и если будет признана необходимость соединения его с Кавказским Азербайджаном, то событие это будет встречено с большой радостью и признательностью, ибо совершится восстановление единого организма, расчлененного превратностью судьбы на две части.

Были у меня Магерамов⁶⁴ и Атамалибеков⁶⁵. По словам их, перед отъездом их собра[лась] азербайджанская парижская колония, которая вынесла свое решение об отрицательном своем отношении к Эмину и его партии. Оба они заявили, что неодобрительно относятся к здешнему поведению Якуба, и смеялись над козырянием его. Оба они — сторонники объединения активных сил. Говорили, что ожидают здесь конкретных предложений, о чем заявили при первом своем приеме. Пока таково настроение их.

Посещает меня и молодежь наша, фактически здесь работающая. Отношение их к Эмину и Якубу — отрицательное.

Попытаюсь объединить и организовать эту нашу молодежь, которая выражает пока симпатию ко мне.

Я виделся с нашим другом. Передал ему Ваше поручение, которое произвело очень хорошее впечатление. Высказал сожаление, что по известным мотивам не могла состояться встреча.

Прилагаю письмо на имя Али Рафи оглы и прошу Вас послать оттуда.

Кончая на скорую руку написанное письмо, я вынужден обратиться к Вам с одной просьбой: наконец после 1 ½ месячного перерыва я получил письмо от своей семьи. Жалуется на материальное свое положение. Отсюда я ничего не могу сделать. Если у Вас имеется какая-либо возможность, то не откажите послать ей оттуда 50 тур. лир (адрес семьи: İstanbul, Bebek, Manolya sok., N 16. Bayan Suad Gürgören), которые я с благодарно-

⁶⁴ *Мамед Магеррамов* (1895–1982) — азербайджанец, в 1918 г. член Национального совета Азербайджана. С января 1919 г. советник дипломатической делегации Азербайджана на Парижской мирной конференции. Жил во Франции. В 1926–1939 гг. один из руководителей азербайджанской организации в движении «Прометей».

⁶⁵ *Аббас-бек Атамалибеков* (1895–1971) — азербайджанец, в 1918 г. депутат Парламента Азербайджанской республики. В начале 1919 г. секретарь азербайджанской дипломатической миссии на Парижской мирной конференции. С 1920 г. в эмиграции во Франции. Активный участник движения «Прометей». В 1942–1945 гг. находился в Германии. В 1942–1943 гг. председатель азербайджанской секции Особого штаба «Кавказ». В 1943–1945 гг. информационный представитель Азербайджанского штаба связи в Берлине. В 1944–1945 гг. представитель Азербайджана в Кавказском совете.

стью возвращу при первой же нашей встрече. Я помню, что Вы говорили о приезде своем сюда через месяц.

Прошу передать мой искренний и горячий привет уважаемой Вашей семье.

Всего хорошего.

Крепко обнимаю Вас

Ваш Халил

Schweizerisches Bundesarchiv, E4320B#1991/243#1265*, AZ. C.13.01061 P. Vammate Haidar. Dokument Nr. 35. Bl. 1–15. Фотография подлинника. Рукопись.

№ 4

Письмо Х. Хасмамедова А. Рафиоглу

15 июня 1942 г.

Берлин

Bay Ali Rafioğlu

Aksaray, Koska, Kocaragip sok., N 20

İstanbul

Дорогой Али бей,

Посылаю тебе это письмо, будучи не уверен, дойдет ли оно и как скоро. Письма идут вообще очень долго и вот уже полтора месяца, как не получаю оттуда никаких писем. Из газет видно, что и Ваша жизнь там не так сладка. Ведется гигантская борьба и совершенно естественно, что она отражается везде и всюду. Однако надо терпеть, ожидая лучшего будущего, что — несомненно.

Оба они, т.е. Эмин и Якуб, здесь. Позиция первого — ясна и определена: ведет он свою партийную линию, говоря, что все должны сплотиться вокруг его партии.

Второй же козыряет своей «Шурой»⁶⁶, утверждая, что якобы 75% эмиграции идут за ним. В то же время продолжает числиться в партии первого, не желая, по-видимому, по персональным соображениям своим уходить из нее. Происходит какая-то не ясная игра. Они частенько встречаются, но пока сговора и соглашения между ними нет. Обоих в отдельности выслушали и в подтверждение своих словесных заявлений каждый из них отдельно представлял свою записку. Вообще здесь всех выслушивают и только. Происходит лишь исследование вопроса. Отношение большинства работающей здесь нашей молодежи к ним отрицательное. Приехавшие из Парижа Атамалибеков и Магерамов говорили мне, что и в Париже господствует такое же отношение к ним.

Якуб находится здесь в тесном унионе с Саидом⁶⁷, избегая деловой встречи с другими горскими деятелями. Последние здесь хорошо организованы. Саид с ними не сошелся и работает отдельно.

⁶⁶ Имеется в виду эмигрантская организация «Milli Şura» (Национальный совет), созданная М.Я. Мехтиевым.

⁶⁷ Имеется в виду Мухаммад Саид Шамиль.

Удельный вес как Эмина, так Якуба здесь далеко не высок. Это можно усмотреть и из того, что на местах будут опрошены и другие и в том числе и ты и Шефи⁶⁸ и Мирза⁶⁹.

Из последнего письма Шефи видно, что Якубу товарищи его по «Шура» поручили было повидаться в первую очередь со мною, а между тем мы виделись лишь на 8-й день его приезда. Встреча наша была не долгая и не деловая. Более по сей день мы не виделись.

Я воздерживался от ответственного выступления и ожидал приезда их, думая, что не взирая на то, что в прошлом было между нами, мы должны в такой исторический момент найти ради интересов нашей родины общий язык и выступить объединенно и солидарно. К глубокому сожалению, мои надежды не оправдались. Это тем более досадно, что другие народы Кавказа осознали это и действует каждый из них вовне солидарно.

Невольно приходится и мне работать отдельно от них. Симпатия здешней молодежи на моей стороне. Я начал объединять ее. Не говоря о многом другом и это обстоятельство бодрит меня. Составляю свой меморандум, который будет представлен на этих днях по назначению. Будущее несомненно принадлежит активной молодежи, с которой и надлежит главным образом работать.

Конечно, разрозненное наше выступление не может не повлиять на то впечатление, которое было бы при солидарности иным, но...

Пишу эти строки для сведения моих тамошних товарищей и друзей, которых, конечно, ты умело ознакомишь с содержанием этого письма. Обсудите сами и сделайте свои выводы. Пока не делаю конкретных предложений, думая, что кое-что вытекающее сделаете Вы сами там. Скажу только, что Вам не по дороге с этими лицами, преследующими в первую очередь персональные цели. Я послал также письмо Шефи бею, но не

⁶⁸ *Шафи-бек Рустамбеков* (1893–1960) — азербайджанец, юрист, журналист. В 1917 г. член ЦК партии «Мусават». В 1917–1918 гг. депутат Закавказского сейма. В 1918 г. член Азербайджанского национального совета. При Азербайджанской республике депутат парламента. С 1921 г. в эмиграции в Турции. В 1920-х гг. сотрудничал с движением «Прометей». В конце 1933 г. один из руководителей оппозиционной ячейки партии «Мусават» в Стамбуле. В 1934–1939 гг. примыкал к группе «Кавказ».

⁶⁹ *Мирза Хаджи-заде* (1897–1981) — азербайджанец, агроном. В числе 102 студентов, посланных в 1920 г. правительством Азербайджанской республики на учебу в Европу, прибыл в Берлин, где в 1920–1924 гг. учился в Высшей школе сельскохозяйственных наук. С 1926 г. жил в Турции, где работал руководителем сельскохозяйственной исследовательской станции и доцентом, член партии «Мусават», с 1930-х гг. примыкал к оппозиции против М.Э. Расулзаде.

знаю, дошло ли оно. Рагим бей⁷⁰ знает подробности и по возвращении все расскажет ему.

На этом заканчиваю. Передай мой горячий привет тамошним товарищам и друзьям.

Всего хорошего.

Крепко обнимаю и целую тебя

Твой Халил

P.S. Здоровье мое удовлетворительное. Погода — дождливая и прохладная.

X.

Schweizerisches Bundesarchiv, E4320B#1991/243#1265*, Az. C.13.01061 P. Vammate Haidar. Dokument Nr. 36. Bl. 1–9. Фотография подлинника. Рукопись.

---

⁷⁰ Рагим-бек Гёкчай (1897–1999) — азербайджанец, выпускник Высшей технической школы в Карлсруэ. В 1942 г. находился в Берлине.

№ 5

Письмо А. Кантемира Г. Баммату

17 июня 1942 г.

Monsieur H. Bammate
La Sallaz Case post. 19
Lausanne

Дорогой Гайдар!

Из писем Халила, посылаемых одновременно с этим, ты увидишь, как обстоят дела в этом секторе. Азерб[айджанская] молодежь, включая и Магерамова⁷¹ и даже Атамали⁷², в общем пока твердо группируется вокруг Халила Ами⁷³ и в полном контакте со мной.

У них пока дела обстоят в том же положении, что и при тебе. Сегодня мне придет вечером Магеррам для разговора, посмотрим, что он имеет нового.

Состряпай записку для Халила по-французски или по-русски и пришли в напечатанном готовом виде. Лучше по-французски или по-немецки, хотя на последнем у тебя вряд ли будет возможность.

Халил Ами после тебя еще раз разговаривал с хильмиевским⁷⁴ приятелем (младшим), объяснил ему твоё желание видетсья и твой отъезд. Тот якобы отнесся очень сочувственно, но встреча не могла состояться с тобой по понятным соображениям.

Наши дела в том же положении. Записки Ахмеда⁷⁵, Али⁷⁶ и приехавшего позавчера Кази-хана⁷⁷ приготовлены и поданы.

⁷¹ Имеется в виду Мамед Магеррамов.

⁷² Имеется в виду Аббас-бек Атамалибеков.

⁷³ Дядя (азерб.). Имеется в виду Халил-бек Хасмамедов.

⁷⁴ О ком идет речь, установить не удалось.

⁷⁵ *Ахмет-Наби Магомаев* (1897–1961) — аварец, инженер. В 1918 г. комиссар Андийского округа и председатель Андийского окружного Национального совета. В эмиграции жил в Чехословакии. Принимал активное участие в общественной жизни горцев Северного Кавказа в Европе, член правления Союза горцев Кавказа, член Национального совета Республики Северного Кавказа (1927–1929). В 1940 г. переехал в Берлин, с 1942 г. председатель Северокавказского национального комитета.

⁷⁶ *Али Шаханов* — балкарец. В эмиграции жил в Чехословакии и во Франции. Член Союза горцев Кавказа (1923). С осени 1941 г. член комиссии по делам военнопленных Имперского министерства оккупированных восточных территорий, с 1942 г. член Северокавказского национального комитета.

⁷⁷ *Кази-Хан Бесолти (Бесолов)* — осетин. В 1920-е гг. жил в Чехословакии. Член правления Союза горцев Кавказа (1925) и член Народной партии горцев Кавказа (1929). В 1928–1939 гг. военный советник албанского короля Зогу.

Людей у нас набирается очень много.

Однако моя поездка в В[арша]ву пока затормозилась. Лично я еще не мог видаться с профессором⁷⁸, но последний объяснил Вали бею⁷⁹, что мое положение опять осложнилось и о немедленной поездке к эсирам⁸⁰ пока речи не может быть. Вообще же просил и тебе мне передать просьбу проявить маленькое терпение, все «переменится к лучшему и как мы того хотим».

В картвельском секторе принц⁸¹ провален и на его место в качестве председателя выдвинуты Спиридон⁸² и Авалов⁸³, при чем говорят, что

⁷⁸ *Герхард фон Менде* (1904–1963) — немецкий профессор, востоковед, специалист по тюркским и кавказским народам СССР. После вторжения Германии в СССР руководитель Кавказского отдела Имперского министерства оккупированных восточных территорий. Играл ключевую роль в создании национальных комитетов кавказских и мусульманских народов СССР.

⁷⁹ Возможно, *Вели Каюм-хан* (1904–1993) — в 1922 г. приехал из советской Средней Азии в Берлин на учебу. С середины 1930-х гг. научный сотрудник Внешнеполитического управления НСДАП и Высшей школы зарубежья в Берлине. После нападения Германии на СССР член комиссии по делам военнопленных Имперского министерства оккупированных восточных территорий. Принимал активное участие в создании Туркестанского легиона. Весной 1942 г. по поручению немецкого МИДа собрал кавказских эмигрантов в Париже. С 1942 г. возглавлял Национальный комитет объединения Туркестана. Возможно, *Ахмедвали (Ахмед Вали) Менгер* (1891–1978) — татарин, предприниматель, эмигрант, весной 1942 г. находился в Берлине, жил в «Адлоне», контактировал с Нури-пашой и турецким генералом Эркилетом.

⁸⁰ Пленный (араб./тур.). Кантемир, по-видимому, планировал посетить или лагеря военнопленных, или же части кавказских легионов вермахта. В то время перешедшие на сторону немцев северокавказцы служили и в Кавказско-Магометанском и в Грузинском легионах, сформированных на территории оккупированной Польши в декабре 1941 г. Отдельный Северокавказский легион был создан в августе 1942 г.

⁸¹ *Ираклий Багратион-Мухранский* (1909–1977) — грузинский князь из царской династии Багратионов, претендент на престол Грузии. В 1921 г. эмигрировал в Германию, в 1930-х гг. жил в Италии. По желанию Шуленбурга должен был возглавлять Грузинский национальный комитет, но этот замысел провалился из-за возражения Розенберга. Осенью 1942 г. выбран президентом монархической организации «Картвел традиционалиста кавшири» (Союз грузинских традиционалистов) в Берлине.

⁸² *Спиридон Кедиа* (1884–1948) — грузин, в 1917 г. один из основателей Грузинской национал-демократической партии. С 1918 г. депутат парламента Грузии, с 1919 г. член Учредительного собрания Грузинской демократической республики. После советизации Грузии в 1921 г. организовал сопротивление советским властям и был арестован. В 1923 г. эмигрировал во Францию, где остался лидером грузинских национал-демократов, в 1942–1943 гг. член Грузинского национального комитета.

⁸³ *Зураб Авалишвили* (1876–1944) — грузин, юрист, историк. В 1917 г. избран в Всероссийское учредительное собрание. В 1918 г. заместитель министра иностранных дел Грузинской демократической республики. В 1919 г. член грузинской делегации на мирной конференции в Париже. После советизации Грузии эмигрировал в Германию. В 1930-е гг. входил в группу «Кавказ». С 1942 г. член Грузинского национального комитета.

При этой пятерке будет совещательный орган из 12–15 чел[овек]. Тут называют Лад⁸⁶, Мишу⁸⁷, Кересел[идзе]⁸⁸ и т.д.

Ходят слухи, распротр[аненные] из картв[ельского] лагеря о том, якобы Сев[ерный] Кавк[аз] будет поручен Бове⁸⁹, а тебя якобы за твои писания выдворили. Твои писания появились у многих на груз[инском] языке, не могу никак захватить один экземпляр. С М. Yassulom⁹⁰ пока идет все благополучно. Жена⁹¹ его приехала, очень толковая женщина. Конечно, хочет, чтобы муж был кем-нибудь, но разума не теряет. Шакм[анова]⁹² уже зачислили и поселили на квартире в городе. Джамбулат⁹³ еще не переехал. Нет также Тамби⁹⁴, Тукая⁹⁵ и Келеча⁹⁶.

⁸⁶ *Владимир Ахметели* (1887–1942) — грузин, экономист, в 1919–1922 гг. посланник Грузинской демократической республики в Берлине. В 1930-е гг. входил в группу «Кавказ». В 1938 г. назначен на пост директора Управления по делам кавказских беженцев в Германии. В августе 1942 г. скоропостижно умер в Берлине.

⁸⁷ *Михаил Кедиа* (1902–1952) — грузин. В 1921 г. покинул Грузию. Жил в Турции, Германии, а с 1924 г. во Франции. В 1925 г. один из основателей правой грузинской организации «Тетри Гиорги». В 1937–1939 гг. примыкал к группе «Кавказ». В 1940 г. назначен руководителем Грузинского бюро, координирующего деятельность эмигрантских групп и партий во Франции. В 1941–1945 гг. находился в Германии. В 1942–1943 гг. член Особого штаба «Кавказ». С 1943 г. руководитель Политического отдела Грузинского штаба связи в Берлине.

⁸⁸ *Лео Кереселидзе* (1885–1944?) — грузин, военачальник. Во время Первой мировой войны член Комитета независимости Грузии в Берлине и командир Грузинского легиона немецкой армии в Турции. В 1918–1921 гг. служил в армии Грузии. С 1921 г. в эмиграции, жил в Швейцарии, Турции, Франции, Марокко и Германии. В 1927–1943 гг. генеральный секретарь правой грузинской организации «Тетри Гиорги». С 1941 г. в Германии, в 1942–1943 гг. член Грузинского национального комитета. Принял активное участие в создании монархического «Картвел традиционалиста кавшири» (Союз грузинских традиционалистов).

⁸⁹ О ком идет речь, установить не удалось.

⁹⁰ Имеется в виду Халил-бек Мусаев (Мусаясул).

⁹¹ *Мелани фон Нагель-Мусаясул* (1908–2006) — немецкая баронесса, переводчица и поэтесса.

⁹² Имеется в виду Таусултан Шакманов.

⁹³ *Афанасий (Джамбулат) Дзанти* (?–1958) — осетин, ученый и поэт. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции проживал во Франции. Активный деятель осетинской колонии в Париже, член Народной партии горцев Кавказа (1929).

⁹⁴ Имеется в виду Тамбий Елекхоти.

⁹⁵ Имеется в виду Сайд-Эмин (Дайдаш) Тукаев.

⁹⁶ *Султан Клыч-Гирей (Келеч-Гирей)* (1880–1947) — адыг, военачальник. В Первую мировую войну офицер Черкесского конного полка «Дикой» дивизии. В годы Гражданской войны генерал-майор Добровольческой армии. С 1921 г. в эмиграции, один из руководителей Народной партии горцев Северного Кавказа. С 1941 г. участвовал в формировании горских воинских частей, входивших в состав вермахта и Казачьего корпуса генерала П.Н. Краснова. В 1942–1943 гг. председатель северокавказской секции Особого штаба «Кавказ». С 1942 г. член Северокавказского национального комитета, с 1943 г. член Северокавказского штаба связи в Берлине. В 1945 г. интернирован англичанами и передан советскому командованию. Казнен в Москве.

Относительно прессы имели большое междуведомственное совещание, откуда сейчас только вернулся и спешу поспеть сдать это письмо через час.

Подняли вопрос об языке для Сев[ерного] Кав[каза]. Четыре яз[ыка] или один, при чем, в последнем случае не будет ли целесообразнее временно пользоваться русским? Я предложил оставить четыре для С[еверного] Кав[каза], а общий язык, если нужен, то не только для нас, но и для всего Кавказа и в этом случае изъявил желание на русский яз[ык] как временную меру.

Херв[арт]⁹⁷, известный тебе, разделил мой взгляд, но другие его коллеги ограничились изъяснением принципиального признания единения между всеми кавказцами в эконом[ике], культ[уре] и т.д., но к общей прессе отнеслись сдержанно. Наверное еще раз будем разговаривать об этом вопросе, который возник неожиданно, и к которому не были подготовлены и др[угие] наши горные земляки⁹⁸. Тамби очень нужен. Без тебя я совершенно становлюсь сумасшедшим. Умоляю тебя возвращайся.

Время подходит. Пришла еще компания. Выхожу, чтобы сдать это письмо.

Обнимаю тебя и детей крепко.

Мой сердечный привет Зейнаб ханум⁹⁹.

Представил к делу Ахмата Бадуева¹⁰⁰ и Аджиева¹⁰¹ тоже.

Пока кажется сказано все.

Твой Али

Schweizerisches Bundesarchiv, E4320B#1991/243#1265*, Az. C.13.01061 P. Bammate Haidar. Dokument Nr. 34. Bl. 1–4. Фотография подлинника. Рукопись.

⁹⁷ Ханс фон Херварт (1904–1999) — немецкий дипломат и офицер. В 1931–1939 гг. атташе и секретарь миссии немецкого посольства в Москве. С начала Второй мировой войны служил в вермахте. В начале 1942 г. откомандирован в МИД, затем работал в штабе командующего войсками в генерал-губернаторстве, в орготделе Генштаба, а с лета 1942 г. адъютантом уполномоченного по вопросам Кавказа при группе армии «А» генерала Э. Кестринга. Играл ключевую роль в создании кавказских и мусульманских добровольческих формирований.

⁹⁸ В итоге этих обсуждений было принято решение издавать газету Северокавказского легиона «Газават» в двух разных видах: выпускалась версия на русском и вторая версия, включающая в себя тексты на нескольких северокавказских языках (т.е. на карачай-балкарском, чечено-ингушском, кумыкском, осетинском, адыгейском и лезгинском).

⁹⁹ Зейнаб Баммат (1905–1977) — чеченка, жена Г. Баммата.

¹⁰⁰ Ахмад Бадуев (1901–1948) — чеченец, старший брат чеченского драматурга С. Бадуева. Жил во Франции.

¹⁰¹ Имеется в виду Мухаммад (Магомед) Аджиев.

REFERENCES

1. *Babich I., Gladkova T., Mnuhin L.* Severokavkazci v emigraciji v XX veke [North-Caucasians in Exile in the 20th Century]. Moskva; Berlin: DirektMedia, 2020. 297 s.
2. *Dallin A.* German Rule in Russia, 1941–1945. A Study of Occupation Policies. London: Macmillan, 1957. 695 p.
3. *Kuromiya H., Mamoulia G.* The Eurasian Triangle. Russia, The Caucasus and Japan, 1904–1945. Warsaw; Berlin: De Gruyter, 2016. 232 p.
4. *Mamulia G.* Gruzinskiy legion Vermahta [The Georgian Legion of the Wehrmacht]. Moskva: Veche, 2011. 415 s.
5. *Mamulia G., Abutalybov R.* Strana ognj. V bor'be za svobodu i nezavisimost. Politicheskaya istoriya azerbajdzhanskoj emigraciji 1920–1945 gg. [Land of Fire. The Struggle for Freedom and Independence. A Political History of the Azerbaijani Emigration 1920–1945]. Parizh–Baku: CBS, 2014. 578 s.
6. *Mühlen P. von zur.* Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg [Between Swastika and Red Star. The Nationalism of Soviet Eastern Peoples in the Second World War]. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. 256 s.
7. *Ülküsal M.* İkinci Dünya Savaşında. 1941–1942 Berlin hatıraları [In the Second World War. 1941–1942 Berlin Memoirs]. İstanbul: Emel, 1976. 152 s.

Ключевые слова:

Алихан Кантемир, Гайдар Баммат, Халил-бек Хасмамедов, нацистская Германия, национально-освободительные движения, Северный Кавказ, политические эмигранты, Советский Союз, Вторая мировая война.

Johannes Schnelle

«THE INTRIGUES ARE IN FULL SWING»:

Five Letters of the Caucasian Political Émigrés G. Bammat,
A. Kantemir and H. Hasmmamedov from the Berlin «Adloniada»
in 1942

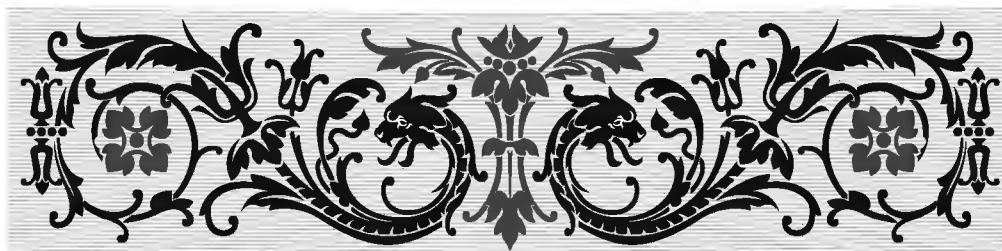

conference organised by the German Foreign Ministry in 1942 for a large group of émigré politicians from the Caucasus — commonly referred to as the ‘Adloniada’ after the Berlin hotel most of them were staying at — proved to be a pivotal event in the evolution of German policies regarding the Caucasus region. Five letters published here for the first time provide an insight into its proceedings from the perspective of three participants from the North Caucasus and Azerbaijan. They help further our understanding of the concrete course of events, the intrigues among and political proposals of the attending Caucasian émigrés, as well as their attitudes towards their German hosts.

Key words: Alikhan Kantemir, Haidar Bammat, Khalil Khasmmammadov, Nazi Germany, National Liberation Movements, North Caucasus, Political Émigrés, Soviet Union, World War II.

Йоханнес Шнелле

Германский исторический институт в Москве

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // *Information Support of Science. New Technologies: Collected papers* [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // *Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.*] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1 500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник»
можно он-лайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс — ПА772.

Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.

Для заметок

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 25.12.2020 г. Формат 70×108 1/16. Усл.-печ. л. 204. Заказ № 1103.

Адрес редакции: 119071, г. Москва, Ленинский пр-т. 15А
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2020

---

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии Издательского центра РГГУ. Адрес: 125993, Москва, Миусская пл., 6.
Электронная почта: kentavr@rggu.ru. Тел.: +7 (499) 973-42-05

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

Следующий том «Исторического вестника» будет посвящен 800-летию одного из наиболее знаменитых деятелей Русского Средневековья — князя Александра Невского. В него войдут исследования, рассматривающие как военные и политические деяния Александра, так и память о нем в последующие эпохи.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке